This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

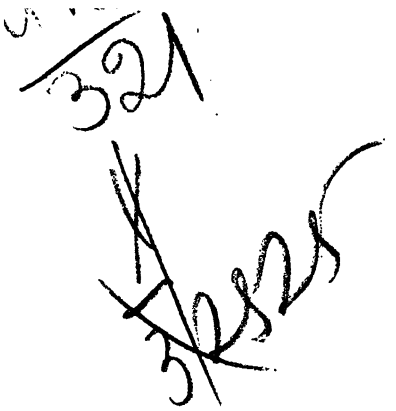
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Л. М. Инскій.

СИЛУЭТЫ.

Цѣна 80 коп.

МОСКВА.
Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтык. пер., д. Т-ва, № 9.
1908.



Inskiĭ, L.M.

Л. М. Инскій.

СИЛУЭТЫ.

МОСКВА.
Т—во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтык. пер., д. Т-ва, № 9.
1908.

PG3467
I54S5

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Ксаня	1
Никогда	23
Марула	55
Отомстила	95
Наташинъ крестъ	129
Аймысъ	155
Монахъ	165
По завѣтамъ отцовъ	181

Ксаня.

Кеня.

Въ началѣ 80-хъ годовъ я получилъ мѣсто судебнаго слѣдователя въ одномъ изъ уѣздовъ средней полосы Россіи. Вскорѣ послѣ своего переселенія въ К. мнѣ пришлось по одному слѣдственному дѣлу побывать въ большомъ селѣ Успенскомъ, расположенномъ на берегу р. Оки.

Хотя это было и лѣтомъ, въ началѣ іюня, но погода стояла убійственная, съ самаго ранняго утра шелъ мелкій, чисто осенній, дождикъ, пронизывавшій до костей, и я мечталъ какъ бы скорѣе добраться до цѣли своего путешествія и согрѣться за стакановъ горячаго чая.

Пріѣхалъ я въ Успенское часовъ въ 8 вечера, и возница подвезъ меня къ постоялому двору.

Съ трудомъ снявши съ себя промокшій плащъ, я вошелъ, въ такъ называемую господскую комнату, пріятно поразившую меня своею, не совсѣмъ обычною на нашихъ постоялыхъ дворахъ, чистотою и опрятностію.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла женщина, какъ послѣ оказалось, хозяйка постоялаго, поразившая меня еще болѣе непривычной чистоты комнаты.

Передо мной стояла красавица, въ полномъ смыслѣ этого слова, правильный римскій профиль, аристократическія, хотя и загрубѣлыя, руки и маленькія, точно выточенныя, ноги, выглядывавшія изъ-подъ, приподнятаго до колѣнъ, сарафана.

Все это вмѣстѣ, т.-е. красота и не простая красота русской крестьянской женщины, а барственная красота, въ сочетаніи съ крестьянскимъ костюмомъ, все это меня такъ поразило, что я не сразу даже отвѣтилъ на вопросъ красавицы о самоварѣ. Не будь этого кумачеваго сарафана и босыхъ ногъ, ее можно было бы принять скорѣй за какую нибудь великосвѣтскую даму, чѣмъ за хозяйку деревенскаго постоялаго двора.

Мои попытки разговориться съ нею не увѣнчались успѣхомъ, я получалъ односложные, хотя и вѣжливые, отвѣты. Какъ ни старался я придумать, что нибудь чѣмъ бы можно было объяснить подобное сочетаніе красоты и главное изящества съ деревенскимъ костюмомъ, босыми ногами и скромною обстановкою постоялаго двора, мнѣ это не удавалось.

Видя, что всѣ мои попытки найти объясненіе не приводятъ ни къ чему, я отложилъ разрѣшеніе этой загадки до возвращенія въ К., въ надеждѣ, что мой квартирный хозяинъ, прослужившій въ К... уѣздѣ болѣе 25 лѣтъ въ должности уѣзднаго врача

и изъѣздившій его вдоль и поперекъ, удовлетворитъ мое любопытство.

Вернувшись черезъ нѣсколько дней домой, я, при первомъ же свиданіи, поспѣшилъ спросить Франца Ивановича (такъ звали моего хозяина) о встрѣченной на постояломъ дворѣ переодѣтой царевнѣ и получилъ отвѣтъ, который меня удивилъ, пожалуй, больше самой встрѣчи.

На мой вопросъ, знаетъ-ли онъ хозяйку постоялаго двора въ с. Успенскомъ—Францъ Ивановичъ, лукаво улыбнувшись, отвѣтилъ: конечно знаю. А что, развѣ она замѣшана въ какой нибудь уголовщинѣ?

—Нѣтъ, уголовщины то никакой нѣтъ, она просто поразила меня своимъ видомъ и если бы не подоткнутый сарафанъ и ея босыя ноги, то можно бы было принять ее за какую нибудь княгиню, графиню, за кого угодно, но никакъ не за простую деревенскую бабу. Она, не смотря на не привлекательность окружающей ее обстановки и костюма, такъ и просится на полотно, а ея загорѣлой и огрубѣвшей ногѣ могла бы позавидовать любая натурщица.

—Теперь то она не княгиня и не графиня, но и не крестьянка по происхожденію и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ни она сама, ни ея близкіе никакъ не воображали, чтобы когда нибудь она ходила въ такомъ видѣ, какъ вы ее видѣли и ожидали для нея несравненно лучшей карьеры, чѣмъ карьера хозяйки постоялаго двора въ Успенскомъ.

Было бы, конечно, менѣе удивительнымъ видѣть

ее гдѣ нибудь среди блестящей обстановки, чѣмъ услуживающей и подающей самовары проѣзжающимъ. Она урожденная княжна Боровская.

—Т.-е. вы, вѣроятно, хотѣли сказать незаконная дочь князя Боровскаго? спросилъ я Франца Ивановича, будучи окончательно пораженъ его отвѣтомъ.

—И не думалъ—она наизаконнѣйшая дочь князя Николая Ивановича Боровскаго и его супруги Ксеніи Александровны, урожденной графини Оськиной.

—Но какимъ же образомъ княжна Боровская могла очутиться хозяйкою постоялаго двора? Вѣроятно этотъ князь разорился и не могъ дать дочери никакого образованія, да и въ этомъ случаѣ для меня совершенно не понятно такое превращеніе; неужели же у нея не было родныхъ, которые бы могли принять въ ней участіе и дали бы ей возможность добывать насущный хлѣбъ болѣе подходящимъ способомъ. Согласитесь же, Францъ Ивановичъ, что не можетъ же быть пріятно какому нибудь князю Боровскому знать, что его родственница, урожденная княжна Боровская, принуждена, ради насущнаго хлѣба, прислуживать на постояломъ дворѣ и вращаться въ грубой крестьянской средѣ. Нельзя же допустить, что бы объ ея судьбѣ никто не зналъ, разъ знаете Вы, то, думаю, знаютъ и другіе. Наконецъ если роднымъ нѣтъ дѣла до нея и они ее бросили на произволъ судьбы, то что же думаетъ предводитель, вѣдь это его была обязанность не допу-

стить ее до подобнаго положенія, въ какомъ она теперь находится.

—Однако, Александръ Семеновичъ, ужъ не потеряли ли вы свое сердце въ Успенскомъ,—улыбаясь замѣтилъ Францъ Ивановичъ, но вы не волнуйтесь, не горячитесь и не спѣшите обвинять, ни въ чемъ не повинныхъ, родныхъ ея и предводителя.

Дѣло въ томъ, что ея отецъ—Боровской не разорился, живетъ въ своемъ имѣніи, хуторѣ Зайцевѣ, въ сосѣднемъ М... уѣздѣ, нашей же губерніи, верстахъ въ 150 отъ Успенскаго и далъ своей дочери прекрасное образованіе. Она кончила въ Московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ, а до института, гдѣ пробыла два года, она жила въ деревнѣ отца, гдѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ его, шло ее образованіе, а князь Николай Ивановичъ безусловно образованный человѣкъ и приложилъ всѣ старанія, что бы дать хорошее образованіе своимъ дѣтямъ, сыну Петру, служащему теперь въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ и дочери Ксеніи, которую вы и видѣли въ образѣ деревенской бабы и которая Васъ такъ поразила.

—Ну, что называется, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Если въ началѣ разговора съ вами я очень мало понималъ во всей этой исторіи, то теперь, уже буквально ничего не понимаю и прошу васъ, дорогой Францъ Ивановичъ, разсказать мнѣ біографію этой красавицы — княжны, превратившейся въ босоногую крестьянку, которую вы, повидимому, хорошо знаете. Надѣюсь, вы мнѣ не отка-

жете въ этомъ, вы видите, что я прямо таки сгораю отъ любопытства.

—Вижу, вижу, смѣясь произнесъ Францъ Ивановичъ, и потому удовлетворю Ваше любопытство, разскажу вамъ біографію княжны—крестьянки, которая, дѣйствительно, не изъ обычныхъ. Но только впередъ прошу извиненія, разсказывать я не мастеръ и краснорѣчіемъ не отличаюсь, а передамъ вамъ лишь то, что мнѣ извѣстно, а такъ какъ разсказъ предстоитъ довольно длинный, то перейдемъ лучше въ кабинетъ тамъ и уютнѣе, да и мѣшать намъ никто не будетъ.

Усѣвшись въ, дѣйствительно уютномъ, кабинетѣ хозяина, я приготовился слушать его разсказъ о необыкновенной судьбѣ княжны, а Францъ Ивановичъ, закуривши сигару, усѣлся съ ногами на диванъ и медленно началъ свое повѣствованіе.

—Князь Николай Ивановичъ Боровской происходитъ изъ очень древняго боярскаго рода, не утерявшаго, благодаря богатству, своего значенія въ нашей губерніи; отецъ его—князь Иванъ Петровичъ, былъ нѣсколько лѣтъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Сыну своему онъ далъ прекрасное образованіе сначала дома, а затѣмъ помѣстивши его въ московскій университетъ. Князь Николай Ивановичъ попалъ въ университетъ въ самый разгаръ у насъ либерализма; молодой князь съ своею отзывчивою натурою попалъ въ кружокъ самыхъ ярыхъ демократовъ и быстро поддался ихъ вліянію, и хотя впослѣдствіи всѣ эти идеи испарились, но

всетаки оставили слѣдъ въ душѣ и, пожалуй, имѣли вліяніе и на воспитаніе его дочери—Ксани.

Послѣ окончанія курса молодой князь, по настоянію отца, поступилъ на службу, въ одинъ изъ петербургскихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и вскорѣ позабылъ свои студенческіе идеалы, завертѣвшись въ вихрѣ столичныхъ удовольствій.

Его знатное происхожденіе и богатство открыли ему двери всѣхъ свѣтскихъ салоновъ, вездѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ, а въ домахъ, гдѣ были барышни и желаемымъ женихомъ; и дѣйствительно—въ одномъ изъ такихъ домовъ онъ встрѣтилъ красавицу—графиню Ксенію Александровну Оськину, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ первой ихъ встрѣчи молоденькая графиня Оськина стала княгинею Боровской. Вскорѣ послѣ свадьбы умеръ старый князь, и молодые переселились въ нашъ уѣздъ.

Года черезъ два у молодой четы родился сынъ, а еще черезъ $1^1/_2$ года дочь, названная въ честь матери Ксеніей.

Какъ я уже упомянулъ, время студенчества оставило свой неизгладимый слѣдъ во взглядахъ на жизнь и общество, слѣдствіемъ этихъ же взглядовъ было предоставленіе полной свободы дѣтямъ. Для нихъ ни въ чемъ не было запрету, результатомъ чего явилось страшное своеволіе и упорство, родителей они совершенно игнорировали, особенно же Ксаня.

Дѣло въ томъ, что ея кормилица поселилась въ

усадьбѣ князя, такъ какъ года черезъ три послѣ рожденія Ксани мужъ Пелагеи умеръ, и она поступила въ усадьбу ключницею и, сдавъ кому-то свою усадьбу въ Успенскомъ, переселилась въ избу, на заднемъ дворѣ княжеской усадьбы.

Ксаня страшно привязалась къ своей кормилицѣ и къ ея дѣтямъ, которыхъ у нея было двое:—Яша, бывшій года на три старше Ксани, и дочь, Груня, молочная сестра княжны. Ксаня чувствовала себя несравненно лучше въ семьѣ кормилицы, чѣмъ въ присутствіи отца и матери, которые хотя и сильно любили своихъ дѣтей, но по своему характеру не умѣли этого показать и благодаря чему дѣти не были къ нимъ привязаны. При той свободѣ, которую предоставлялъ князь своимъ дѣтямъ, никто не мѣшалъ Ксанѣ вести дружбу съ Яшей и Грунею. Рѣдкій день не забѣгала Ксаня въ избу къ своей кормилицѣ, гдѣ ее встрѣчали радостные возгласы ея друзей.

Когда княжнѣ минуло 15 лѣтъ, было рѣшено отдать ее въ институтъ, такъ какъ родители увидѣли необходимость пріучить ее хотя бы къ нѣкоторой дисциплинѣ и удалить ее хотя бы на время изъ среды, которая ее притягивала. Ксаня, ставши уже барышней, все таки чувствовала себя лучше въ избѣ Пелагеи, чѣмъ въ гостинной своихъ родителей. Князь увидалъ, хотя и нѣсколько поздно, что необходимо подобрать, слишкомъ уже распущенныя, возжи.

Но было уже слишкомъ поздно перевоспитывать

княжну, институтъ не принесъ ей той пользы, какую ожидали отъ него родители Ксани. Вырванная изъ любимой обстановки и поставленная въ совершенно другую обстановку, гдѣ слѣдили за ея каждымъ шагомъ, за ея каждымъ словомъ, Ксаня съ перваго же дня поставила себя во враждебныя отношенія съ своими воспитательницами, пораженными ея рѣзкостію и манерами; не разъ наказываемая Ксаня замкнулась въ себѣ и черезъ два года вернулась домой съ вполнѣ уже сложившимся характеромъ, энергичная, порывистая, никого и ничего не боящаяся и съ сильною не любовью къ той средѣ, къ которой принадлежала по рожденію.

Вырвавшись изъ неволи, Ксаня вполнѣ воспользовалась свободою. Если до института родители не имѣли вліянія на своевольную дочь, то теперь она была вполнѣ самостоятельна, не признавая ничьего авторитета. Князь поздно увидѣлъ грустныя плоды свободнаго воспитанія своей дочери, она, какъ говорится, совершенно отъ рукъ отбилась.

Рѣдкій хороводъ, рѣдкая крестьянская свадьба обходилась безъ участія княжны, а зимой она была главною устроительницею и распорядительницею посидѣлокъ, гдѣ вначалѣ ее стѣснялись но узнавши ее ближе стали скучать, когда Ксаня почему нибудь не могла придти. Чтобы скорѣй пріучить къ себѣ молодежь она обыкновенно являлась среди ихъ въ крестьянскомъ костюмѣ, не желая ничѣмъ отличаться. Понятно, что не у однаго парня усиленно билось сердце при встрѣчѣ съ красавицей Ксаней,

затмѣвавшей своей красотою всѣхъ дѣвушекъ, но каждый изъ нихъ видѣлъ ту громадную пропасть, которая раздѣляла княжну Боровскую и ихъ.

Къ числу такихъ тайныхъ поклонниковъ княжны принадлежалъ и сынъ ея кормилицы—Яша, служившій въ усадьбѣ помощникомъ приказчика и сопровождавшій всегда, вмѣстѣ съ сестрой, Ксаню на посидѣлки, а послѣ выхода сестры замужъ, дѣлавшій это одинъ.

Всѣ эти прогулки по вечерамъ въ деревню и обратно, конечно, только способствовали усиленію любви Яши, но онъ не смѣлъ и мечтать о взаимности, онъ понималъ, что Ксаня не можетъ полюбить простого мужика, когда у нея не можетъ быть недостатка въ блестящихъ женихахъ, онъ не смѣлъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ показать ей свою страстную любовь, недававшую ему покоя. Иногда цѣлыя ночи на-пролетъ мечталъ Яша о своей Ксанѣ, напрасно ворочаясь съ боку на бокъ, не находя сна и тревожа этимъ свою мать, не понимавшую причины грусти своего любимца. Напрасно старалась Пелагея найти хорошую невѣсту Яшѣ, онъ упорно отказывался отъ женитьбы, на всѣ разспросы матери о причинѣ нежеланія жениться,—онъ всегда отвѣчалъ, что женится лишь тогда, когда полюбитъ; бѣдный, онъ даже матери не смѣлъ признаться въ своей безумной любви! Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на появленіе въ усадьбѣ каждаго молодого человѣка, въ каждомъ изъ нихъ онъ видѣлъ жениха Ксани и, не смѣя мечтать объ

ея обладаніи, онъ желалъ только, чтобы она никому не принадлежала. А судьба какъ бы благопріятствовала Яшѣ, княжнѣ минуло уже 20 лѣтъ, а она все еще не вышла замужъ, она никого не полюбила, т.-е. любила, но не сознавала этой любви, слишкомъ необычайна была эта любовь. При всей простотѣ княжны, всетаки слишкомъ велико было разстояніе между княжною Боровской и сыномъ ея кормилицы, и чтобы прорваться этой любви наружу нуженъ былъ случай, и этотъ то случай дѣйствительно и представился.

Какъ то въ началѣ зимы, когда ледъ на рѣкѣ былъ еще не особенно крѣпокъ, провалился въ воду на глубокомъ мѣстѣ игравшій на льду мальчикъ. Находившійся на берегу Яковъ, не долго думая, бросился къ утопающему и спасъ его, но при этомъ самъ попалъ въ воду по горло. Купанье въ такое необычное время не прошло ему даромъ:—къ вечеру онъ почувствовалъ ознобъ, а на другой день обнаружились всѣ признаки тифа. Захлопотала около сына, перепуганная до смерти, Пелагея, ни на шагъ не отходя отъ его постели, но въ этихъ хлопотахъ она оказалась не одна.—Ксаня, не смотря на протесты отца и матери, совсѣмъ переселилась въ избу кормилицы и усердно принялась также ухаживать за Яковомъ. Просиживая около него длинныя зимнія ночи, она почти силою заставляла ложиться спать, выбившуюся изъ силъ, Пелагею. Вотъ эти то долгіе часы, проводимые княжною у изголовья Яши, сломали всѣ преграды

находившіяся между ними. Здѣсь Ксаня, прислушиваясь къ бреду больного, впервые узнала, что она любима и поняла, что въ свою очередь также любитъ.

Послѣ этого открытія всѣми силами старалась она не допускать Пелагею къ сыну, боясь, что та узнаетъ ихъ тайну.

Много передумала за это время Ксаня и дѣйствительно было о чемъ подумать.

Она сознавала, что съ выходомъ замужъ за крестьянина для нея перестанетъ существовать родительскій домъ, что ея отецъ, несмотря на свои либеральныя идеи, никогда не проститъ дочери ея замужества, что въ немъ еще крѣпко сидѣли традиціи барства, и никогда не дастъ онъ разрѣшенія своей дочери—княжнѣ Боровской на бракъ съ крестьяниномъ.

Но не таковъ былъ характеръ у Ксани, чтобы уступить предразсудкамъ, она рѣшила, несмотря ни на что, порвать съ прошлымъ и стать женою Яши.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она прекрасно сознавала, что Яковъ, несмотря на свои прекрасныя душевныя качества, не можетъ подняться до ея среды. Сдѣлавшись бариномъ онъ можетъ быть только смѣшонъ; вырванный изъ своей среды и попавши въ среду совершенно для него чуждую и непонятную, онъ не можетъ быть счастливъ, да эта среда никогда и не приметъ его, онъ можетъ быть терпимъ, ею, ради Ксани. Да, наконецъ, выйдя замужъ противъ

желанія родныхъ, она не можетъ разсчитывать на помощь съ ихъ стороны, т.-е. единственнымъ средствомъ къ жизни будетъ ихъ личный заработокъ, а какой же можетъ быть заработокъ у Якова кромѣ заработка, доступнаго простому крестьянину.

И вотъ, обдумавши все это и рѣшившись порвать съ своимъ прошлымъ, Ксаня рѣшила также сдѣлаться крестьянкою въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. спуститься до положенія мужа и употребить всѣ силы, чтобы крестьянинъ мужъ никогда не пожалѣлъ, что женился на барышнѣ. Она сознавала, что при ея характерѣ это возможно, что лишь первое время ей будетъ тяжела новая обстановка, пока она не привыкнетъ къ крестьянской жизни и не втянется въ тяжелую крестьянскую работу.

Яша, долго не приходившій въ сознаніе, конечно, не сознавалъ и того переворота какой онъ произвелъ въ душѣ, любимой имъ Ксани своимъ бредомъ. Онъ долго не сознавалъ даже того, кто за нимъ ухаживаетъ и просиживаетъ долгіе часы у его постели, онъ не чувствовалъ, что каждый его стонъ болѣзненно отзывается въ груди любимой имъ княжны.

Двѣ недѣли находился Яковъ между жизнью и смертью, но, наконецъ, хорошій уходъ и молодость побороли недугъ, и опасность миновала. Впервые пришелъ онъ въ себя, когда Ксаня сидѣла около его постели. Сколько удивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ любви выразилось въ его взглядѣ, при видѣ княжны. Онъ долго не вѣрилъ своимъ глазамъ, ему

казалось, что это чудное видѣніе, готовое исчезнуть каждую секунду. Яша не подозрѣвалъ что это чудное видѣніе принадлежитъ ему и готово раздѣлить съ нимъ судьбу. Только когда Ксаня заговорила, онъ понялъ, что это не сонъ, а чудная дѣйствительность.

Яша сталъ постепенно поправляться послѣ своей тяжкой болѣзни. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ прихода княжны, переселившейся уже въ домъ и посѣщавшей его ежедневно. Какою благодарностью свѣтились его глаза, когда Ксаня позволяла ему поцѣловать ея руку, какъ безконечно счастливъ былъ онъ въ эти минуты; онъ не ожидалъ того—счастья, которое его ожидало въ близкомъ будущемъ, онъ былъ такъ доволенъ настоящимъ. Яша чувствовалъперемѣну въ обращеніи съ нимъ Ксани; въ немъ безсознательно теплилась уже надежда на что то большее, но онъ заглушалъ ее въ себѣ, онъ не смѣлъ думать о взаимности, слишкомъ велико было разстояніе между крестьяниномъ Шатохинымъ и княжною Боровскою. Весьма возможно, что не рѣшись Ксаня заговорить съ нимъ объ его признаніи въ бреду, Яша бы никогда не рѣшился сказать о своей любви, но невозможно зато описать того счастія, которое ощутилъ въ себѣ Яша, узнавши, что онъ также любимъ, что его мечты, которыя онъ самъ считалъ лишь мечтами, близки къ осуществленію, что Ксаня скоро станетъ его Ксанею, что ему уже не надо будетъ скрывать свою любовь, что онъ также любимъ, и

что она для него готова бросить и родныхъ, и богатство и положеніе.

По своей натурѣ Ксаня, полюбивши, не могла сдѣлать это просто и тихо, она полюбила страстно, отдавшись вся этой любви; она только и мечтала о томъ какъ-бы скорѣе сдѣлаться женою Яши. Ихъ свиданія, съ выздоровленіемъ Яши, ставши довольно рѣдкими, проходили въ толкахъ о свадьбѣ и объ устройствѣ въ будущемъ. Кромѣ нихъ двухъ никто не зналъ, конечно, о предстоящемъ,—даже Пелагея не подозрѣвала, что скоро сдѣлается свекровью княжны.

Вѣнчаться рѣшено было послѣ Рождества, когда отецъ и мать Ксани должны были уѣхать въ Т. на выборы.

Такъ все и сдѣлали; князь и княгиня уѣхали, а Ксаня, подъ разными предлогами, осталась дома и вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда поѣхала въ уѣздный городъ, взявъ вмѣсто кучера—Якова. Тамъ они обвѣнчались, въ чемъ не было никакихъ препятствій, такъ какъ Ксанѣ въ то время минулъ уже 21 годъ, и молодые полные счастья, въ тотъ же день, вечеромъ, вернулись обратно въ усадьбу. Подъѣхали они прямо къ избѣ Пелагеи и, войдя къ ней, поклонились въ ноги и просили благословить ихъ какъ мужа и жену. Долго не могла прійти въ себя отъ изумленія Пелагея, увидавши княжну женою своего Яши, долго она ахала и причитала, боясь гнѣва князя, понимая хорошо какимъ страшнымъ ударомъ будетъ для него замужество его дочери,

но въ концѣ концовъ, поддавшись ласкамъ сына и невѣстки, она успокоилась и со слезами на глазахъ благословила ихъ иконою.

Такъ уже и осталась, въ этотъ вечеръ, Ксаня, въ избѣ Пелагеи и не какъ сестра милосердія, а какъ жена Яши.

На другой день утромъ, Ксаня отправилась въ домъ, написала письмо отцу и матери, въ которомъ просила ихъ простить ее, если они это могутъ, а затѣмъ, взявши нѣкоторыя свои вещи, вернулась въ избу къ Яшѣ, чтобы никогда уже больше не разставаться съ нимъ.

Черезъ два дня, сдавши все приказчику, семья Шатохиныхъ уѣхала въ Успенское, гдѣ у Якова была усадьба, которою пользовался его сосѣдъ.

Поселившись въ Усненскомъ и исправивши на деньги, которыя Ксаня нашла въ своей копилкѣ, избу, они открыли постоялый дворъ. Первое время держали работницу, но мѣсяца черезъ четыре Ксаня уже не нуждалась въ ней, вполнѣ усвоивши всѣ крестьянскія работы. Глядя на нее трудно было предположить въ ней бывшую княжну Боровскую.

Свекровь и мужъ безъ памяти полюбили ее, на что она, въ свою очередь, отвѣчала тѣмъ же. Тихо и вполнѣ счастливо зажила Ксаня со своимъ мужемъ; даже письмо князя, въ которомъ онъ писалъ ей, чтобы она забыла, что у нея когда нибудь были родители, какъ забыли они ее, не нарушило ихъ взаимнаго счастія. Черезъ годъ у Ксани родился

сынишка, котораго я даже и крестилъ, и еще черезъ два дочь.

Послѣ рожденія дѣтей, еще счастливѣе потекла жизнь Ксани. Все свое время отдавала она мужу и дѣтямъ, съ утра до вечера работала она не покладая рукъ, не допуская свекровь къ тяжелой работѣ, предоставивше ей няньчить своихъ внучатъ.

Но не долго продолжалось ихъ счастіе; только пять лѣтъ прожили они вмѣстѣ. Якову опять пришлось принять ледяную ванну, провалившись весною въ зажору. Опять захлопоталась Ксаня, стараясь вырвать мужа изъ когтей неумолимой смерти, но на этотъ разъ ничто уже не помогло,—ни нѣжный уходъ, ни горячая молитва. Промучившись три недѣли, Яковъ скончался на рукахъ, убитой горемъ, Ксани, прійдя въ себя лишь незадолго до смерти. Ксаня написала мнѣ о болѣзни мужа, и мнѣ пришлось быть при послѣднихъ его минутахъ, и тутъ я увидѣлъ всю безконечную любовь этихъ двухъ сердецъ. Безъ слезъ не могъ я смотрѣть на подавленную неожиданно свалившимся несчастіемъ Ксаню, а мнѣ не разъ приходилось присутствовать при этихъ грустныхъ минутахъ разставанія, за свою долгую службу врачомъ. Слова утѣшенія невольно останавливались въ горлѣ, чувствовалось, что никакія утѣшенія не ослабятъ ея горя, что здѣсь одно лѣкарство—это дѣти и, пожалуй, время.

Послѣ смерти Якова прошло два года, но Ксаня, до сихъ поръ, не забыла его, хотя никогда не гово-

рить этого, но это видно, когда она съ страстною любовью прижимаетъ къ своей груди сына, страшно похожаго на отца. Вотъ вамъ и біографія вашей переодѣтой царевны. Интересно, но не особенно весело, и хотя вы и говорите объ отсутствіи у васъ нервовъ, но ваши влажные глаза говорятъ мнѣ противное. Видно судьба Ксани и васъ задѣла за живое.

—Да, дѣйствительно можно пожалѣть ее. Но неужели же она никогда не пожалѣла о своемъ прошломъ, никогда не стремилась обратно?

—Не думаю, чтобы она могла пожалѣть, у нея слишкомъ твердый характеръ и, разъ порвавши связь съ прошлымъ, она никогда не согласится измѣнить себѣ. Да, попытка и была вернуть ее въ прежнюю среду; вскорѣ послѣ смерти Якова, князь, узнавши объ этомъ написалъ ей, что теперь нѣтъ преграды между нимъ и дочерью, и чтобы она вернулась къ нему вмѣстѣ съ дѣтьми, и Ксаня съ твердостью отвѣтила, что для нея нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ не признавали ея мужа и, что напротивъ, она теперь отдастъ всѣ свои силы, всю свою жизнь на служеніе той средѣ, къ которой принадлежалъ ея мужъ, принадлежатъ ея дѣти и принадлежитъ она сама съ того момента, какъ изъ княжны Ксеніи Николаевны Боровской она превратилась въ крестьянку Аксинью Шатохину и въ заключеніе просила простить ее и благословить. Въ отвѣтъ на это князь прислалъ три иконы, для нея и для ея дѣтей, но безъ всякаго письма.

—Ну скажите, а какъ относятся къ ней крестьяне.

—Крестьяне ее положительно боготворятъ, такъ какъ она писала правду отцу; она дѣйствительно посвятила всю свою жизнь семьѣ и селу Успенскому. Рѣдкое дѣло въ Успенскомъ обходится безъ участія Аксиньи Николаевны всѣ идутъ къ ней: посовѣтываться ли о чемъ, подѣлиться ли горемъ; каждому она съ любовію дастъ совѣтъ, научитъ, а въ горѣ утѣшитъ и поможетъ, за то не бываетъ у крестьянъ ни одного празднества, чтобы на немъ почетною гостею не была Николавна, почти нѣтъ въ Успенскомъ семьи, гдѣ бы у нея не было крестника.

Вотъ какъ поставила себя въ новой средѣ Ксаня и въ чемъ нашла себѣ утѣшеніе послѣ смерти своего Яши.

Кромѣ общей любви Ксаня пріобрѣла въ Успенскомъ и громадное нравственное вліяніе—всѣ, напримѣръ, старанія нашихъ земцевъ заставить Успенцевъ выстроить школу кончались ничѣмъ, а добилась этого все та же Ксаня; а въ прошломъ году, подъ ея же вліяніемъ общество рѣшило выстроить въ Успенскомъ квартиру для врача и амбулаторію и просило земство открыть у нихъ врачебный пунктъ, въ чемъ земство имъ, конечно, и не отказало.

Да, передъ Ксанею можно преклониться.—Вотъ, что я узналъ отъ Франца Ивановича о прекрасной хозяйкѣ постоялаго двора, и долго просидѣлъ я

въ тотъ вечеръ у открытаго окна, переживая все разсказанное мнѣ моимъ любезнымъ хозяиномъ.

Я понялъ, какъ сильна бываетъ любовь, и на какія жертвы она способна.

Я увидѣлъ какую массу добра можетъ принести въ деревнѣ такая женщина, какъ Ксаня, и именно женщина, съ ея чуткимъ сердцемъ и безграничною любовью.

Долго промечталъ я, вглядываясь въ освѣщенный блѣдными лучами, садъ, въ сумракѣ котораго мнѣ чудилась Ксаня съ безконечною добротою въ ея прекрасныхъ глазахъ, окруженная сіяніемъ.

Только, освѣтившіе меня лучи восходившаго солнца вернули меня къ дѣйствительности и напомнили мнѣ о предстоящей работѣ и необходимости сна.

Медленно побрелъ я къ своей постели, не переставая думать о Ксанѣ.

Никогда.

НИКОГДА.

I.

Богатая усадьба Платона Ивановича Шишкина раскинулась на живописномъ берегу рѣки Дѣвицы, занимая пространство болѣе чѣмъ въ 40 десятинъ.

Чудный видъ открывался съ балкона на садъ и паркъ, спускавшіеся террасами до самаго, круто обрывавшагося, берега рѣки, на серебрившуюся ленту рѣки и заливные луга на томъ берегу, и на виднѣвшееся вдали большое село Сторожевое съ его церквами. Садъ могъ удовлетворить самаго требовательнаго садовода: на зеленыхъ лужайкахъ были разбросаны группами рѣдкія деревья, масса всевозможныхъ цвѣтовъ ласкала взоръ; нѣсколько бесѣдокъ, увитыхъ дикимъ виноградомъ, манили къ себѣ, обѣщая тѣнь и прохладу, а лѣто въ этомъ году было невыносимо жаркое. Природа точно застыла въ изнеможеніи: нигдѣ ни звука, ни шелеста. Все, казалось, погрузилось въ какую-то сладкую истому. Рѣдко услышишь лѣнивый взмахъ

крыльевъ проснувшейся птицы, а еще рѣже набѣжитъ вѣтерокъ и зашелеститъ въ роскошной зелени вѣковыхъ деревьевъ парка, а затѣмъ опять все замретъ. На небѣ ни облачка, воздухъ точно застылъ, не чувствуется никакого движенія и поневолѣ ищешь прохлады, но, увы, не находишь ея.

Въ одной изъ дальныхъ бесѣдокъ парка, расположенной на высокомъ берегу рѣки, на качалкѣ полулежала красивая дѣвушка, бѣжавшая, повидимому, отъ жары, но не нашедшая и здѣсь прохлады, не смотря на близость воды. Казалось, она спитъ, но нѣтъ—глаза по временамъ открываются и бросаютъ вдаль взглядъ полный тоски и унынія; видно было, что она не видитъ ни рѣки, ни вида, открывающагося ея взору. Ея прекрасная головка занята мыслями и ея глазки не видятъ окружающихъ предметовъ.

А у нея, дѣйствительно, есть причины быть грустною.

Еще такъ недавно Валентина Платоновна была весела и беззаботна, только изрѣдка набѣгало на нее облачко грусти, и слезы заволакивали красивые глаза ея; это случалось, когда она вспоминала свою мать, нѣжно ею любимую и скончавшуюся нѣсколько болѣе года тому назадъ и въ свою очередь безпредѣльно любившую свою единственную дочь. Но вотъ уже мѣсяцъ, какъ улыбка не появлялась на личикѣ Вали, не слышно было ея серебристаго смѣха, такъ заразительно дѣйствовавшаго на всѣхъ окружавшихъ.

Причиною этой рѣзкой перемѣны, была предстоявшая вторая женитьба отца.

Платонъ Ивановичъ, убитый вначалѣ горемъ, скоро нашелъ утѣшеніе; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти жены, онъ, бывши въ своемъ уѣздномъ городѣ К., встрѣтилъ гдѣ-то смазливую дочку купца-бакалейщика Уткина—Пелагею Ильинишну и увлекся ею. Родители ея обрадовались возможности пристроить свою дочь за Шишкина, да и самой Палашѣ улыбалась мысль стать барыней и играть роль въ К., гдѣ она родилась и выросла, среди подругъ-мѣщанокъ и дочерей мелкихъ уѣздныхъ купцовъ; она мечтала о томъ, какъ всѣ теперешнія ея подруги будутъ завидовать ея счастью.

Всѣ средства были пущены въ ходъ для поимки бѣднаго Платона Ивановича и средства эти помогли Уткинымъ достигнуть желаемой цѣли. Для Платона Ивановича были отрѣзаны пути отступленія; когда онъ возвращался домой и не находился подъ обаяніемъ ласкъ Палаши, онъ сознавалъ ту пропасть, въ которую опускается, сознавалъ, что дочь мелкаго купца не можетъ быть парою для него, ни по образованію, ни по воспитанію и, что она не будетъ на мѣстѣ въ гостиной барскаго дома Шишкиныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ, что долженъ искупить ту минуту, когда, поддавшись увлеченію и страсти, забылъ то громадное нравственное разстояніе, которое отдѣляетъ эту дѣвушку отъ него—Шишкина.

Вотъ что было причиною грусти Валентины.—На другой день послѣ описываемаго была назначена

свадьба, а она не могла никакъ привыкнуть къ мысли, что завтра въ ихъ домъ взойдетъ женщина, не имѣющая съ ними ничего общаго и взойдетъ на правахъ хозяйки и... жены ея дорогого папы.

Тѣ-же мысли, которыя волновали ея отца въ минуту отрезвленія, роились и въ молодой головкѣ Валентины. Какъ ни молода была она, но она сознавала, что Пелагея Ильинишна не можетъ замѣнить ей мать, что у нея нѣтъ ни воспитанія, ни такта, что дѣвушка, какъ бы она нравственно ни была безупречна, но выросшая за прилавкомъ, слыша съ дѣтства только о покупкахъ, продажахъ, барышахъ и убыткахъ, не въ состояніи будетъ отрѣшиться отъ этого прошлаго, для нея непонятны будутъ взгляды и стремленія мужа-барина, выросшаго въ традиціяхъ барства, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; она не пойметъ интересовъ и жизни той среды, въ которую суждено было ей попасть, благодаря случаю.

Долго еще сидѣла Валя, погруженная въ свои мрачныя мысли, которыя мелькали въ ея головкѣ и въ которыхъ она не могла дать себѣ яснаго отчета, пока уединеніе ея не было нарушено появленіемъ въ бесѣдкѣ старушки-няни, пришедшей звать ее обѣдать.

— А ты все грустишь и плачешь, Валюша,— сказала няня, нѣжно кладя ей на голову руку.

— Плачу, няня.

— Богъ милостивъ, родная, можетъ Пелагея Ильинишна-то добрая, можетъ еще полюбишь ее.

— Нѣтъ, няня, слишкомъ тяжело мнѣ будетъ видѣть ее на маминомъ мѣстѣ, не сойдусь я съ нею. Хотя бы, Богъ далъ, чтобы папа не перемѣнился ко мнѣ, не разлюбилъ бы своей Вали. Чуетъ мое сердце, что не мало горя принесетъ мнѣ мачиха,— проговорила, рыдая и обнимая няню, Валентина.

— А ты, голубка, зачѣмъ раньше времени сердечко свое бередишь. Чего добраго, еще накликаешь себѣ горя.

Ты вотъ подымайся, да пойдемъ—пообѣдаешь да прилягъ, а я посижу возлѣ тебя, а то на что похожа стала.

— Приборку кончили, няня?

— Да почти-что и кончили, только одна спальня осталась. Къ завтраку завтра все приготовлено будетъ; пріѣдутъ-то вѣдь вечеромъ.

— Да, часамъ къ 10 вѣроятно, вѣнчаніе назначено въ 7-мь, а изъ церкви прямо въ Отрадное.

Въ людской въ это время также шли оживленные разговоры по поводу женитьбы барина. Мало кто изъ прислуги одобрялъ этотъ бракъ, хотя они смотрѣли на него и съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ Валентина, но и они сознавали, что ничего хорошаго выйти изъ него не можетъ.

Простой народъ не любитъ выскочекъ, онъ готовъ повиноваться безропотно настоящему барину, умѣющему и жаловать и карать, но никогда не позволяющему себѣ оскорбить или унизить ниже стоящаго; баринъ никогда не забудетъ, что слуга тотъ-же человѣкъ, и чѣмъ по положенію стоитъ выше

баринъ, тѣмъ мягче его обращеніе съ низшими и этотъ низшій знаетъ это и прощаетъ барину минутныя вспышки гнѣва, зная, что баринъ не станетъ ни мстить, ни унижать его. Прекрасно сознаетъ также слуга, что изъ его среды не можетъ выйти баринъ; можетъ быть хозяинъ—кулакъ, съ презрѣніемъ смотрящій на ту среду, изъ которой вышелъ, благодаря лишь слѣпому случаю, или счастію и, что такой человѣкъ, попавши на нѣкоторую высоту, будетъ всѣми силами стараться показать свою власть всѣмъ зависящимъ отъ него. Такихъ-же взглядовъ была и Шишкинская прислуга; она чувствовала, что съ появленіемъ въ усадьбѣ Пелагеи Ильинишны многое измѣнится въ ихъ жизни, всю надежду возлагали они на барышню, которую вся дворня и окрестные крестьяне обожали. Особенно волновалась горничная Маша, которая была назначена для услуженія новой барынѣ, и которая не могла помириться съ мыслію о необходимости прислуживать такой-же к—ой мѣщанкѣ, какъ и она сама.

II.

Встрѣча молодыхъ, согласно желанію Платона Ивановича, была торжественная; на крыльцѣ ихъ встрѣтила блѣдная и едва державшаяся на ногахъ Валентина, а въ залѣ ожидалъ священникъ съ причтомъ.

Сейчасъ-же былъ отслуженъ молебенъ, а затѣмъ поданъ ужинъ.

Не смотря на видимое вниманіе мачихи, Валентина не могла принудить себя быть любезною, хотя всѣми силами старалась не показать своихъ чувствъ, боясь огорчить отца, пытливо взглядывавшаго на нее.

Присутствіе священника нѣсколько облегчало положеніе Валентины, но когда они остались втроемъ и отецъ выразилъ надежду, что она сойдется съ его женою и полюбитъ ее, Валя не выдержала больше и разрыдалась, припавъ къ плечу отца.

Долго въ эту ночь утѣшала няня свою любимицу; только утромъ заснула Валя тяжелымъ сномъ, разбитая нравственно и физически.

Опасенія Вали оправдались—она не поладила съ женою отца, отношенія дѣлались съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе натянутыми; Валентина съ ужасомъ ждала развязки, и, что развязка близка, она въ этомъ не сомнѣвалась.

Платонъ Ивановичъ, окончательно подпавшій подъ вліяніе жены, совсѣмъ перемѣнился къ дочери; они встрѣчались только въ столовой за столомъ и молча проводили время. Для Вали эти завтраки и обѣды служили прямо пыткой, а между тѣмъ, пытки эти были неизбѣжны.

Такъ прошло все лѣто, наступила осень, а положеніе Валентины въ домѣ отца все ухудшалось. Пелагея Ильинишна сумѣла окончательно возстановить Платона Ивановича противъ дочери; онъ

уже почти съ ненавистью смотрѣлъ на любимую такъ недавно дочь, видя въ ней виновника той тяжелой атмосферы, которая окутала Отрадное; онъ видѣлъ въ ней помѣху его счастію, онъ не хотѣлъ сознаться, что имѣя рядомъ Пелагею Ильинишну, для него невозможно это счастіе. Встрѣчая грустное, заплаканное лицо дочери онъ не хотѣлъ понять ея горя, онъ видѣлъ только ея непокорство, о чемъ ему нашептывала постоянно и Пелагея Ильинишна.

А непокорная дочь въ это время терзалась мыслію, что потеряла любовь отца и не находила себѣ покоя ни днемъ ни ночью, думая что можетъ быть, если бы ея не было въ Отрадномъ, отецъ бы былъ болѣе счастливъ, не было бы у него вѣчнаго укора на глазахъ, вѣчнаго напоминанія о первой, когда-то любимой, женѣ.

Напрасно утѣшала ее няня, напрасно уговаривала она ее смириться передъ мачихой; на всѣ эти уговоры у Вали былъ одинъ отвѣтъ:—«Я не могу полюбить ее, я не могу забыть, что она заняла мѣсто мамы, что она отняла у меня отца. Она ненавидитъ меня».

Пелагея Ильинишна дѣйствительно возненавидѣла падчерицу; та мѣшала ей, въ ея присутствіи она себя скверно чувствовала, чувствовала что она не на мѣстѣ, что она лишь «ворона въ павлиньихъ перьяхъ»; ее бѣсило, что не она внушаетъ въ окружающихъ то обожаніе, которое окружало Валентину. Все это возбуждало въ ней не-

нависть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе возстановить противъ нее Платона Ивановича, чего она и добилась, благодаря тому вліянію, которое она сумѣла пріобрѣсти надъ мужемъ.

Рѣдкій день проходилъ, что-бы Пелагея Ильинишна не пожаловалась мужу на невниманіе и непочтительность къ ней падчерицы; въ концѣ концовъ эти разговоры довели до того, что Платонъ Ивановичъ сталъ раздражаться при одномъ появленіи Валентины; каждую минуту онъ ждалъ какой нибудь выходки отъ Вали, хотя она не подавала ему на это никакого повода. Раздраженіе противъ Вали перешло у него въ болѣзнь, онъ видѣлъ то, чего не было и не могло быть.

Наконецъ общее напряженіе разразилось бурей; развязка, которую съ ужасомъ ожидала Валентина, наступила.

Какъ то разъ, за утреннимъ чаемъ, Платону Ивановичу показалось, что Валентина отвѣтила на какой-то вопросъ Пелагеи Ильинишны съ пренебреженіемъ; онъ страшно раскричался, потребовалъ чтобы Валентина извинилась передъ мачихою и поцѣловала у нея руку, грозя въ противномъ случаѣ силою заставить ее покориться матери.

Сцена эта переполнила чашу страданія бѣдной Валентины, она не выдержала и потеряла сознаніе, очнувшись только черезъ часъ въ своей комнатѣ, гдѣ ухаживала за нею, заливавшаяся слезами, няня.

Прійдя въ себя, Валентина долго не могла при-

помнить подробностей этой ужасной сцены, но когда наконецъ вспомнила—она поняла, что все погибло, что она изъ любви къ отцу должна разстаться съ нимъ и чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше.

Примиренія не можетъ быть; она никогда не проститъ мачихѣ оскорбленій, которыя она перенесла изъ-за нея отъ отца, никогда не проститъ и потерю любви отца.

Долго уговаривала ее няня, въ душѣ сознававшая, что Валентина права, покориться и не покидать родительскаго дома, доказывая, что, при ея молодости и незнаніи жизни, ей будетъ очень трудно жить одной, что отецъ окончательно разсердится на нее и не будетъ ей помогать, а къ труду она не привыкла.

— Привыкну, няня. Я хорошо шью и вышиваю, можетъ возьмутъ въ какой нибудь магазинъ, авось прокормлю себя и безъ посторонней помощи.

— Ну, еще что вздумала—въ швейки идти, неужели-ужъ ничего другого не придумала. Ужъ коли рѣшила уйти, такъ лучше въ гувернантки, все не такъ тяжело, а то на тебѣ—въ портнихи, ужъ больно прытка ты.

— Ты не сердись нянюшка; въ гувернантки то меня никто не возметъ, во-первыхъ мнѣ нѣтъ еще 18 лѣтъ, а во-вторыхъ нѣтъ никакого диплома, а безъ диплома-то куда сунешься, и съ дипломомъ, и то голодаютъ.

— А коли молода и диплома нѣтъ, такъ и сиди

дома, нечего противъ отца идти; вспомни-ка заповѣдь Господню.

— Помню я, няня, да силъ нѣтъ больше. Ты развѣ не видишь, развѣ не жалѣешь своей Валюши?

— Эхъ! ты голубка моя, вѣстимо желѣю, не одну ночку проплакала я, на тебя глядючи, не одну ночку на пролетъ молила Создателя защитить птеньчика моего.—Да видно такова горькая судьба твоя. А ты Валюша подумай, крѣпко подумай, прежде чѣмъ уходить-то, смотри чтобы не раскаиваться потомъ, да чтобы поздно не было.

— Нѣтъ, няня, я рѣшилась. Лучше въ судомойки пойду, а здѣсь не останусь.

— Ну ужъ если такъ рѣшила—то, да благословитъ тебя Матерь Божія, молись Ей Заступницѣ, голубка моя, можетъ Она поможетъ тебѣ пережить горе твое.

Съ этими словами няня перекрестила рыдавшую Валентину, уронившую свою голову на грудь этой единственной теперь у нея родной души.

III.

«Дорогой мой папа!

Не удивляйся, что я уѣхала, и уѣхала тайкомъ, даже не простившись съ тобой, но повѣрь своей Валѣ (вѣдь я все таки твоя Валя, вѣдь ты не разлюбилъ меня), что она не могла поступить иначе,

она слишкомъ много страдала послѣднее время. Надо было много страданій, чтобы заставить меня уйти изъ того дома, гдѣ живешь ты, папа, гдѣ жила и умерла моя милая мама.—А свиданіе, что принесло бы оно кромѣ страданій и горечи какъ тебѣ такъ и твоей Валѣ.

Прости свою дочь, если можешь; прости за то зло, которое она невольно причинила тебѣ, прости ее въ память мамы, которую и ты когда-то горячо любилъ.

Но я не могла полюбить *ее*, хотя и хотѣла; при всемъ стараніи видѣть въ ней твою жену, а слѣдовательно мою мать—я не могла этого сдѣлать. Можетъ быть она и добрая и хорошая, но я чувствовала, что она незаконно заняла мѣсто моей дорогой мамы, а въ сердцѣ моемъ это мѣсто занято—и въ немъ, при всемъ моемъ желаніи, не нашлось мѣста для второй матери.

Ты видѣлъ наши отношенія, они не улучшались, а наоборотъ. Положеніе мое въ семьѣ сдѣлалось невыносимымъ и одна изъ насъ должна была пожертвовать собою; прійдя къ подобному заключенію я рѣшила, изъ любви къ тебѣ, папа, что пожертвовать должна я, что я и сдѣлала въ надеждѣ, что съ моимъ отъѣздомъ ты найдешь то, что искалъ, что не будетъ больше препятствія твоему счастью.

И такъ, папа, пойми меня и постарайся простить любящую тебя всѣмъ сердцемъ, твою несчастную Валю».

Это письмо было передано Платону Ивановичу

утромъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда Вали. Оно страшно поразило его, онъ не ожидалъ отъ Валентины такого рѣшительнаго шага, но въ душѣ онъ сознался, что она права, и впервые у него закопошилось недоброе чувство къ женѣ, благодаря которой онъ потерялъ свою единственную и горячо любимую дочь. Только послѣ прочтенія этого письма онъ понялъ страданія дочери, которыхъ до сихъ поръ не хотѣлъ видѣть.

Розыски Вали были безуспѣшны; изъ прислуги никто не видѣлъ ея отъѣзда, а няня глубоко молчала и не выдала тайны своей любимицы, уѣхавшей въ Москву, гдѣ у няни была какая-то дальная родственница, къ которой она и направила Валю.

Отъѣздъ Валентины наложилъ на Отрадное какую-то печать грусти; всѣ ходили какъ въ воду опущенные, только изрѣдка по всему дому раздавалась ругань Пелагеи Ильинишны, вошедшей во всѣ права хозяйки и не стѣснявшейся больше присутствіемъ ненавистной падчерицы.

Составъ прислуги скоро перемѣнился; всѣ старые слуги, служившіе въ Отрадномъ уже много лѣтъ, рѣшились бѣжать отъ молодой хозяйки, отъ которой ничего кромѣ брани и попрековъ не слышали; одною изъ первыхъ была няня. Какъ ей ни грустно было оставлять Отрадное на старости лѣтъ, но и она не выдержала новыхъ порядковъ, тѣмъ болѣе, что Пелагея Ильинишна не взлюбила ее за привязанность къ Валѣ.

Но хуже всѣхъ чувствовалъ себя, кажется, самъ

хозяинъ Отраднаго; прислуга могла по крайней мѣрѣ уйти когда хотѣла, а ему бѣдному некуда было и уйти!

Отъѣздъ дочери, казалось отрезвилъ Платона Ивановича, онъ сознадъ ошибку, которую сдѣлалъ, женившись на женщинѣ, принадлежащей къ совершенно другой средѣ, только теперь онъ сталъ замѣчать недостатки жены, только послѣ бѣгства дочери онъ увидѣлъ на кого промѣнялъ Валентину. Но зло было уже сдѣлано и исправить его было не въ его власти.

Пелагея Ильинишна скоро замѣтила перемѣну въ обращеніи съ нею мужа и, конечно, не могла понять причины,—слишкомъ различны были ихъ кругозоры.—Домашняго счастія не было; каждый жилъ своею жизнію. Платонъ Ивановичъ проводилъ цѣлые дни и длинные зимніе вечера въ своей библіотекѣ, при чемъ не всегда былъ занятъ книгами, —нерѣдко прислуга заставала его сидящимъ передъ портретомъ покойной жены и не всегда приходившимъ въ себя при появленіи передъ нимъ кого нибудь, а съ наступленіемъ лѣта Платонъ Ивановичъ отдался весь хозяйству, ища въ немъ забвенія, а Пелагея Ильинишна въ началѣ попробовала устроить мужу нѣсколько сценъ, но увидѣвши, что послѣ каждой подобной сцены мужъ еще болѣе отдалялся отъ нея, оставила его въ покоѣ и начала искать утѣшеній внѣ дома и большую часть времени проживала въ К., гдѣ, какъ и мечтала,

могла играть роль и возбуждать зависть у своихъ прежнихъ подругъ, отбивая у нихъ кавалеровъ.

IV.

Пріѣхавши въ Москву Валентина остановилась у няниной родственницы, мужъ которой имѣлъ въ Грузинахъ мелочную лавочку, и съ ея помощью принялась искать работу; только черезъ мѣсяцъ, когда деньги у нея были почти на исходѣ, устроилась она въ бѣлошвейномъ магазинѣ и то съ трудомъ, такъ какъ хозяйка, узнавъ, что она дворянка—не хотѣла принимать ее, тѣмъ болѣе что и видъ ея совсѣмъ не подходилъ къ виду работницы—швеи. Валентина обязалась прослужить годъ безъ жалованья и исполнять всѣ работы, какъ въ мастерской, такъ и въ квартирѣ хозяйки, а за это получала помѣщеніе, столъ и платье.

Вечеромъ въ тотъ-же день перебралась Валентина въ свое новое жилище, съ тѣмъ что-бы съ утра начать новую трудовую жизнь.

Тяжело было Валентинѣ первое время среди новой, непривычной для нея обстановки; долго немогла она сойтись съ подругами по мастерской, косившимися первое время на швею—дворянку. Но время дѣлаетъ свое дѣло, привыкли къ Валентинѣ ея товарки и даже полюбили ее, а Валя также понемногу втянулась въ новую жизнь и привыкла къ своему новому положенію работницы. Валентина

старалась ничѣмъ не отличаться отъ другихъ мастерицъ, не отказывалась и не брезгала никакой работой; когда была ея очередь—она аккуратно прибирала комнаты, подмывала полы, таскала воду и помогала на кухнѣ, не подавая никогда вида, что ей это тяжело или непріятно. Одного только избѣгала Валя—это посылокъ въ городъ, такъ какъ въ первый-же разъ, какъ ее послали къ заказчицѣ, къ ней приставъ какой-то нахалъ, чуть не ворвавшійся за нею въ мастерскую, куда она влетѣла вся въ слезахъ, страшно перепугавшись. Мастерицы, при видѣ ея, подняли ее на смѣхъ, испугъ ея былъ для нихъ непонятенъ, уличныя знакомства на оборотъ доставляли имъ развлеченіе—рѣдкая изъ нихъ не имѣла возлюбленнаго, пріобрѣтеннаго подобнымъ образомъ.

Вотъ отъ такихъ-то прогулокъ всегда уклонялась Валентина; изрѣдка удавалось ей перемѣниться съ какой нибудь изъ подругъ, съ удовольствіемъ бѣгавшихъ по Москвѣ, но на несчастье Вали, хозяйка не всегда позволяла устраивать подобныя мѣны, такъ какъ, посылая съ порученіемъ Валентину, она была увѣрена, что оно будетъ исполнено аккуратно и скоро, чего не было при посылкахъ другихъ мастерицъ.

Быстро освоилась Валентина съ работою, въ которой она находила забвеніе. Къ Пасхѣ она была уже лучшей мастерицей и ей поручались самыя тонкія работы.

Въ началѣ лѣта въ магазинъ заѣхала одна изъ

постоянныхъ заказщицъ—графиня Колбинская и просила дать ей на лѣто въ деревню хорошую мастерицу, и хозяйка, не желая упускать хорошую и богатую заказщицу, рѣшилась на время разстаться съ лучшей изъ своихъ мастерицъ и уступила ей Валентину.

Страшно удивлена была Валя, когда въ мастерскую вошла хозяйка и сказала: «пріодѣньсяка Валентина, да приходи въ магазинъ скорѣй, я представлю тебя графинѣ Колбинской, ты поѣдешь къ ней на все лѣто въ деревню».

Черезъ нѣсколько дней, Валентина, связавъ въ узелъ свой немногочисленный гардеробъ и простившись съ хозяйкою, которая выразила надежду, что она заслужитъ похвалу графини и будетъ себя хорошо вести въ деревнѣ, выѣхала вмѣстѣ съ семьею Колбинскихъ въ деревню.

V.

Тихо зажила Валентина въ деревнѣ Колбинскихъ, работы было не особенно много, обходились съ нею хорошо. Хотя Колбинскіе и не знали, что Валентина по своему рожденію принадлежитъ къ ихъ средѣ, но ея скромное поведеніе и симпатичная наружность располагали къ ней всѣхъ, особенно-же полюбила ее старуха графиня.

Тихая жизнь нѣсколько измѣнилась въ концѣ іюня, когда въ усадьбѣ появился сынъ Колбин-

скихъ, молодой графъ Александръ Ивановичъ, служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ и взявшій большой отпускъ, съ цѣлью отдохнуть въ деревнѣ.

Графъ Александръ Ивановичъ сразу обратилъ вниманіе на Валентину и постоянно сталкиваясь съ нею, началъ на нее заглядываться; она ему очень понравилась, а тамъ было уже недалеко и до увлеченія молодою швеею, которая въ свою очередь также заинтересовалась красивымъ графомъ, но помня ту громадную разницу между положеніемъ, въ которое угодно было судьбѣ ее поставить—она всѣми мѣрами старалась избѣгать его и не попадаться на глаза, что, конечно, при жизни въ одномъ домѣ, ей невсегда удавалось—встрѣчи были неизбѣжны, тѣмъ болѣе, что ихъ избѣгала только одна сторона, другая-же напротивъ—искала ихъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ появленія въ усадьбѣ графа Александра, онъ уѣхалъ какъ-то къ сосѣдямъ, гдѣ предполагалъ пробыть нѣсколько дней;—знавшая это Валентина захотѣла воспользоваться его отсутствіемъ и поздно вечеромъ отправилась погулять въ паркъ и посидѣть на скамейкѣ, которая стояла въ концѣ парка и которую Валентина полюбила за ея отдаленность отъ усадьбы, гдѣ никто не мѣшалъ ея думамъ. На это разсчитывала она и теперь. Погулявъ немного по парку Валентина отправилась къ своей скамейкѣ, и облокотившись о стоявшій сзади дубъ, погрузилась въ свои думы... Думала она объ отцѣ, о мачихѣ, у которой зимой родился мертвый

ребенокъ, о чемъ писала ей няня, сообщавшая отъ поры до времени новости объ Отрадномъ, хотя сама уже и не служила тамъ; мелькалъ иногда и образъ молодого графа.

Вѣроятно-бы еще долго просидѣла Валентина, погруженная въ свои думы, если бы сильный шорохъ возлѣ нея не заставилъ ее очнуться; она быстро вскочила на ноги и едва не попала въ объятія графа Александра, незаставшаго дома сосѣдей и неожиданно вернувшагося домой.

— Это вы, Валентина Платоновна,—окликнулъ графъ Валентину, смутившуюся отъ неожиданнаго появленія передъ нею молодого человѣка.

— Наконецъ то случай свелъ меня съ вами; зачѣмъ вы меня избѣгаете, зачѣмъ прячетесь отъ меня?

— Я васъ не избѣгаю, графъ, это вамъ показалось.

— Не отговаривайтесь; развѣ я не вижу, что вы боитесь меня. Неужели я такъ страшенъ? Вотъ видите, вы молчите, значитъ я правъ, а между тѣмъ, я люблю васъ, произнесъ тихо графъ.

— Вы не должны любить меня, графъ,—отвѣтила Валентина, дрожа отъ охватившаго ее волненія.

— Почему?

— Вы забываете то громадное разстояніе, которое отдѣляетъ человѣка съ вашимъ общественнымъ положеніемъ, отъ бѣдной швеи—работницы какъ я.

— Но нѣтъ такого положенія, которое бы застра-

ховало человѣка отъ любви и я не вижу причины, почему мнѣ не любить васъ, Валентина Платоновна.

— Потому, что ваши родные, вамъ никогда не позволятъ жениться на швеѣ, а я графъ, хотя и бѣдна и трудомъ добываю себѣ кусокъ хлѣба, но ничѣмъ другимъ, кромѣ жены никогда не буду. Вотъ почему я прошу васъ, графъ, забыть обо-мнѣ; ваша любовь, кромѣ горя, мнѣ ничего принести не можетъ. Сдѣлайте это хотя-бы изъ состраданія ко мнѣ,—произнесла Валентина, оправившаяся нѣсколько отъ волненія.

— Неужели, Валентина Платоновна, вы думаете, что мнѣ нужно разрѣшеніе родныхъ? Скажите, что вы меня также любите и я не посмотрю ни на какія препятствія,—проговорилъ почти шепотомъ и съ дрожью въ голосѣ молодой человѣкъ.

— Я васъ не люблю, графъ,—произнесла послѣ нѣкоторой паузы Валентина, но хотя эти слова были сказаны твердымъ голосомъ, если бы молодой человѣкъ могъ видѣть въ это время лицо Валентины —онъ бы не повѣрилъ ей.

— Неужели у васъ нѣтъ ко мнѣ никакого чувства, Валентина Платоновна?—спросилъ графъ упавшимъ голосомъ.

Не получивши на свой вопросъ отвѣта онъ спросилъ:

— Могу ли я по крайней мѣрѣ надѣяться, что когда нибудь вы меня полюбите?

— Никогда!—съ удареніемъ проговорила Валентина.

Нѣсколько минутъ, молча, постоялъ предъ Валентиной графъ, затѣмъ со слезами въ голосѣ тихо произнесъ:

— Прощайте, Валентина Платоновна, вы меня больше не увидите;—круто повернулся и тихими шагами направился въ глубь парка, а Валентина, рыдая, упала на скамейку.

Долго, въ эту ночь, не могла уснуть Валентина; все ей чудился влюбленный шопотъ графа, но ни одной минуты не раскаивалась она, что отвергла его любовь, хотя полюбила его и сама. Она понимала, что въ ея теперешнемъ положеніи она не могла поступить иначе.

VI.

На другой день графъ Александръ уѣхалъ, поразивъ ужасно всѣхъ своимъ внезапнымъ отъѣздомъ. Только одна Валентина знала истинную причину этого бѣгства.

Съ отъѣздомъ Александра въ усадьбѣ началась опять однообразная деревенская жизнь. Валентина цѣлые дни проводила за работой, часто выпрашивая ее у старой графини, которая очень привязалась къ ней, а по вечерамъ отправлялась обыкновенно на скамейку, около которой впервые услыхала слова любви и гдѣ сама отказалась, какъ ей казалось навсегда, отъ возможности счастія.—Нерѣдко гигантъ-дубъ, стоявшій около самой скамьи, слы-

шалъ глухія рыданія дѣвушки, приходившей оплакивать свою первую любовь у его подножья.

Къ пятнадцатому августу Колбинскіе возвратились въ Москву, возвратилась съ ними и Валентина. Радостно встрѣтили ее подруги и хозяйка, успѣвшія соскучиться безъ нея, и тихо потекла ея трудовая жизнь въ мастерской. Въ ноябрѣ положеніе Валентины улучшилось, годъ ея ученія окончился, и она стала получать жалованье.

Отъ няни, между тѣмъ, она получала извѣстія весьма неутѣшительныя: отецъ не нашелъ счастія съ женою, семейная жизнь сдѣлалась невыносимою, отношенія его съ женою испортились окончательно. Платонъ Ивановичъ страшно перемѣнился, сдѣлался болѣзненно-раздражительнымъ, а Пелагея Ильинишна проводила почти все время въ К., гдѣ, какъ поняла Валентина изъ намековъ няни, у нея завелся пріятель, о чемъ повидимому зналъ и Платонъ Ивановичъ, что, конечно, не могло не отзываться на его душевномъ состояніи.

Эти печальныя извѣстія страшно волновали бѣдную Валентину, не знавшую, какъ поступить ей; чувствовала она, что отцу теперь необходима нравственная поддержка, что ей бы слѣдовало забыть свою размолвку съ отцомъ, пожертвовать своимъ самолюбіемъ и первой сдѣлать шагъ примиренія, вернувшись къ отцу, но не знала проститъ-ли ее отецъ и какъ приметъ ее въ случаѣ ея возвращенія.

Всѣ эти вопросы, не давали покоя Валентинѣ. Днемъ она отвлекалась работой, а ночью всѣ они

поднимались въ ея головкѣ и кончалось обыкновенно рыданіями, которыя она всячески старалась заглушить и не показать своего горя спавшимъ съ нею мастерицамъ, хотя это не всегда ей удавалось; приходилось изворачиваться и увѣрять, что она рыдаетъ во снѣ, но измѣнившаяся внѣшность служила уликой: исчезъ ея цвѣтущій видъ, щеки ввалились и глаза, полные слезъ и затаенной печали.

Неизвѣстно чѣмъ бы кончилось это нервное возбужденіе Валентины, если-бы не письмо няни, которая звала ее въ Отрадное къ больному отцу, окончательно брошенному женою. Все забыла Валентина, она сознавала лишь, что ея присутствіе необходимо отцу. Въ тотъ-же день простилась она съ хозяйкою и съ подругами и черезъ два дня была уже у постели больного отца.

Нерадостно было ея возвращеніе домой. Весь домъ былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ случившихся событій и тяжкой болѣзни Платона Ивановича. Изъ прежнихъ слугъ никого не было, одна няня, узнавши объ опасной болѣзни Платона Ивановича и окончательномъ отъѣздѣ изъ Отраднаго Пелагеи Ильинишны, вернулась на свое старое пепелище и она то и встрѣтила пріѣхавшую Валентину.

Отецъ не могъ узнать Валентину, онъ все еще былъ безъ памяти, только недѣлю послѣ ея пріѣзда онъ въ первый разъ пришелъ въ себя и докторъ объявилъ Валѣ, что опасность миновала, и при хорошемъ уходѣ и душевномъ спокойствіи онъ скоро совсѣмъ поправится.

Когда Платонъ Ивановичъ нѣсколько окрѣпъ, ему напомнили о Валентинѣ и сказали, что она скоро пріѣдетъ. Страшно обрадовался больной, узнавъ о скоромъ возвращеніи дочери; черезъ нѣсколько времени къ нему вошла Валентина и упала передъ нимъ на колѣни. Трудно описать радость ихъ свиданія: оба страшно рыдали, не имѣя силъ произнести слово. Успокоившись нѣсколько, отецъ и дочь, прерывая другъ друга, начали просить одинъ у другого прощенія.

— Валюша, родная, прости своего стараго отца,— сквозь рыданія говорилъ Платонъ Ивановичъ, не переставая цѣловать мокрое отъ слезъ лицо вернувшейся дочери.

— Папа, голубчикъ, прости и ты свою Валю, я слишкомъ страдала, прерывающимся голосомъ шептала Валя, прижимаясь къ отцу и цѣлуя его похудѣвшія руки.

— Забудемъ, родная моя, прошлое. Я теперь счастливъ, со мной моя Валя, и больше уже не покинетъ своего стараго отца. Правда, вѣдь, родная, ты ужъ совсѣмъ простила?

— Папа, милый, не вспоминай... Ты самъ говорилъ! Теперь мы вмѣстѣ, и уже никто насъ не разлучитъ.

И долго еще бесѣдовали отецъ и дочь. Все узнала Валентина, всю жизнь отца во время ея отсутствія: какъ онъ страшно страдалъ и мучился; какъ жестоко оскорбленъ женою; разсказалъ ей отецъ и о той ужасной сценѣ, послѣ которой послѣдовалъ

окончательный отъѣздъ Пелагеи Ильинишны и болѣзнь отца; ничего не скрылъ отъ нея отецъ, и въ свою очередь разсказала ему Валентина все, что она переиспытала съ момента его женитьбы; объ одномъ только умолчала Валентина, это—о сценѣ у скамейки, но это была тайна, которая принадлежала не ей одной, и которую она не могла никому выдать—даже отцу.

Платонъ Ивановичъ сталъ быстро поправляться, жизнь въ Отрадномъ вошла опять въ свою колею, какъ она была до появленія въ усадьбѣ Пелагеи Ильинишны, только отношенія между отцомъ и дочерью стали еще лучше; Валя чувствовала, что много нужно ласки, чтобы совершенно излѣчить сердечную рану отца, а Платонъ Ивановичъ какъ-бы старался нѣжностью и любовью вознаградить Валентину за годъ страданій.

Къ веснѣ совсѣмъ поправился Платонъ Ивановичъ и принялся усердно за хозяйство, которое очень любилъ, а Валентина захлопоталась съ садомъ, нѣсколько запущеннымъ во время ея отсутствія.

По вечерамъ отецъ и дочь усаживались на балконѣ и проводили время въ разговорахъ, а въ дурную погоду устраивались въ библіотекѣ, и Валентина читала отцу вслухъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Платонъ Ивановичъ сообщилъ дочери, что получилъ письмо отъ ихъ сосѣда Аммосова, который проситъ разрѣшенія

привезти къ нимъ завтра своего друга и товарища по университету графа Колбинскаго.

— Я ему отвѣтилъ, что мы будемъ очень рады, вѣдь ты, надѣюсь, ничего не имѣешь противъ.

— Конечно,—отвѣтила вся вспыхнувъ Валентина, и сейчасъ же постаралась перемѣнить разговоръ.

Въ этотъ вечеръ Валентина была необыкновенно разсѣянная и рано ушла къ себѣ, сославшись на головную боль, когда отецъ спросилъ что съ нею.

Только передъ свѣтомъ удалось уснуть Валентинѣ. Она ни минуты не сомнѣвалась, что другъ Аммосова и есть Александръ и страшно волновала ее предстоящая встрѣча; она не знала, какъ себя держать съ нимъ и, кромѣ того, въ сердцѣ закрадывалась боязнь, что онъ уже разлюбилъ ее и не покажетъ виду, что знаетъ ее.

На другой день Валентина съ утра была въ возбужденномъ состояніи, часто не впопадъ отвѣчала на вопросы отца, не понимавшаго, что случилось съ дочерью.

Наконецъ появились молодые люди и Аммосовъ представилъ Платону Ивановичу и Валентинѣ своего пріятеля, графа Александра Ивановича Колбинскаго.

Трудно описать удивленіе молодого человѣка при видѣ Валентины; ея имя, и краска, залившая ея лицо при взглядѣ на него, служили доказательствомъ, что это та же Валентина, которую онъ любитъ до сихъ поръ и которая отвергла его любовь.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ минуты когда ему удастся переговорить съ нею безъ свидѣтелей, и судьба на этотъ разъ побаловала нашихъ влюбленныхъ.

Платонъ Ивановичъ, желая показать Аммосову какой-то недавно полученный имъ изъ за границы инструментъ, повелъ его въ свой кабинетъ, извинившись передъ графомъ, что оставляетъ его на нѣсколько минутъ, причемъ обращаясь къ дочери сказалъ: «А ты постарайся, чтобы графъ съ тобою не соскучился».—Онъ никакъ не воображалъ, что графъ только того и ждетъ, чтобы остаться съ глазу на глазъ съ Валентиною.

Только что Платонъ Ивановичъ съ Аммосовымъ вышли изъ гостиной, и молодые люди остались одни, какъ Александръ, весь красный отъ волненія, обратился къ Валентинѣ съ просьбою объяснить ему его недоумѣніе.

— Это долго разсказывать, графъ, сейчасъ можетъ вернуться отецъ и помѣшать намъ. Неужели же вамъ ничего не разсказывалъ о насъ Михаилъ Никаноровичъ? Онъ прекрасно знаетъ причину моихъ превращеній въ швею и обратно.

— Такъ вы позволите мнѣ разспросить его?

— Если васъ это интересуетъ.

— Неужели, Валентина Платоновна, вы думаете, что меня можетъ не интересовать все то, что до васъ касается? Неужели вы забыли нашу послѣднюю встрѣчу?—проговорилъ графъ, все болѣе и болѣе волнуясь.

— Нѣтъ... я помню,—тихо отвѣтила Валентина.

— А помните то слово, которое вы произнесли послѣднимъ?

На это ничего не отвѣтила Валентина, только сконфуженно, но вмѣстѣ съ тѣмъ радостно взглянула она на Александра и быстро опустила глаза.

— «Никогда»—неужели вы серіозно произнесли тогда это слово? — почти шопотомъ произнесъ графъ.

— Я тогда была только швея а теперь...

— А теперь—неужели вы опять повторите это слово?

— Нѣтъ,—чуть слышно проговорила Валентина, не смѣя поднять глазъ.

— Такъ вы не отвергаете теперь моей любви? Скажите—вы любите меня, Валентина!

Но вошедшіе Платонъ Ивановичъ и Аммосовъ помѣшали Валентинѣ что нибудь отвѣтить.

Вскорѣ Валентина, воспользовавшись первымъ предлогомъ, ушла къ себѣ и вся въ слезахъ опустилась передъ кіотомъ, но то уже были слезы радости.

Графъ воспользовался любезнымъ приглашеніемъ Платона Ивановича бывать у нихъ; черезъ мѣсяцъ онъ формально сдѣлалъ предложеніе, а въ сентябрѣ отпраздновали въ Отрадномъ свадьбу, собравшую всѣхъ помѣщиковъ К—аго уѣзда, а послѣ свадьбы счастливые молодые отправились въ Москву, гдѣ Александръ Ивановичъ предоставилъ своимъ роднымъ молодую графиню Колбинскую. Старуха-мать, знавшая отъ сына исторію Вален-

тины, радостно встрѣтила свою невѣстку, которую любила еще въ бытность ея швеею.

Черезъ мѣсяцъ молодые собрались опять въ Отрадное, гдѣ рѣшили поселиться навсегда; съ трудомъ отпустили ихъ старички Колбинскіе, привязавшіеся за этотъ мѣсяцъ къ симпатичной женѣ сына.

Была-ли счастлива Валентина со своимъ мужемъ?

Думаю, что да.

МАРУЛА.

МАРУЛА.

I.

Я былъ произведенъ въ офицеры за четыре года до послѣдней турецкой войны, и вышелъ въ одинъ изъ армейскихъ гусарскихъ полковъ, расположенныхъ на юго-западѣ Россіи.

До своего производства я никогда не бывалъ на югѣ, и весьма понятно, что онъ поразилъ меня; мнѣ тамъ все понравилось—и богатая растительность, и волнистая мѣстность, такъ какъ здѣсь начинались Карпатскія горы, и яркіе цвѣта, какъ въ природѣ, такъ и на людяхъ, нравились, наконецъ, и люди. Однимъ словомъ, кажется не было ничего такого, что бы не нравилось,—весьма возможно, что въ этомъ большую роль играла моя молодость, мнѣ исполнилось тогда 21 годъ, играла, безъ сомнѣнія, роль и свобода, полученная послѣ долгихъ лѣтъ томленія въ четырехъ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія; съ производствомъ же въ офицеры, я впервые почувствовалъ себя человѣкомъ и главное—человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ; мнѣ

нравилось, что солдаты отдаютъ мнѣ честь... и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, я чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

По пріѣздѣ въ полкъ, я представился начальству и товарищамъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ послѣдними началъ знакомиться и съ окрестными помѣщиками, которыхъ было тамъ не мало.

Большинство изъ помѣщиковъ были молдоване, русскіе составляли исключеніе, но какъ тѣ, такъ и другіе, весьма радушно принимали военную молодежь, благодаря чему жилось очень весело. Въ числѣ русскихъ помѣщиковъ былъ одинъ отставной генералъ Дмитрій Петровичъ Ахметевъ, у котораго съ особеннымъ удовольствіемъ бывала наша молодежь; привлекала насъ, кромѣ радушія хозяевъ, —это ихъ молоденькая дочка, недавно окончившая Смольный институтъ, хорошенькая и симпатичная Анна Дмитріевна, или какъ ее называли родные— Нюся.

Веселая и бойкая Нюся была кумиромъ нашего полка, офицерство котораго, начиная съ полкового командира, было покорено ею и не было такой затѣи, которой бы Нюся не сумѣла привести въ исполненіе при помощи своихъ военныхъ друзей и вѣрныхъ подданныхъ.

Въ числѣ потерявшихъ сердце и голову былъ, конечно, и я. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы я не появлялся на своемъ Хаджи-Муратѣ въ усадьбѣ Ахметевыхъ, чтобы захватить съ собою Нюсю и по цѣлымъ часамъ бродить съ нею верхами

по живописнымъ отрогамъ Карпатъ. Понемногу увлеченіе начало складываться въ болѣе сильное и прочное чувство—однимъ словомъ, я полюбилъ Нюсю всѣмъ сердцемъ. Моя пылкая любовь зародила тоже чувство и въ груди дѣвушки, нуженъ былъ только случай, чтобы высказаться, что при ежедневныхъ свиданіяхъ было весьма возможно, и что случилось менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ моего пріѣзда. Родители ничего не имѣли противъ нашего брака и мы въ одинъ чудный іюньскій день были объявлены женихомъ и невѣстою, и съ этого дня я уже на законномъ основаніи не разлучался съ Нюсей, являясь сейчасъ же послѣ занятій и оставаясь до поздняго вечера, когда возвращался къ себѣ, чтобы на другой день вновь быть у ногъ моей невѣсты и ожидать того блаженнаго дня, когда мой кумиръ, мое блаженство, станетъ моею на вѣки.

Время нашей помолвки проходило очень весело пикники слѣдовали за пикниками, товарищи, казалось, задались цѣлью, по возможности, сократить наше ожиданіе свадьбы и дни дѣйствительно пролетали быстро—до свадьбы оставалось не больше мѣсяца.

Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ», говоритъ мудрая русская пословица—дѣйствительно наши планы скорой свадьбы разлетѣлись какъ дымъ. Вмѣсто счастливыхъ новобрачныхъ оказались убитые горемъ старики Ахметевы и едва не потерявшій разсудка женихъ, т.-е. я.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о томъ, что

произошло, я долженъ сказать, что у старика Ахмѣтева былъ племянникъ, сынъ его родной сестры,— это былъ въ полномъ смыслѣ негодяй, безпринципный, атеистъ, циникъ и развратникъ до мозга костей, который былъ способенъ на всякое преступленіе для покрытія своего дефицита, такъ какъ всѣ свои средства и, къ слову сказать, не маленькія, онъ успѣлъ быстро спустить по разнымъ притонамъ разврата, какъ въ Россіи, такъ и заграницей.

Вотъ этотъ то господинъ, котораго звали Евгеній Петровичъ Иволгинъ, желая поправить свои дѣла посредствомъ брака, вздумалъ было ухаживать за своей кузиною, но получивши, конечно, отпоръ отъ презиравшей его дѣвушки, которой не могли прійти и въ голову планы ея кузена; потерпѣвши фіаско, онъ затаилъ злобу и рѣшилъ убрать ее съ дороги и какъ единственный наслѣдникъ старика Ахметева въ будущемъ—завладѣть его состояніемъ.

Конечно, никому изъ насъ не приходила въ голову возможность подобнаго поступка со стороны племянника всѣми уважаемаго Ахметева и даже послѣ самаго происшествія, видя его около стариковъ, никому не пришло въ голову его заподозрить и вѣроятно все осталось бы неизвѣстнымъ и Иволгинъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ старика дяди, если бы не простой случай, который раскрылъ его преступленіе, оставшееся, впрочемъ, для него безнаказаннымъ такъ какъ не было никакихъ фактическихъ данныхъ для привлеченія его къ отвѣт-

ственности, да и старикъ Ахметевъ врядъ-ли бы захотѣлъ начинать дѣло противъ сына своей сестры.

Какъ и всегда, я былъ у Ахметевыхъ и въ день несчастья. Часовъ около 9 вечера я простился и уѣхалъ къ себѣ,—вдругъ, ночью, часа въ 2, или нѣсколько позднѣе, меня разбудилъ деньщикъ и подалъ записку отъ старика Ахметева, въ которой было только два слова «Нюся пропала», я какъ сумасшедшій вскочилъ съ постели и, крикнувъ, чтобы скорѣй сѣдлали Хаджи-Мурата, бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ спалъ мой товарищъ Петровскій. Разбудивъ его и передавъ о случившемся, я сказалъ, что ѣду сію минуту къ Ахметевымъ, а чтобы онъ передалъ товарищамъ мою просьбу помочь въ розыскахъ моей невѣсты.

Прошелъ какой-нибудь часъ, какъ я влетѣлъ на взмыленномъ Муратѣ въ усадьбу Ахметевыхъ; тамъ я засталъ всѣхъ въ страшномъ переполохѣ, старушка мать лежала безъ чувствъ, а самъ генералъ со всѣми рабочими были на рѣкѣ, розыскивая тѣло Нюси, такъ какъ не было сомнѣнія въ томъ, что она утонула.—Нюся имѣла привычку всегда купаться вечеромъ, ей нравилась эта черная вода, полная таинственности, и вотъ, проводивши меня, она отправилась купаться, дома ее ожидали съ ужиномъ, который подавался обыкновенно около 11 часовъ, видя что ея нѣтъ, отецъ пошелъ въ купальню, которая оказалась запертою, на его окликъ не послѣдовало отвѣта, тогда перепуганный старикъ ударомъ ноги открылъ дверь и при свѣтѣ спички уви-

далъ на скамьѣ только одежду Нюси—сомнѣнія не могло быть въ томъ, что она утонула.

Часамъ къ пяти утра, прибылъ командиръ нашего полка, офицеры и нѣсколько солдатъ, но поиски остались безъ результатовъ, цѣлый день по всѣмъ направленіямъ закидывали невода, щупали баграми, многіе солдатики даже ныряли, но тѣла такъ и не нашли.

Часовъ въ 12 была отслужена первая панихида, послѣ которой я отправленъ былъ прямо въ госпиталь, у меня открылась нервная горячка. Старушка Ахметева также слегла и едва не умерла, а самъ старикъ, потерявъ единственную дочь, долженъ былъ проводить дни и ночи около боровшейся со смертью жены и въ концѣ концовъ свалился самъ, съ нимъ случился легкій параличъ.

Въ госпиталѣ я пробылъ почти четыре мѣсяца, а затѣмъ взялъ одиннадцатимѣсячный отпускъ и уѣхалъ заграницу, куда меня отправили доктора для укрѣпленія расшатаннаго здоровья и нервовъ, но долго я не могъ выдержать въ одиночествѣ, черезъ два мѣсяца я вернулся въ свою полковую семью.

Стоялъ январь, когда я опять попалъ въ знакомыя мѣста, гдѣ все мнѣ напоминало мою, такъ преждевременно и такъ ужасно погибшую невѣсту, но тогда, при ней, все цвѣло, все благоухало, во всемъ была видна жизнь, а теперь, наоборотъ, все было покрыто саваномъ, все было мертво, отъ всего вѣяло покоемъ. Тогда я былъ молодъ, меня все

радовало, въ журчаніи ручейка я находилъ слова любви, лѣтній вѣтерокъ точно нашептывалъ мнѣ о достоинствахъ моей дорогой безцѣнной Нюси...., послѣднія же событія меня состарили, ничто меня не радовало, ничѣмъ я не восторгался...

По возвращеніи въ полкъ, долго я не могъ собраться посѣтить несчастныхъ стариковъ Ахметевыхъ, слишкомъ тяжелы были воспоминанія о протекшемъ лѣтѣ, какъ у меня, такъ и у бѣдныхъ родителей Нюси. Но поѣхать надо было, и я переломилъ себя... Но, Боже, какая разница съ тѣмъ, что было и что стало: тогда я входилъ въ земной рай, теперь... это была могила, въ которой доживали свой вѣкъ два живыхъ мертвеца; глядя на стариковъ Ахметевыхъ, кто бы могъ сказать, что прошло всего шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ я ихъ оставилъ, а не десять лѣтъ, такъ страшно перемѣнились они оба, да впрочемъ, и я былъ не лучше, ничто во мнѣ не напоминало веселаго, юнаго жениха, какимъ я былъ лѣтомъ. Свиданіе было очень тяжелое, старушка не выдержала и, обнимая меня, разрыдалась, были слезы и на глазахъ старика отца. Прошла первая, острая минута свиданія, и мы невольно перешли въ разговорѣ на Нюсю, вспоминали всѣ подробности послѣднихъ дней и, между прочимъ, однимъ изъ присутствующихъ товарищей моихъ, было высказано удивленіе, что, не смотря на тщательные розыски, тѣло Нюси не было найдено и его не вынесло на берегъ—потолковали на эту тему, но все таки приходилось считаться съ фактомъ—

Нюси не было, оставшееся же въ купальнѣ ея платье прямо указывало на то, какимъ образомъ погибла она.

Говорятъ, что нервные люди всегда ищутъ сильныхъ ощущеній, находя въ страданіяхъ извѣстную прелесть, то же было и со мной; не смотря на то, что въ усадьбѣ Ахметевыхъ мнѣ все напоминало о Нюсѣ, каждая вещица точно говорила: «а меня держали ручки той, которая была тебѣ дороже всего въ мірѣ»; каждый кустикъ, каждое деревцо точно шептало мнѣ: «а меня поливала она, за мной она ухаживала»; я находилъ неизъяснимое блаженство бывать тамъ и, возвращаясь домой страшно разстроенный, съ возбужденными до нельзя нервами, я зналъ, что завтра опять буду тамъ.

Я довелъ себя до того, что видѣлъ какъ на яву, свою Нюсю, она приходила ко мнѣ, глядѣла на меня грустными глазами, точно манила къ себѣ; мнѣ чудилось, что я слышу какъ она говоритъ мнѣ—«спаси меня» и эти глаза, которые я такъ отчетливо видѣлъ и при дневномъ свѣтѣ и во мракѣ ночи, были живыми глазами,—ничто не напоминало въ нихъ того, чтобы они принадлежали лицу умершему. Всѣ эти мои видѣнія, которыя сопровождали меня повсюду, сдѣлали то, что я началъ сомнѣваться въ смерти Нюси; съ начала эти сомнѣнія я таилъ въ себѣ, но постепенно началъ сомнѣваться вслухъ. Дошло до того, что товарищи начали уже бояться за мой разсудокъ, но такъ какъ во всемъ остальномъ я былъ нормальнымъ человѣкомъ, то меня, ко-

нечно, не трогали, а старались только не касаться въ разговорахъ пункта моего помѣшательства,—я зналъ о мнѣніи моихъ товарищей, но это меня нисколько не удерживало, я нерѣдко говорилъ имъ: я знаю, что вы считаете меня помѣшаннымъ, но это все таки не убѣдитъ меня въ томъ, что я ошибаюсь,—ея глаза говорятъ мнѣ, что она жива.

Но, что мнѣ надо было дѣлать—я положительно не зналъ, куда могла дѣваться Нюся и что могло заставить ее это сдѣлать, всѣ эти вопросы меня страшно мучили. А кто могъ бы мнѣ дать отвѣтъ? Мнѣ приходила мысль о преступленіи, но кто его совершилъ и зачѣмъ; приходила мнѣ въ голову мысль объ Иволгинѣ, но я отбрасывалъ ее, объясняя это своею антипатіей къ нему. Розыски и разспросы не приводили ни къ чему, а между тѣмъ гдѣ то тамъ, далеко въ сердцѣ, теплился маленькій лучъ надежды.

Время проходило, проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а положеніе мое оставалось все тоже. Насмѣшки товарищей, а главное сама дѣйствительность начинала колебать во мнѣ мою мечту, искорка надежды, которую я затаилъ въ своемъ сердцѣ, готова была уже потухнуть и, вѣроятно, потухла бы, если бы не одинъ странный случай, послѣ котораго я опять воспрянулъ духомъ и надежда загорѣлась съ новой силой.

Были мы на маневрахъ около Кіева; былъ какой-то праздникъ и войскамъ былъ назначенъ отдыхъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ пообѣдавши улеглись

спать, другіе, въ томъ числѣ и я, отправились побродить по городу. Какъ любитель старины я зашелъ въ одну древнюю церковь, а товарищи отправились въ городской садъ, гдѣ и должны были меня подождать.

Осмотрѣвши церковь я отправился къ товарищамъ, которые встрѣтивъ старую цыганку заставили ее гадать имъ, и когда я подошелъ къ нимъ, она усердно разглядывала ладонь одного изъ нихъ, и, не обращая вниманія на шутки офицерства, серіозно говорила о томъ, что ожидаетъ его.

Одинъ за другимъ товарищи протягивали ей руки, наконецъ дошла очередь и до меня; я было началъ отказываться, но ко мнѣ начали приставать и я, нехотя, протянулъ и свою руку гадалкѣ, которая внимательно разсмотрѣла ладонь и взглянувъ на меня тихо сказала: бѣдный, много ты страдаешь; много зла принесъ тебѣ одинъ человѣкъ. Но не совсѣмъ потерялъ ты свое счастье, найдешь его опять, только не здѣсь, а далеко отсюда.

Я какъ сумасшедшій вскочилъ и началъ обнимать грязную цыганку, пока меня не оттащили отъ нея товарищи.

Мысль, что Нюся жива, и я ее опять увижу, съ новою силой овладѣла мной; этотъ разъ никакія убѣжденія товарищей, что слова старой цыганки не могутъ относиться къ покойной, при чемъ они подчеркнули это слово, а просто гадалка намекала, что я женюсь на комъ нибудь, т.-е. что она сдѣлала самое обыкновенное, для молодого человѣка

какъ я, предсказанія не подѣйствовали на меня. Опять потянулись дни, за ними мѣсяца, я продолжалъ лелѣять въ груди, ничѣмъ необъяснимую надежду найти Нюсю, но, какъ и прежде, безуспѣшно. Но что же должны были означать слова старой цыганки?

II.

Прошло уже почти два года послѣ исчезновенія Нюси. На Балканскомъ полуостровѣ лилась кровь нашихъ братьевъ, потянулись туда наши добровольцы, во главѣ съ славнымъ Черняевымъ, хотѣлъ и я ѣхать туда,—ужъ не тамъ ли ожидало меня счастье, не на смерть ли намекала старая цыганка?—«найдешь его опять, только не здѣсь, а далеко отсюда», можетъ дѣйствительно меня ожидаетъ турецкая пуля, а съ нею и потерянное счастье. Не здѣсь же, на землѣ, безъ моей Нюси, я могъ найти счастье—это было бы немыслимо.

Весьма вѣроятно, что я бы послѣдовалъ за русскими добровольцами, но отговорили товарищи, убѣдивъ меня тѣмъ, что навѣрное будетъ объявлена война Турціи, и уже вмѣстѣ съ полкомъ я могу отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Наконецъ, мечта осуществилась—война была объявлена, и мы начали готовиться къ походу. Окончивши свои сборы по мобилизаціи и пополнивши нашъ комплектъ, прибывшими изъ запаса нижними

чинами и офицерами, мы, простившись съ окрестными помѣщиками, выступили въ походъ.

Наканунѣ выступленія я поѣхалъ проститься со стариками Ахметьевыми. Грустно и торжественно было это прощаніе. Старики въ память дочери сильно привязались ко мнѣ, они точно перенесли свою любовь къ дочери на меня; впрочемъ, я платилъ имъ тѣмъ же, я также полюбилъ родителей моей бѣдной Нюси и относился къ нимъ какъ къ отцу и матери. Вскорѣ послѣ обѣда, который прошелъ почти при полномъ молчаніи, такъ какъ всѣ мы находились подъ вліяніемъ скорой разлуки и не знали, суждено ли будетъ намъ увидѣться, былъ отслуженъ напутственный молебенъ, послѣ котораго плакавшіе старики надѣли мнѣ на шею образъ, который висѣлъ надъ кроватью Нюси.

Едва сдерживая себя отъ рыданій, простился я съ Ахметьевыми и шагомъ поѣхалъ домой.

Была уже ранняя весна, проглядывала травка, звенѣлъ въ голубой выси жаворонокъ; бросивъ поводья, я всею грудью вдыхалъ весенній опьяняющій воздухъ и мысленно прощался съ этими, дорогими для меня по воспоминаніямъ, мѣстами,—здѣсь я нашелъ свое счастье, здѣсь я встрѣчалъ ту, которая бы сдѣлала меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но здѣсь же и потерялъ его, не успѣвъ извѣдать...

На другой день, послѣ литургіи и молебна, полкъ, имѣя трубачей впереди, двинулся въ походъ. Лица у всѣхъ были серьезны, всѣ сознавали

важность грядущихъ событій; мы знали хорошо, куда и на что мы идемъ, но что насъ ожидаетъ, кто изъ насъ вернется на родину, кому суждено будетъ найти почетную смерть на чужбинѣ—все это было покрыто темной завѣсою неизвѣстности. Каждому изъ насъ, конечно, хотѣлось заглянуть за нее, но къ счастью, человѣку это не дано, и безъ сомнѣнія, это то и было причиною нашего серьезнаго настроенія.

Шли мы походомъ, путь предстоялъ не близкій, надо было сберегать силы людей и лошадей, почему черезъ три дня на четвертый дѣлались дневки; въ день совершали переходы отъ 50 до 70 верстъ, смотря по мѣстности.

Съ каждымъ переходомъ, съ каждымъ днемъ приближались мы и къ югу, и къ веснѣ, а когда, черезъ нѣсколько дней, мы переступили русскую границу и пошли по Румыніи, весна была въ полномъ разгарѣ, тамъ уже цвѣли абрикосы, персики, мы шли среди благоухающихъ садовъ.

Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ устраивались намъ встрѣчи, всюду ожидали насъ депутаціи, вездѣ довольныя лица, всюду праздничныя одежды, отличавшіяся пестротою цвѣтовъ—все это въ связи съ ликующей, возрожденной природою замѣчательно хорошо дѣйствовало на войска, поднимало еще больше и безъ того приподнятый духъ—всѣ мы ждали съ нетерпѣніемъ встрѣчи съ врагомъ, мечтали о боѣ... Послѣ нѣсколькихъ переходовъ была назначена, въ одномъ изъ румынскихъ селеній, дневка.

Была устроена обычная встрѣча, командиру и старшимъ офицерамъ были поднесены букеты, какой-то старичекъ сказалъ привѣтственную рѣчь, которую никто изъ насъ, конечно не понялъ, домороценный оркестръ проигралъ русскій гимнъ и мы всѣ разошлись по отведеннымъ намъ квартирамъ. На другой день, чтобы убить время, нѣкоторые изъ насъ отправились посмотрѣть окрестности; не въ далекѣ отъ деревни виднѣлся лѣсъ, куда мы и направили своихъ коней. День былъ чудный, жары еще не было, дышалось такъ легко.

Подъѣзжая къ лѣсу, мы увидали нѣсколько раскинутыхъ шатровъ, около которыхъ суетилась, по праздничному одѣтая, толпа цыганъ, тутъ же горѣло нѣсколько костровъ, повидимому, жарились бараны, такъ какъ виднѣлись какія-то туши и слышался запахъ жареной баранины.

Когда мы подъѣхали къ табору, цыгане поклонились намъ и одинъ изъ нихъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ просилъ насъ сдѣлать имъ честь, принять ихъ угощеніе.

Оказалось, что мы попали на богатую цыганскую свадьбу.

Женщины еще не выходили изъ большого шатра, гдѣ одѣвали невѣсту. Между шатрами, въ сторонѣ отъ нихъ, было приготовлено большое мѣсто для танцевъ, здѣсь мы и усѣлись на попонахъ, любезно разосланныхъ распорядителями свадьбы.

Яркія одежды цыганъ, поэтическая обстановка— все это мало напоминало намъ то, что ожидало насъ впереди.

Разсмотрѣвши своихъ хозяевъ, мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать выхода женщинъ, особенно же невѣсты, героини празднества.

Но вотъ полы одного изъ шатровъ приподнялись и изъ него вышла толпа женщинъ, до того пестро и ярко одѣтыхъ, что, при ослѣпительномъ южномъ солнцѣ, было больно смотрѣть на нихъ. Невѣста была посреди нихъ, такъ что лица не было видно, видно было лишь ярко-голубое платье и красные сафьяновые сапоги. Къ ней сейчасъ же подошелъ одинъ изъ старыхъ цыганъ и, сказавъ что-то, протянулъ невѣстѣ кувшинъ, вѣроятно съ виномъ, и большой стаканъ; взявъ все это въ руки она направилась въ нашу сторону, голова ея была опущена и бахрама на головномъ уборѣ и масса монетъ, украшавшихъ ея головной уборъ, закрывали отъ насъ ея лицо; всѣхъ насъ поразило то, что приближавшаяся къ намъ цыганка была блондинка. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, цыганка подняла свою голову и взглянула на насъ... тутъ произошло что то необыкновенное, многіе изъ насъ вскочили со своихъ мѣстъ, я же точно остолбенѣлъ и не понималъ что со мною и гдѣ я... Передъ нами стояла Нюся, а что это была она, доказывали ея глаза, широко открытые—они были уставлены на меня. Прошло какихъ нибудь 2—3 секунды, первое впечатленіе прошло и я съ крикомъ «Нюся», бросился къ дѣвушкѣ, которая, выпустивъ изъ рукъ кувшинъ и стаканъ, покачнулась и, потерявъ сознаніе, упала ко мнѣ на руки.

Я былъ въ какомъ-то, точно, бреду, цѣловалъ руки, волосы и рыдалъ какъ ребенокъ, не замѣчая никого и ничего, не замѣтилъ даже угрожающихъ криковъ и жестовъ цыганъ, видѣвшихъ, что русскій офицеръ цѣлуетъ невѣсту однаго изъ нихъ. Слава Богу, что насъ было много, и цыгане не могли ничего сдѣлать, но на всякій случай товарищи обнажили сабли и окружили меня и Нюсю, которая съ трудомъ приходила въ себя.

Наконецъ кое-какъ все устроилось, цыганамъ объяснили, что Нюся моя невѣста и была украдена два года тому назадъ, чего многіе изъ прибывшихъ на свадьбу цыганъ и не знали, набросали имъ денегъ и, провожаемые ихъ злобными взглядами, мы двинулись тихо къ деревнѣ; Нюся сидѣла около меня на лошади и тихо плакала, но это уже были слезы радости. Въ этотъ же вечеръ Нюся, въ кругу всѣхъ моихъ товарищей, разсказала о всѣхъ приключеніяхъ, которыя она перенесла съ момента своего исчезновенія. На другой день, съ разрѣшенія начальника дивизіи, я былъ командированъ въ Россію, мнѣ было разрѣшено проѣздить двѣ недѣли, и я долженъ былъ догнать полкъ до его вступленія на турецкую территорію.

Полковой командиръ телеграфировалъ отъ своего имени, родителямъ Нюси.—Пошли телеграмму я—старики мнѣ бы и не повѣрили, а приписали бы это болѣзненному разстройству, что я напалъ на слѣдъ Нюси, что есть надежда. Послѣ первой телеграммы должны были быть посланы еще нѣсколько

телеграммъ съ подтвержденіемъ первой и наконецъ сообщеніе о томъ, что Нюся найдена и выѣхала въ сопровожденіи меня въ Россію. Такимъ образомъ старики постепенно были подготовлены къ неожиданному возвращенію дочери, которую они считали умершей.

На другой день рано утромъ, имѣя въ карманѣ казенное порученіе, а сбоку мою дорогую, безцѣнную, Нюсю, я, сопровождаемый всякими пожеланіями командира и товарищей, выѣхалъ въ обратный путь и на третій день мы были уже въ объятіяхъ, обезумѣвшихъ отъ счастья, стариковъ родителей.

Ликованіямъ не было конца, не было ни одного человѣка, который бы не пріѣхалъ къ Ахметьевымъ поздравить ихъ; перебывала у Нюси вся деревня— однимъ словомъ въ усадьбѣ шелъ дымъ коромысломъ. Только на одного человѣка возвращеніе Нюси произвело обратное впечатлѣніе—это былъ Иволгинъ, который до того, почти безвыѣздно, проводилъ время у стариковъ Ахметьевыхъ, поджидая, вѣроятно, ихъ смерти. Телеграммы, получаемыя отъ командира съ свѣдѣніями о Нюсѣ, произвели на него убійственное впечатлѣніе, онъ сталъ мрачнымъ, запирался у себя въ комнатѣ, сталъ задумываться; наконецъ, когда была получена телеграмма съ извѣщеніемъ, что Нюся найдена и выѣхала домой, Иволгинъ изчезъ, не простившись даже со стариками.

Не смотря на общую радость, я помнилъ, что могу

пробыть всего дней 6 или 7, а затѣмъ долженъ вернуться въ полкъ. Надо было подумать и о себѣ, вопросъ о свадьбѣ сильно безпокоилъ меня и я спросилъ мнѣніе объ этомъ Нюси, которая объявила, что, если возможно, то она бы хотѣла обвѣнчаться сейчасъ же, а затѣмъ вмѣстѣ же со мной ѣхать въ дѣйствующую армію и поступить сестрою милосердія. Старики не прекословили, просили только, чтобы Нюся не уѣзжала сейчасъ, а побыла нѣкоторое время съ ними. Прекрасно сознавая, какъ много было пережито стариками за эти два года, мы, конечно, не спорили и занялись приготовленіями къ свадьбѣ. Главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы Нюся была признана живою. Благодаря связямъ Ахметьева все это быстро устроилось и мы были обвѣнчаны. Наконецъ-то, послѣ 2-лѣтнихъ страданій, достигъ я того счастья, которое мнѣ предсказала старая цыганка. На другой день послѣ свадьбы я выѣхалъ въ полкъ; опять проводы, опять сцены, но все это было не то, что происходило при первыхъ проводахъ. Тогда я шелъ на войну, провожаемый убитыми горемъ родителями любимой мною дѣвушки, мнѣ была тяжела разлука съ людьми, съ которыми я вмѣстѣ страдалъ, свиданія съ которыми я жаждалъ именно ради этихъ страданій, теперь же меня провожала нѣжно любимая жена, я зналъ, что впереди меня ожидаетъ счастіе, ожидаетъ жизнь съ любимымъ существомъ.

Мысль о томъ, что я могу быть убитъ не приходила мнѣ; во 1-хъ, я былъ слишкомъ счастливъ

въ ту минуту, чтобы думать о возможности смерти, а во 2-хъ, предсказаніе старой цыганки, развѣ оно могло бы считаться исполнившимся, если бы меня теперь застигла смерть? Кромѣ того двумъ изъ товарищей, гадавшимъ тогда у нея, она предсказала насильственную смерть, а мнѣ нѣтъ, слѣдовательно я долженъ жить и буду жить; я такъ долго ожидалъ своего счастія не для того же, чтобы едва успѣвъ найти его, сейчасъ же его лишиться.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего возвращенія въ полкъ, пріѣхала и моя Нюся и была зачислена сестрою милосердія въ одинъ изъ подвижныхъ лазаретовъ дѣйствующей арміи, съ которымъ и совершила всю кампанію.

Война окончилась, полки вернулись назадъ, вернулся назадъ и нашъ полкъ. Старики Ахметьевы устроили торжественную встрѣчу, и на славу угостили какъ офицеровъ, такъ и солдатъ.

Вскорѣ послѣ войны я вышелъ въ отставку и мы поселились со стариками, которые передали бразды правленія въ наши руки; мы зажили счастливою жизнью, ухаживая за нашими старичками и воспитывая нашихъ трехъ дѣвочекъ—Дюдю, Лену и Адю; между ними по 2 года разницы, но онѣ очень дружны между собой и составляютъ большую слабость дѣдушки и бабушки, которые отдали себя въ ихъ полное распоряженіе, которымъ тѣ не прочь и злоупотребить, заставляя стариковъ бѣгать съ ними, особенно лѣтомъ,—бывало гдѣ слышны звонкіе голоса нашихъ дѣвчурокъ—тамъ надо было искать и стариковъ.

Безъ сомнѣнія читателю будетъ интересно узнать, какимъ образомъ, попала Нюся къ цыганамъ и едва не сдѣлалась женою одного изъ нихъ, но это пусть она сама разскажетъ.

Вотъ повѣствованіе объ ея приключеніяхъ, написанное ею по моей просьбѣ.

III.

Вскорѣ послѣ того какъ ты уѣхалъ, я, по обыкновенію, пошла купаться. Ничего подозрительнаго я не замѣтила, правда, что слышать шороха, если бы онъ былъ, было нельзя, такъ какъ вѣтерокъ шелестѣлъ и въ деревьяхъ, и въ камышахъ. Темно было очень. Выкупавшись, я вошла въ купальню; въ это самое время я почувствовала себя въ чьихъ то сильныхъ рукахъ и не успѣла я крикнуть, какъ на голову мнѣ было что то наброшено. Я было пробовала вырваться, но неудачно. Человѣкъ, державшій меня, слегка свиснулъ, послѣ чего я едва, едва уловила шелестъ по водѣ лодки, и не прошло 2—3 минутъ, какъ я лежала уже на днѣ ея со связанными, повидимому, кушакомъ, руками. Голову мою раскрыли, а въ ротъ заткнули какую то тряпку. Лодка быстро направилась внизъ по теченію, оба мои проводника молчали и усиленно гребли. Мнѣ становилось прохладно, въ лодкѣ была вода. Ѣхали по рѣкѣ, какъ мнѣ показалось, больше часу, наконецъ, повернули къ берегу, и не доходя до него

аршина на два, остановились, и мнѣ приказали вылѣзать, развязавъ предварительно руки. Я прыгнула въ воду, которая доходила мнѣ почти до пояса, и вышла на берегъ, лодку же оттолкнули и она поплыла внизъ по теченію. На берегу мнѣ дали надѣть какія то лохмотья и вынули изо рта тряпку, такъ что мнѣ можно было свободно дышать, но вынимая тряпку, мнѣ было объявлено, что если я произнесу хотя бы слово, то мнѣ опять заткнутъ ротъ. Берегъ, на который мы вышли, былъ топкій, такъ что грязь покрывала всю ступню ноги; такъ было саженъ пятьдесятъ, затѣмъ стало суше, но идти было хуже, начинали попадаться кустарники, ноги стали наступать на кочки и сучья, нѣсколько разъ я едва не вскрикнула, но, помня угрозу, сдерживалась и продолжала шагать за переднимъ проводникомъ. Шли мы быстро, и хотя я и чувствовала, что ноги мои изрѣзаны въ кровь, но не рѣшалась обратиться съ просьбою объ отдыхѣ. Повидимому, нужно было до свѣту добраться до какого-нибудь потаеннаго мѣста.

Кустарникъ вскорѣ перешелъ въ лѣсъ, сучья то и дѣло хлестали по лицу, цѣпляясь за волосы и за мои несчастныя лохмотья, мѣстность начала повышаться, начали попадаться мелкіе камушки, дававшіе сильно себя чувствовать моимъ израненымъ ногамъ. Такъ шли болѣе часу, пока не дошли до ручья, который быстро сбѣгалъ по камнямъ—здѣсь мы остановились. Отдыхъ продолжался вѣроятно около $^1/_2$ часа, затѣмъ мы двинулись дальше, тьма

была страшная и мы, вѣроятно, для того, чтобы не сбиться съ дороги, пошли ручьемъ—вода въ ручьѣ была какъ ледъ холодная, но ногамъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ, было легче, даже камушки, часто попадавшіеся, не были такъ чувствительны. Мы поднимались все выше и выше, нѣсколько разъ останавливались и одинъ изъ цыганъ, шедшій все время впереди, такъ какъ это были они, какъ я догадалась по нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ, которыми они перебросились во время нашего отдыха на берегу ручья, сворачивалъ въ сторону, но черезъ нѣсколько минутъ возвращался и, сказавъ что то другому, направлялся дальше. Прошло, вѣроятно, еще часа два, наконецъ, передовой нашелъ то, что искалъ, мы повернули въ чащу и черезъ нѣсколько минутъ остановились.

Были уже признаки близкаго утра, небо становилось нѣсколько свѣтлѣе, можно было различать предметы. Мы стояли около большого камня, прислоненнаго къ горѣ, мои спутники съ большими усиліями отвалили этотъ камень и я различила въ горѣ дыру, аршина $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ, куда на четверенькахъ поползъ одинъ изъ цыганъ, вслѣдъ за нимъ полѣзла и я; ползти пришлось не долго, проползши аршина два, мы очутились въ пещерѣ, освѣщенной слегка фонаремъ, который успѣлъ зажечь первый цыганъ.

Пещера была довольно большая, виднѣлись обломки какихъ то ящиковъ, а около входа была куча золы и угольевъ, видно было, что кто то разводилъ

здѣсь огонь. Было холодно и сыро. Доставши изъ-за пазухи большой кусокъ хлѣба и поставивши на землю бутылку съ водой, цыганъ, не отвѣчая на мой вопросъ, что хотятъ со мной сдѣлать, полѣзъ обратно изъ пещеры, но сейчасъ же вернулся и бросилъ мнѣ свой халатъ. Черезъ нѣсколько секундъ я услышала шумъ задвигавшагося камня, а затѣмъ осталась одна въ темной, какъ ночь, пещерѣ.

Ощупавши со всѣхъ сторонъ свое помѣщеніе, я нашла кучу какой-то травы, изъ которой я сдѣлала себѣ изголовье и, укрывшись цыганскимъ халатомъ, улеглась.

У меня до того болѣло все тѣло, что я съ трудомъ могла поворачиваться съ бока на бокъ, особенно же ныли мои ноги, совершившія такое большое путешествіе по кочкамъ и камнямъ и въ непривычномъ для нихъ положеніи—безъ обуви; онѣ всѣ были изодраны, въ ранки набилась грязь и мелкіе камушки.

Оставшись одна, я начала раздумывать и обсуждать свое положеніе, но какъ я не раздумывала, ничего ни могла придумать, кому понадобилось, и для чего, меня захватить и что думаютъ со мною сдѣлать; убить, повидимому, не собираются, это бы могли сдѣлать сто разъ, за тѣ нѣсколько часовъ, которые мы провели въ путешествіи.

Мнѣ оставалось покориться своей участи, пока не представится случай бѣжать, или же дать знать кому нибудь о случившемся.

Кромѣ тѣхъ мученій, какъ физическихъ, такъ

особенно и нравственныхъ, какія я испытывала. меня сильно волновала мысль о васъ, т.-е. о тебѣ. мой дорогой, и о бѣдныхъ папѣ и мамѣ; я была увѣрена, что меня розыскиваютъ. и найдя мое платье въ купальнѣ сочтутъ, конечно, утонувшею. Наконецъ я заснула, но это былъ тяжелый сонъ—мнѣ грезились цыгане, которые меня душили, жгли на огнѣ,... я вскакивала на ноги, но боль во всѣхъ суставахъ, а главное—израненныя ноги, отказывавшіяся держать меня, быстро возвращали меня къ дѣйствительности и я въ изнеможеніи опускалась опять на свое твердое, сырое ложе.

Проснулась я днемъ, пещера слегка освѣщалась свѣтомъ проходившимъ черезъ отверстіе, неплотно задвигавшееся камнемъ. Я съ трудомъ подползла къ выходу, тамъ было не такъ сыро и лучше дышалось. Но Боже, въ какомъ я была видѣ. На мнѣ надѣты какія то, яркаго цвѣта, лохмотья, прикрывавшія меня лишь до колѣнъ, все это висѣло лохмотьями, было до невозможности грязно, ноги были въ ранахъ и сплошь покрыты запекшеюся кровью, смѣшавшеюся съ грязью; лица своего я не могла видѣть, но и оно было все исцарапано вѣтвями. Если бы тогда кто нибудь изъ васъ увидалъ меня, то навѣрное бы не узналъ своей Нюси...

День тянулся утомительно долго, точно въ могилѣ. Мысли смѣнялись мыслями, но ничего пугнаго изъ нихъ не выходило, нѣсколько разъ я принималась плакать. Наконецъ, наступила опять ночь, за день тѣло мое нѣсколько отдохнуло и я

крѣпко заснула. Сонъ сильно подкрѣпилъ меня и я на другое утро сдѣлала попытку выйти изъ пещеры, но для этого надо было продѣлать другое отверстіе, такъ какъ камня я была не въ силахъ отодвинуть, но копать было нечѣмъ; я подумала о бутылкѣ, но тамъ была вода,—хорошо если удастся выйти, а нѣтъ—тогда останешься безъ воды, а сколько времени прійдется ожидать освобожденія—неизвѣстно и я начала работать руками, но черезъ нѣсколько времени бросила; работа подвигалась слишкомъ медленно, а ногти были обломаны и концы пальцевъ изрѣзаны, попадавшимися въ землѣ камушками. Пришлось надѣжду на спасеніе бросить и предоставить себя судьбѣ.

На слѣдующую ночь въ пещерѣ появился опять тотъ-же цыганъ: я опять спросила его, что со мною хотятъ дѣлать; на этотъ разъ цыганъ оказался болѣе разговорчивымъ и объявилъ, что меня убивать не будутъ, а увезутъ заграницу. На мой вопросъ зачѣмъ и за что, онъ отвѣтилъ, что кому то нужно отъ меня избавиться, что лично онъ зла ко мнѣ не питаетъ, а дѣлаетъ все потому, что ему заплатили.

— Кто же это?—спросила я, кому могу я мѣшать?

— Нельзя сказать, барышня, много будешь знать, знаешь, что тогда бываетъ,—отвѣтилъ улыбаясь цыганъ.

— Но вѣдь теперь же дѣло сдѣлано, я въ вашей власти.

— Пожалуй и твоя правда, да что-жъ, легче тебѣ будетъ, коли скажу, все равно вѣдь тебѣ.

— Да и тебѣ же все равно теперь, деньги вѣрно ужъ получилъ, а мнѣ все таки интересно знать, кому я обязана всѣмъ тѣмъ, что случилось.

— Ну Богъ ужъ съ тобой, скажу: близкій къ тебѣ человѣкъ сродственникъ твой...

— Неужели Иволгинъ,—невольно вскрикнула я.

— Ну чего орешь, я съ тобой говорю, думалъ умная, а ты кричишь какъ сумасшедшая; смотри— опять глотку заткну, отвѣтилъ цыганъ сердитымъ голосомъ и больше уже не сталъ отвѣчать на мои вопросы.

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ самой пещерѣ и около ея входа, пока мой собесѣдникъ заваливалъ входъ пещеры. Опять двинулись мы въ путь, я еле ступала своими больными ногами, но идти пришлось недолго, черезъ полъ часа ходьбы мой цыганъ свиснулъ, въ отвѣтъ невдалекѣ послышалось куковань кукушки и черезъ нѣсколько шаговъ мы подошли къ другому цыгану, державшему двухъ лошадей, на которыхъ мы и сѣли. Меня посадили верхомъ, и связали ноги, протянувъ веревку подъ брюхомъ лошади; сзади сѣлъ первый цыганъ и такимъ образомъ мы отправились въ путь; сначала ѣхали шагомъ, по лѣсу, а выѣхавши изъ него, лошадей пустили въ скачь. Ѣзда верхомъ, безъ сѣдла, такъ разбила меня, что я скоро потеряла сознаніе и не сознавала, что со мною, не помнила и когда мы доѣхали и какъ меня сняли съ лошади.

Очнулась я черезъ нѣсколько часовъ и увидала себя въ какомъ то шатрѣ, при чемъ какая то старая цыганка вливала мнѣ въ ротъ какую-то жидкость, которая обожгла меня и заставила очнуться.

Я оказалась на этотъ разъ въ цыганскомъ таборѣ, который расположился далеко отъ населенныхъ мѣстъ, въ лѣсу и въ сторонѣ отъ всякихъ дорогъ; никакихъ встрѣчъ нельзя было опасаться, да и я находилась въ такомъ видѣ, что меня можно было показать самому близкому человѣку—онъ не узналъ бы меня. Приключенія всѣхъ этихъ ночей не прошло безслѣдно—я сильно заболѣла. Какъ сквозь сонъ помню я, что меня чѣмъ то растирали, вливали что-то крѣпкое въ ротъ.

Наконецъ, я пришла въ себя и стала быстро поправляться; молодость и воздухъ брали свое. Около меня возилась все таже старая цыганка, бывали въ шатрѣ и другія цыганки, но онѣ совершенно безучастно смотрѣли на меня и, повидимому, нисколько мною не интересовались.

Нѣсколько разъ за время моей болѣзни появлялся и мой старый знакомый цыганъ и разспрашивалъ, какъ я себя чувствую; когда же я совсѣмъ оправилась, онъ объявилъ, что надо продолжать путешествіе и назначилъ выѣздъ на слѣдующую ночь.

Старая цыганка начала готовить меня къ путешествію; прежде всего выкрасила волосы и брови въ черный цвѣтъ и смазала все тѣло какимъ то составомъ, отъ котораго кожа пріобрѣла оливковый цвѣтъ, такъ что я, въ ярко-красномъ платьѣ съ

монетами и бусами на шеѣ, ничѣмъ не отличалась отъ настоящихъ цыганокъ.

IV.

На слѣдующую ночь мы двинулись въ путь, все съ тѣмъ же цыганомъ, который объявилъ мнѣ, чтобы я хранила полное молчаніе, чтобы ни происходило, иначе... и онъ мнѣ показалъ большой ножъ. Въ эту ночь надо было перебраться черезъ русскую границу мимо пограничныхъ кордоновъ.

Въ началѣ мы ѣхали верхомъ, затѣмъ оставили лошадей и пошли пѣшкомъ; этотъ разъ я была обута, такъ что слѣдовала за своимъ спутникомъ безпрепятственно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось ползти.

Путешествіе наше продолжалось довольно долго, только передъ самымъ разсвѣтомъ мы, съ большими предосторожностями, перешли границу и вступили на румынскую территорію.

Солнце еще не успѣло взойти, какъ мы подошли къ маленькой, затерявшейся въ лѣсу, корчмѣ. На стукъ цыгана передъ нами открылась дверь и оттуда выглянуло заспанное лицо стараго еврея, которому цыганъ началъ быстро что-то шептать, послѣ чего меня отвели въ небольшой чуланъ, подняли тамъ ляду и я спустилась по лѣсенкѣ въ какой-то погребъ, а ляда сейчасъ же захлопнулась. Тьма была кромешная, я натыкалась на какіе-то ящики,

тюки—я поняла, что нахожусь въ притонѣ контрабандистовъ. Устала я отъ ночного путешествія изрядно, почему, найдя большой тюкъ, улеглась на немъ и быстро заснула.

Сколько времени я спала не знаю, такъ какъ когда проснулась, въ погребѣ было все также темно, сверху доносился говоръ, шаги. Просидѣла я такъ до вечера, когда тотъ же еврей выпустилъ меня на свѣтъ Божій. Солнце только что зашло и приближались южные сумерки. Еврей ввелъ меня въ одну изъ комнатъ корчмы, гдѣ былъ мой цыганъ съ другимъ еще, чернымъ какъ смоль, цыганомъ.—Ну, прощай барышня, лихомъ не поминай,—сказалъ мой знакомый цыганъ, кладя мнѣ на плечо руку, его теперь слушай, теперь онъ твой хозяинъ, указывая на другого цыгана, продолжалъ онъ. Не будешь слушать, убѣжать захочешь—худо тебѣ будетъ. Про Россію забудь, и имя свое забудь, звать тебя теперь будутъ Марула.

Простившись съ присутствовавшими, мой бывшій спутникъ ушелъ, а я осталась съ моимъ новымъ хозяиномъ.

И такъ, твоя бѣдная Нюся стала цыганскою холопкою Марулой.

Мнѣ дали ѣсть, а когда надвинулись сумерки, мой новый хозяинъ взялъ меня за руку и мы вышли изъ корчмы.

Пройдя немного, мы подошли къ табору,—тамъ всѣ спали; хозяинъ мой, привязавъ меня веревкою къ телѣгѣ, также пошелъ спать въ палатку.

Съ этого времени я [illegible] въ [illegible] жизнь. [illegible] Семья моего хозяина Ильи [illegible] жена его [illegible] сынъ [illegible] трое дѣтей и [illegible] же [illegible] нашъ таборъ [illegible] Ильи — Аза [illegible] никто не говорилъ по русски. Аза же немного говорила, такъ какъ родилась недалеко отъ русской границы и бывала въ Россіи.

Обязанностей у меня оказалось немного, такъ какъ хозяйства не было никакого. Почти безпрерывно таборъ переходилъ съ одного мѣста на другое, такъ что за эти почти два года, что я пробыла въ немъ, мы исколесили весь Балканскій полуостровъ, зимой спускаясь къ югу, а лѣтомъ поднимаясь въ горы.

Обязанностей, какъ я говорю, было немного—все имущество семьи Ильи состояло изъ двухъ паръ лошадей и двухъ телѣгъ, наполненныхъ всякимъ хламомъ. Во время передвиженія, на мнѣ лежала обязанность смотрѣть, чтобы не выскочилъ изъ телѣги кто нибудь изъ дѣтей, во время же остановокъ надо было растянуть палатку, вытащить перины и подушки, устроить таганъ и т. п. Но горе было мнѣ, если что нибудь было сдѣлано не такъ какъ слѣдуетъ—хозяйская нагайка сейчасъ же прогуливалась по моей спинѣ; лучше другихъ обращался со мной сынъ хозяина Янко, жена же его Аза была больная женщина, капризная и тиранила меня больше всѣхъ.

Жизнь была самая патріархальная: круглый годъ на воздухѣ, умывалъ насъ дождь, сушилъ вѣтеръ и солнце, оно же и поднимало насъ и укладывало. Время проводили въ полномъ бездѣліи, особенно женщины; на нихъ лежала обязанность одѣть мужа и себя, сварить обѣдъ и только. За дѣтьми ухода не было никакого, они жили точно звѣрьки, ничему ихъ не учили, даже почти не одѣвали.

Мужчины — тѣ хоть занимались воровствомъ, большею частью лошадей, что у нихъ было, повидимому, правильно организовано—лошади передавались отъ одного табора до другого.

Нерѣдко случалось, что таборъ неожиданно поднимался ночью и быстро переходилъ на другое мѣсто, за нѣсколько десятковъ верстъ; это значило, что ему грозитъ опасность отъ властей,—въ этихъ случаяхъ лошадямъ давали водку и онѣ были въ состояніи сдѣлать громадный переходъ.

Когда останавливались около какого нибудь городка и большого селенія, всѣ женщины и даже подростки, разряженныя въ самые яркіе цвѣта, отправлялись туда, кто гадать, кто выпрашивать милостыню, а кто и просто для того, чтобы поживиться тѣмъ, что плохо лежитъ. Въ таборѣ оставались только больные, двѣ три старухи и я, такъ какъ меня не отпускали далеко отъ табора, боясь, вѣроятно, побѣга. Стоило мнѣ отойти нѣсколько десятковъ саженей, какъ раздавался чей нибудь грозный окликъ; когда же нужно было идти на рѣку или за водой, со мной всегда была какая ни-

будь изъ женщинъ. Хотя уйти мнѣ было довольно мудрено, во 1-хъ я не знала мѣстнаго языка, а во 2-хъ я была почти раздѣта, на мнѣ были такія лохмотья, которыхъ нельзя уже было почти носить, они еле держались на плечахъ. Однимъ словомъ, вообрази себѣ, что могутъ представлять изъ себя обноски цыганокъ, которыя, какъ извѣстно, не особенно слѣдятъ за своими костюмами, особенно же когда онѣ у себя, въ таборѣ. Первое же время своего пребыванія у цыганъ я представляла прямо таки смѣшное зрѣлище: краска, которой были выкрашены мои волосы, начала сходить, и онѣ были пестрыми, съ какими-то пятнами.

Странный народъ эти цыгане: всѣ они были воры, каждый изъ нихъ, за деньги, былъ готовъ на самое ужасное преступленіе, а между тѣмъ у себя, въ таборѣ, они проявляли замѣчательную честность; у насъ все было разбросано, замковъ никакихъ не полагалось, но никогда ни у кого ничего не пропало; не принадлежа ни къ какой религіи, хотя офиціально они и считаются христіанами, они скорѣй всего были язычниками, вѣрили въ разныхъ, добрыхъ и злыхъ, духовъ, въ примѣты, шептанья и т. п.,—но въ своей семейной жизни они могли служить примѣромъ многимъ христіанамъ.—Грубые, свысока смотрящіе на женщину, они тѣмъ не менѣе крѣпко охраняютъ свою семью отъ разврата; я за два года жизни среди нихъ не знаю ни одного случая измѣны не только жены, но и мужа; хотя никакого ни церковнаго, ни граж-

данскаго брака у нихъ не существуетъ, а все совершается однимъ изъ стариковъ и состоитъ изъ всевозможныхъ заклинаній и языческихъ обрядовъ, между тѣмъ брачное сожительство у нихъ болѣе крѣпко чѣмъ у насъ, съ нашими законами, ограждающими какъ цѣлость брака, такъ и права каждаго изъ супруговъ. Хорошею чертою у нихъ является—это уваженіе не только своихъ родителей, но и стариковъ вообще.

Прошелъ еще мѣсяцъ послѣ моего водворенія въ семьѣ Илько и я начала уже втягиваться въ эту скитальческую жизнь подъ открытымъ небомъ. Я все больше и больше узнавала природу и полюбила ее еще сильнѣй, сравнивая съ этимъ, какъ говорятъ, вѣнцомъ творенія—человѣкомъ, я все больше и больше очаровывалась ею, сидя гдѣ нибудь на обрывѣ и вдыхая чистый воздухъ полей я старалась забыть о существованіи человѣка—этого злобнаго, завистливаго существа,... но не на долго,—визгливый голосъ Азы, или-же грубый Илько возвращали къ дѣйствительности бѣдную Марулу.

Не имѣя возможности бѣжать изъ табора, я все же надѣялась на какую нибудь случайность, на встрѣчу съ кѣмъ нибудь. Хотя меня въ первое время и охраняли отъ всякихъ встрѣчь, а при проѣздѣ черезъ селенія запрятывали въ самую глубь кибитки, но одинъ разъ у меня промелькнула надежда на спасеніе: какъ то, къ намъ въ таборъ пріѣхалъ какой то господинъ, встрѣченный всѣми цыганами съ большимъ почтеніемъ, изъ чего я за-

ключила, что это долженъ быть кто нибудь изъ начальствующихъ лицъ, почему я, улучивъ минуту, подбѣжала къ нему и начала объяснять ему свое положеніе;—онъ съ удивленіемъ только смотрѣлъ на меня; оказалось, что русскаго языка онъ не понимаетъ. Въ эту же минуту къ намъ подскочилъ Илько и, размахивая руками и указывая на лобъ, сталъ что-то говорить ему; господинъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на меня, сунулъ мнѣ въ руку монету и уѣхалъ—я поняла, что Илько представилъ меня сумасшедшею.

Моя попытка окончилась для меня весьма плачевно. Илько жестоко избилъ меня, такъ что я нѣсколько дней пролежала въ кибиткѣ, не оставляемая въ покоѣ Азой, которая всячески издѣвалась надо-мною, угощая пинками и щипками.

Послѣ этого случая я поняла, что у меня нѣтъ никакой надежды на спасеніе и, возложивъ всѣ свои упованія на Бога, я безропотно покорилась своей участи рабы, такъ какъ иначе я не могу назвать свое положеніе въ таборѣ, особенно въ первые мѣсяцы моего тамъ пребыванія.

Положеніе мое улучшилось послѣ смерти Илько, который былъ убитъ австрійской таможенной стражею. Послѣ его смерти хозяиномъ сталъ Янко, который, какъ я уже упоминула, относился ко мнѣ несравненно лучше старика отца, стала лучше обращаться со мной и Аза, которая сильно побаивалась мужа.

Такъ прошло $1^1/_2$ года, я уже совершенно при-

выкла къ новой жизни, привыкла къ грубой, патріархальной жизни среди лѣсовъ и степей безъ всякаго стѣсненія передъ кѣмъ бы то ни было. Все дѣлалось просто, чувство стыдливости совершенно не было извѣстно этимъ дикимъ сынамъ природы. А съ волками жить—по волчьи выть, и я, глядя на своихъ дикихъ хозяевъ, сдѣлалась постепенно дикаркою, ничто уже не напоминало во мнѣ дочери русскаго генерала и воспитанницы аристократическаго заведенія; также какъ и всѣ была я всегда растрепана и грязна, мои лохмотья также не отличались ничѣмъ отъ лохмотьевъ моихъ хозяевъ, развѣ только были нѣсколько болѣе истрепанными, такъ какъ я донашивала уже ихъ лохмотья, съ такимъ же аппетитомъ уплетала я копченую и вяленую конину и баранину, наконецъ также какъ и онѣ—любила я лечь на спину и глядя въ безконечную даль южнаго неба, помечтать... Только въ нашихъ мечтахъ была несомнѣнная разница; онѣ мечтали можетъ быть о далекихъ берегахъ Средиземнаго моря, о Нилѣ, откуда, какъ говорятъ, впервые появились цыгане, а я въ моихъ мечтахъ улетала на нашу Волынь, видѣла себя около моихъ родныхъ, около тебя... Что-то тамъ дѣлается? Приходило мнѣ на мысль, что можетъ быть, кого-нибудь изъ близкихъ уже и нѣтъ на свѣтѣ... Конечно, никому изъ васъ не могло прійти и въ голову, что Нюся жива и разводитъ костры то тамъ, то сямъ, на Балканскомъ полуостровѣ...

Когда началась рѣзня въ Босніи, нашъ таборъ

подвинулся на сѣверъ, къ Карпатамъ. Здѣсь мы похоронили Азу, которая болѣла вообще очень часто, а тутъ она еще сильно простудилась и несмотря на шептанія нашихъ старухъ и всевозможныя лѣкарства, въ видѣ травы, кореньевъ и т. п., умерла.

Похоронивъ Азу, Янку нужно было опять жениться; отъ Азы осталось четверо дѣтей, старуха мать тоже была недолговѣчна, да и слишкомъ былъ онъ еще молодъ, чтобы оставаться вдовцомъ.

Начались постоянные разговоры сына съ матерью: она ему называла массу именъ, но Янко ни на одномъ не останавливался. Я въ эти разговоры конечно не вмѣшивалась, до меня они не касались, я не принадлежала къ семьѣ, а была лишь простая служанка—рабыня, хотя отъ характера будущей жены Янко много зависѣла и моя участь.

Наконецъ я стала замѣчать, что мирные разговоры Янко съ матерью стали принимать бурный оттѣнокъ, а съ этимъ вмѣстѣ старуха стала подозрительно на меня взглядывать, придираться ко мнѣ, но я не придавала этому никакого значенія, думая, что она просто срываетъ на мнѣ свое неудовольствіе сыномъ. Я не замѣчала, что грозовыя тучи собираются надъ моей головой, увидала ихъ лишь тогда, когда онѣ разразились.

Это случилось какъ то послѣ обѣда. Я сидѣла подъ телѣгою и что-то шила; изъ подъ шатра раздавались гнѣвныя слова старухи; она, повидимому, упрекала сына въ чемъ-то, словъ я не могла разо-

брать, Янко же молчалъ, точно давая матери высказаться и дѣйствительно она черезъ нѣсколько времени смолкла и тогда раздался голосъ Янко. Мнѣ послышалось мое имя. Неужели же я составляю предметъ ссоры матери съ сыномъ, подумала я, мнѣ никакъ не могло прійти въ голову, что рѣшается моя судьба, что Янко, вопреки настояніямъ матери, рѣшилъ взять меня въ жены.

Въ этотъ же день мнѣ было объ этомъ объявлено.

Если бы разверзлась земля и поглотила весь нашъ таборъ, то я вѣроятно, удивилась бы меньше, чѣмъ сообщенному мнѣ рѣшенію Янко. Какъ громомъ пораженная стояла я передъ старухою; когда та объявила мнѣ объ этомъ, я точно застыла отъ ужаса.

Мнѣ предстояло покориться, о какомъ бы то ни было сопротивленіи не могло быть и рѣчи, мнѣ дѣлали честь тѣмъ, что принимали въ свою семью.

Свадьба должна была состояться черезъ извѣстный промежутокъ времени, послѣ совершенія нѣкоторыхъ обрядовъ на могилѣ Азы; кромѣ того, раньше чѣмъ объявить меня невѣстою, меня долженъ былъ усыновить кто-нибудь изъ цыганъ. Впрочемъ, сдѣлано это было весьма просто: собрался весь таборъ, усыновлявшій меня громко объявилъ объ этомъ, я же стала передъ нимъ на колѣни, меня накрыла чѣмъ-то старшая изъ женщинъ, что то прошептала и обрядъ усыновленія былъ оконченъ и я перешла въ шатеръ своего названнаго отца.

Отношенія табора ко мнѣ сразу перемѣнились: я

была уже ихъ равноправнымъ членомъ ихъ общины, хотя все таки находилась подъ надзоромъ, и одну меня далеко не отпускали; всегдашней спутницею была или невѣстка моего пріемнаго отца, или же сама его жена, т.-е. моя пріемная мать. Но тогда я и не помышляла о побѣгѣ, я слишкомъ была потрясена, мысли не держались въ головѣ, я болѣе походила на истукана чѣмъ на живого человѣка.

Наконецъ, былъ назначенъ день свадьбы и я занялась приготовленіемъ костюма для брачныхъ торжествъ.

Наступилъ и самый день празднествъ; съ ранняго утра начались приготовленія, все дѣлалось по особому ритуалу, съ особыми заклятіями, пѣлись особыя пѣсни.

Наѣхало очень много цыганъ и цыганокъ, для всѣхъ готовилось угощеніе. Меня начали одѣвать въ ту минуту, когда тѣнь, падавшая отъ шатра, въ которомъ я находилась, стала равна моему росту. Одѣвало меня семь замужнихъ цыганокъ; каждый предметъ одежды надѣвался съ особымъ заклинаніемъ. Когда одѣваніе совершилось, я, окруженная тѣми же семью женщинами, вышла изъ шатра. Первое что я должна была сдѣлать—это обнести всѣхъ мужчинъ виномъ, а затѣмъ уже должны были приступить къ обѣду, а послѣ къ танцамъ и другимъ увеселеніямъ.

Когда я вышла изъ шатра... впрочемъ ты самъ знаешь хорошо, что тогда случилось и мнѣ разсказывать нечего».

ОТОМСТИЛА.

Отомстила.

I.

— Нѣтъ ужъ, ваше благородіе, дѣло ваше не прійдется.

Вы вотъ, офицеръ, благородные, а мы что-съ?— самые сѣрые мужики. Хоша Аграфена и гимназію кончила, а все-жъ она барину не пара; коли-бъ она одна на свѣтѣ была, ну тогда такъ, а вѣдь у нея сродственники есть, и отецъ съ матерью, тетка вонъ за простымъ мужикомъ замужемъ; нѣшто мужу-то, барину, пріятно будетъ, коли къ нему дядюшка, али тетушка, въ зипунѣ да въ лаптяхъ, въ гости заявится,—а по шеямъ гнать-то быдто и зазорно—женина родня.

Нѣтъ, вы это дѣло оставьте, да и намъ такой муженекъ не подъ масть; дочь она у меня одна, а дѣло, сами знаете, большое,—значить зятя надыть брать по мыслямъ, съ толкомъ, чтобы дѣло прахомъ не пошло, чтобы мнѣ помощникъ былъ. А ваше

дѣло извѣстное—денежки профуфырите, а потомъ: «жена, молъ, ступай на всѣ четыре стороны, намъ ты безъ надобности».

— Я не понимаю, Максимъ Петровичъ, почему, почему вы считаете меня подлецомъ; неужели вы думаете, что я прошу руки Аграфены Максимовны изъ за ея состоянія?

Даю вамъ слово, что искренно люблю ее и постараюсь сдѣлать ее счастливою, а также оправдать ваше довѣріе. Да, наконецъ, вѣдь ваша дочь также меня любитъ.

— Ну дѣвичья любовь, что вода; въ началѣ точно, можетъ поплачетъ, а одумается, въ разумъ прійдетъ, такъ еще и рада будетъ, что изъ своего званія не выйдетъ и степеннаго мужа имѣть-то будетъ.

— Но позвольте мнѣ надѣяться, что это не послѣднее ваше слово; вы, вѣдь, не говорили еще съ Аграфеной Максимовной?

— Съ дочерью мнѣ разговаривать нечего. Изъ отцовской воли у насъ, у мужиковъ, дѣвки не выходятъ,—за кого захочу за того и отдамъ!—проговорилъ довольно рѣзко Максимъ Петровичъ, поднимаясь съ кресла и давая тѣмъ понять, что продолжать разговоръ не желаетъ.

Собесѣдникъ его также всталъ и, молча простившись, направился къ выходу.

Описанный разговоръ происходилъ въ гостиной дома богатаго купца Максима Петровича Чуркина,

между самимъ хозяиномъ и поручикомъ Николаемъ Николаевичемъ Тамаринымъ.

Не смотря на богатство Чуркиныхъ, строй ихъ внутренней жизни былъ на старинный ладъ и напоминалъ ихъ жизнь въ Петровскомъ, т.-е. жизнь богатаго крестьянства: ихъ взгляды, привычки были тѣ-же, только обращено было вниманіе на внѣшность. Ради этой внѣшности Максимъ Петровичъ постарался устроить свой домъ на широкую ногу, для этого же и Аграфена была отдана въ гимназію. Окончивши гимназію, Аграфена стала бывать на танцовальныхъ вечерахъ, устраивавшихся въ мѣстномъ клубѣ, нѣсколько разъ Чуркины устраивали вечера и у себя, открывая въ этихъ случаяхъ свои парадныя комнаты, обыкновенно стоявшія на запорѣ. Вечера эти посѣщались и офицерами расположенныхъ въ Покровскѣ полковъ; результатами этихъ посѣщеній было то, что молоденькая Груня увлеклась Тамаринымъ и полюбила его со всѣмъ пыломъ молодой, первой любви. Свиданія молодыхъ людей происходили у одной изъ гимназическихъ подругъ Груни, къ которой ее отпускали безпрепятственно, и гдѣ она выходила изъ подъ строгой опеки отца и матери.

Къ сожалѣнію, сильная любовь была только съ одной стороны—Тамаринъ же самъ нисколько не былъ увлеченъ Груней, его привлекали лишь капиталы Максима Петровича;—замѣтивъ же свой успѣхъ у Груни, онъ только не замедлилъ воспользоваться неопытностью молодой дѣвушки.

Не смотря на неожиданность для него, когда Максимъ Петровичъ услышалъ предложеніе Тамарина, онъ сразу понялъ молодого человѣка и увидалъ, что ему нужна не Груня, а деньги и хотя если бы это было и не такъ, если бы Тамаринъ и дѣйствительно любилъ Груню, другого отвѣта Максимъ Петровичъ не далъ бы.—ему дѣйствительно женихъ вродѣ поручика Тамарина былъ не къ масти.

Проводивши гостя, Чуркинъ грузно опустился въ кресло и задумался, но какъ онъ ни ломалъ голову, онъ не могъ придумать, гдѣ и когда могли сговориться между собой молодые люди, а что сговорились—это не подлежало сомнѣнію, иначе не могъ бы Тамаринъ заявить о любви къ нему Груни. А онъ то, старый дуракъ, разсчитывалъ въ будущемъ году повѣнчать дочь съ Иваномъ, своимъ старшимъ приказчикомъ, и строилъ планы, какъ они съ зятемъ еще расширятъ дѣло,—а теперь прійдется маленько пообождать, сразу не сломаешь—дѣвка своенравная, ну да и мы не лыкомъ сшиты, скручу ее по своему, шабашъ теперь по танцовалкамъ хвостъ то трепать, да шашни заводить; я тебя такъ осажу, что живо хвостъ подберешь—проговорилъ вслухъ, поднимаясь съ кресла Максимъ Петровичъ, и при этомъ погрозилъ пальцемъ.

Пока происходили всѣ эти разговоры, Груня сидѣла въ своей комнатѣ и страшно волновалась: она знала о посѣщеніи Николая, знала, что отецъ не будетъ согласенъ на бракъ съ человѣкомъ изъ дру-

гой среды, но все же надѣялась поставить на своемъ, разсчитывала на свое упорство, которое, имѣя такого помощника, какъ любовь, должно сломить упорство отца и она добьется согласія его на бракъ съ любимымъ человѣкомъ. Вѣдь кто нибудь долженъ же уступить, а что она не уступитъ, въ этомъ Груня была увѣрена. О, она ни за что не уступитъ и чтобы съ нею ни дѣлали, она ни за кого, кромѣ Николая, замужъ не выйдетъ. Она готова вынести всякія муки, но не уступитъ и докажетъ, какъ можетъ быть сильна женщина, когда она опирается на любовь. Такими думами была занята головка Груни, когда ее позвали къ отцу.

Максимъ Петровичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, повернувшись лицомъ къ двери; тутъ же сидѣла и мать Груни, безропотная и страшно боявшаяся мужа Глафира Семеновна, утиравшая платкомъ глаза и со страхомъ поглядывавшая на насупившагося мужа; въ воздухѣ висѣла гроза, и весь домъ притихъ, ожидая, чтобы она разразилась.

— Ты это что-жъ, Аграфена, шуры муры съ господами офицерами заводишь? Безъ отца, безъ матери себѣ женишка припасла? Ну что-жъ молчишь, отвѣчай, коли отецъ спрашиваетъ.

— Да, я дала слово Николаю Николаевичу,— собравшись съ духомъ, твердо отвѣтила Груня.

— Ужъ не больно ли поспѣшить изволили, Аграфена Максимовна. Аль ужъ времена нонче настали, что отецъ да мать своимъ дѣтямъ чужіе? Эвто у г.

Тамарина можетъ и такъ, а у насъ, слава Господу, еще не тѣ времена. Разбаловалась ты, Грунька, надо узду надѣть—и надѣну, не бойся. А ты думаешь, твоему офицеру ты больно нужна, анъ и ошиблась—не ты нужна, а денежки отцовскія нужны. Ну да не на таковскаго напалъ, шалишь братъ. Ты думаешь легко было отцу твоему изъ мужичьей избы въ барскія хоромы перебираться, думаешь, мало поту пролилъ отецъ то твой, чтобы капиталы то нажить; нѣтъ не для того я горбъ билъ, да мозоли натиралъ, чтобы все нажитое прахомъ пошло, чтобы первому встрѣчному на забаву отдать. Чего глазами то хлопаешь, думаешь старый отецъ не правду говоритъ. Видали мы на своемъ вѣку не такихъ мальцовъ, всякому желательно безъ труда богатство то получить, за нимъ и гонится женишокъ то твой прекрасный, а не за тобой; ты ему, что мнѣ старая подошва отъ бабьяго башмака,—не говорилъ, а почти кричалъ Максимъ Петровичъ.

— Неправда, Николай Николаевичъ любитъ меня!—тихо, но твердымъ голосомъ, проговорила, блѣдная какъ стѣна, Груня.

— Молчи, дѣвка!—крикнулъ, выходя совершенно изъ себя Максимъ Петровичъ—аль захотѣла плети попробовать, что отцу грубишь. Знай, что никогда я не отдамъ тебя за пустозвона такого, а отдамъ за того, кого самъ выберу.

— Я ни за кого, кромѣ Николая, не пойду,—проговорила твердо Груня, блеснувъ глазами.

— А, такъ ты еще спорить,—подскочилъ къ ней

съ поднятымъ кулакомъ отецъ, но между отцомъ и дочерью встала Глафира Семеновна.—Не бей, голубчикъ, родимый, не бей,—опускаясь на колѣни передъ мужемъ, шептала она.

Максимъ Петровичъ опустилъ руку и вернулся къ своему креслу, а Глафира Семеновна такъ и осталась сидѣть на полу, у ногъ Груни, стоявшей неподвижно посреди комнаты.—Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ, она готова была принять ударъ отъ отца, но уступить ему—никогда. Никакіе побои не заставятъ ее отказаться отъ любимаго человѣка.

Нѣсколько секундъ продолжалось гробовое молчаніе, наконецъ Максимъ Петровичъ поднялъ голову и суровымъ голосомъ проговорилъ:—Глафира, запри ее въ маленькую комнатку, что около прихожей, уйдетъ—съ тебя взыщу, шкуру спущу—заруби это себѣ на носу. Дура старая, не могла дочь уберечь, а теперь вонъ отсюда. Да когда запрешь, сама приходи сюда.

Груню помѣстили въ маленькую комнатку, гдѣ помѣщался обыкновенно мальчикъ, прислуживавшій Максиму Петровичу; въ ней было всего нѣсколько квадратныхъ аршинъ, такъ, что стоявшая въ ней, деревянная кровать съ соломеннымъ матрацомъ и сундукъ, занимали ее почти всю. Небольшое оконце выходило на полутемную черную лѣстницу, такъ что комната вполнѣ соотвѣтствовала назначенію, сдѣланному Максимомъ Петровичемъ —это былъ настоящій карцеръ.

Очутившись подъ арестомъ и нѣсколько собравшись съ мыслями, Груня принялась обсуждать положеніе въ которомъ очутилась.

Какъ поступитъ отецъ, что онъ съ нею сдѣлаетъ?—а что онъ что нибудь сдѣлаетъ—въ этомъ сомнѣваться было нельзя, Груня слишкомъ хорошо знала своего отца. Но что,—вотъ былъ вопросъ. Въ этомъ чуланѣ, конечно, онъ ее держать не будетъ; пожалуй захочетъ сплавить ее изъ Покровска, но куда? не въ монастырь-же—вѣдь она единственная дочь. Но даже и въ монастырь она пойдетъ и это не сломитъ ее. Но нѣтъ, въ монастырь отецъ ее не отправитъ, но какъ онъ поступитъ—вотъ вопросъ, который не могла рѣшить Груня; а что отецъ намѣренъ употребить крутыя мѣры, въ этомъ Груня не сомнѣвалась, это было написано на лицѣ отца, когда она выходила изъ кабинета. Одну секунду въ головѣ дѣвушки мелькнула мысль—бѣжать, но она была сейчасъ же оставлена. Въ Грунѣ, не смотря на гимназію и на внѣшній лоскъ, сидѣло еще много старинныхъ взглядовъ, она все же была дочерью купца въ полномъ смыслѣ этого слова; въ ней живы были взгляды и привычки ея среды, она ни за что не пойдетъ противъ отца и матери, никогда не выйдетъ изъ ихъ воли, кромѣ одного, конечно, —здѣсь она не можетъ уступить. Эта первая любовь захватила ее всю и заставила ее отступить отъ того, что она всосала съ молокомъ матери, отъ того, чѣмъ держатся купеческія семьи, да еще въ такомъ вопросѣ какъ замужество, вопросѣ, который

обыкновенно рѣшался безъ участія заинтересованныхъ больше всего въ немъ лицъ, т.-е. безъ жениха и невѣсты.

И Груня готова во всемъ подчиниться отцу, но только не въ дѣлѣ замужества; она слишкомъ полюбила, чтобы пойти за другого. Да ее и не тянуло уже въ то общество, которое могло бы дать ей мужа по вкусу отца, она уже извѣдала другую жизнь, которая привлекала ее больше чѣмъ жизнь ея семьи и ей подобныхъ, гдѣ она видѣла только животную жизнь, жизнь поглощенную мелкими, днѣвными интересами, видѣла только одно стремленіе къ наживѣ. И вдругъ она тоже должна будетъ погрузиться въ эту жизнь, а иначе и не можетъ быть, если она станетъ женою приказчика, или какъ называли у нихъ—молодца Ивана. О планахъ отца Груня догадывалась, такъ какъ послѣднее время Максимъ Петровичъ началъ приближать Ивана къ своей семьѣ: у нихъ въ домѣ онъ жилъ и съ ними же обѣдалъ и ужиналъ. Но нѣтъ, этого никогда не будетъ, ни за кого кромѣ Николая она никогда не выйдетъ, а пока надо не падать духомъ, стараться быть веселою, чтобы не подавать отцу ни какой надежды сломить дочь. Съ этими мыслями Груня улеглась на свое твердое ложе, чтобы помечтать о—любимомъ человѣкѣ, который тоже, какъ и Груня, теперь страдаетъ отъ неизвѣстности.

А въ это время въ кабинетѣ происходило совѣщаніе между родителями Груни, т.-е. говорилъ одинъ Максимъ Петровичъ, а Глафира Семеновна

только слушала, да по времепамъ всхлипывала. Всѣ разговоры Максима Петровича сводились къ одному—это что Груню надо взять въ ежовыя рукавицы, въ бараній рогъ согнуть, выбить изъ ея головы дурь и т. п. Теперь же Максимъ Петровичъ объявилъ женѣ о своемъ намѣреніи выдать дочь за Ивана,—вотъ это настоящій мужъ будетъ, у него жена шалить не будетъ.

— Да можетъ Грунюшкѣ Иванъ то не по нутру, она у насъ всетаки не деревенщина какая, а чтожъ Иванъ,—какъ есть мужикъ, заикаясь проговорила Глафира Семеновна, сама удивляясь своей храбрости, и не смѣя взглянуть на мужа.

— Никакъ ты бѣлены объѣлась, аль съ доченькой заговоръ противъ меня устроили, такъ смотри чтобы худо не было, не погляжу, что старая да сѣдая, а старинку вспомню, да за косы оттаскаю, что любо-дорого будетъ. Аль ужъ я одурѣлъ совсѣмъ? Аль ужъ свѣтъ совсѣмъ перевернулся, кто же хозяинъ я здѣсь? Нѣтъ ужъ, голубчики, погодите, возьмусь я за васъ. Ахъ ты старая дура такъ и ты противъ мужа пошла, такъ вотъ же тебѣ... и съ этими словами Максимъ Петровичъ со всего размаху ударилъ по щекѣ Глафиру Семеновну и не успѣла она опомниться какъ вылетѣла изъ кабинета, напутствуемая ругательствами мужа.

Въ такомъ напряженномъ состояніи прошло нѣсколько дней; Груня сидѣла подъ арестомъ, Максимъ Петровичъ ходилъ задумчивый, ко всему придирался, побилъ даже своего любимца Ивана. Весь

домъ притихъ, и всѣ старались лишь не попадаться на глаза самому. Особенно же печальный видъ имѣла Глафира Семеновна; она отвыкла уже отъ кулачныхъ расправъ мужа и происшествіе въ кабинетѣ было слишкомъ неожиданно и обидно но дѣлать было нечего, надо было перенести безропотно, иначе могло быть и хуже. Наконецъ, какъ то вечеромъ, Максимъ Петровичъ позвалъ въ кабинетъ жену и объявилъ ей о своемъ рѣшеніи.

— Въ Покровскѣ Аграфену оставлять нечего, добра не будетъ—чего добраго изъ подъ носу къ своему шалыгану уйдетъ, только сраму наберешься. Да обломать дѣвку немножко слѣдуетъ, а то ужъ больно зажирѣла на хорошихъ хлѣбахъ, да по гостямъ шляючись; пускай-ка другой жизни отвѣдаетъ;пускай-ка узнаетъ какъ отецъ то съ матерью жили, можетъ спѣси то и посбавитъ—говорилъ Максимъ Петровичъ, тяжело шагая по кабинету.

— Куда-жъ ты это Грунюшку, Максимъ, думаешь отослать?—проговорила Глафира Семеновна, не понимая куда клонитъ свой разговоръ Максимъ Петровичъ!

— А къ сестрѣ, къ Палагеѣ, аль забыла. Палагея, небось, повадки не дастъ, да и Захаръ мужикъ хорошій, хозяйственный; уму—разуму будетъ кому Аграфену научить. Съ годокъ то въ избѣ, съ телятами да поросятами, поживетъ такъ небось сама намъ съ тобой въ ноги поклонится, да прощенья просить будетъ.

— Смотри, Максимъ Петровичъ, не натворить бы бѣды намъ; Груня вѣдь не привыкши къ крестьянскому житью.

— Небось не сахарная, мы съ тобой кто такіе—что разбогатѣли да гильдію платимъ, а все мужики были—мужиками и останемся, а коли мы мужики такъ и Аграфена не графиня какая; что въ гимназіи была—такъ это плевое дѣло, черезъ мѣсяцъ отъ эвтой гимназіи ни рожна не останется. Мать ходила въ лаптяхъ да въ поневѣ, всѣ крестьянскія работы справляла—не развалилась и Грунька пускай въ лапоткахъ походитъ, да на палатяхъ поспитъ, тогда можетъ и узнаетъ легко ли было отцу капиталы собирать да доченьку въ гимназіяхъ обучать.

— Охъ, Максимъ, какъ бы чего...

— Ну затараторила,—что сказалъ то и будетъ. Аль забыла, что давеча было. Ты вотъ собери насъ въ дорогу, завтра пораньше надо выѣхать; вели тарантасикъ да Гнѣдка приготовить, да для Аграфены достань у кого изъ дѣвокъ одежу. И чтобъ никто не зналъ куда мы ѣдемъ, слышишь!

Было еще темно, когда на другое утро Глафира Семеновна вошла къ дочери, ничего еще не знавшей о рѣшеніи отца. Разбудивши Груню Глафира Семеновна, со слезами на глазахъ, объявила ей о предстоящей ссылкѣ ее въ деревню и принялась ее уговаривать уступить отцу и согласиться выйти за Ивана.

— Мама, голубка, не проси—не могу я этого,

вѣдь я всегда исполняла все, что требовалъ отецъ, но это выше моихъ силъ,—говорила Груня, припавъ на плечо матери.

И Глафира Семеновна чувствовала, что это дѣйствительно выше силъ дочери и что въ этомъ не удастся отцу сломить ее.

— А изъ деревни, Груня, не убѣжишь?

Груня нѣсколько замедлила отвѣтомъ. Тогда Глафира Семеновна быстро опустилась передь дочерью на колѣни и взволнованнымъ голосомъ проговорила: Груня, смотри—мать на колѣняхъ тебя проситъ—покорись отцу хоть въ этомъ, обѣщай мнѣ, что не уйдешь къ тому, къ офицеру, что не осрамишь насъ на старости лѣтъ. Груня вся въ слезахъ бросилась къ матери и, обхвативъ ее руками, прошептала:—это я обѣщаю тебѣ мама, а о томъ не проси, родная, того не могу я...

Скоро поднялся весь домъ и не прошло часу какъ отецъ съ дочерью выѣхали со двора. Максимъ Петровичъ былъ мраченъ и сухо простился съ женой, Груня старалась казаться спокойною, только легкое подергиваніе вѣкъ показывало ея волненіе, но она выдержала, молча обняла мать и послѣдовала за отцомъ, первымъ сѣвшимъ въ тарантасъ.

II.

Деревня Петровская, въ которой родился Максимъ Петровичъ и гдѣ жила его родная сестра Пе-

лагея, бывшая замужемъ за своимъ же односельцемъ Захаромъ Чубуровымъ, была верстахъ въ 60 отъ Покровска. Чуркины пріѣхали довольно поздно, въ избахъ свѣтились уже огоньки, а на улицѣ уже почти никого не было.

Семью Захара наши путешественники застали за ужиномъ. Пелагея была страшно удивлена неожиданнымъ появленіемъ брата, да еще съ дочерью, одѣтою по крестьянски—въ сарафанѣ и лаптяхъ, но, зная хорошо характеръ брата, Пелагея сразу почувствовала, что у брата не все ладно, и потому ничѣмъ не показала своего удивленія, а поздоровавшись съ братомъ и племянницею, захлопотала о добавленіи ужина.

— Ты, Палаша, не суетись, свои люди—сочтемся, что есть въ печи—то на столъ и мечи—проговорилъ Максимъ Петровичъ, окончивши цѣлованье со всей семьей,—а мы вотъ съ Аграфеной надумали погостить у васъ, я то не долго—завтра и ко двору, а Аграфена погоститъ подольше, надоѣло то ей въ городѣ, все къ вамъ просилась,—ну вотъ и пріѣхали. Ну а вы тутъ какъ живете-можете, проговорилъ Максимъ Петровичъ, садясь за столъ и берясь за ложку.

Поднялись разговоры о хозяйствѣ, о знакомыхъ, и тянулись довольно долго, но цѣли своего пріѣзда Максимъ Петровичъ не касался, онъ ожидалъ когда останется одинъ съ сестрой и съ зятемъ; тѣ тоже не затрогивали этого вопроса, ожидая чтобы заговорилъ самъ Чуркинъ.

Наконецъ вся молодежь ушла въ другую избу, пошла съ ними и Груня и, раздѣвшись, улеглась на полатяхъ вмѣстѣ съ дочерью Пелагеи—Парашею. Заснули всѣ очень скоро, не спала одна Груня; поворачиваясь съ бока на бокъ подъ своимъ полушубкомъ, она, не смотря на усталость, никакъ не могла улечься какъ слѣдуетъ на своемъ непривычномъ ложѣ—все ей мѣшало, было и твердо, и душно. Только передъ разсвѣтомъ забылась она и, несмотря на то, что тѣло ея горѣло отъ укусовъ, крѣпко заснула, такъ что не слыхала даже какъ перелѣзла черезъ нее Параша, чтобы слѣзть съ полатей, какъ затопила та печь и прибрала избу.

А въ первой избѣ еще долго бесѣдовали старики.

Максимъ Петровичъ самымъ подробнымъ образомъ разсказалъ сестрѣ и зятю, что произошло у него съ дочерью и чего онъ ожидаетъ отъ нихъ.

— Помогите, родимые, мнѣ дѣвку уму-разуму научить, пусть она у васъ съ полгодика, а то и цѣлый годокъ поживетъ, поучится у васъ какъ люди живутъ, да какъ хлѣбъ зарабатываютъ—говорилъ Максимъ Петровичъ.

Пелагея и Захаръ вполнѣ согласились съ планами Максима Петровича и изъявили полную готовность взяться за перевоспитаніе Груни, брались привести ее, по выраженію Максима Петровича, въ христіанскую вѣру.

— Только тяжеленько будетъ дѣвкѣ къ нашему то, къ крестьянскому, житью привыкать. Хоша ты вонъ ее къ намъ и въ лапоткахъ привезъ, а дома

то она небось все въ шелкахъ да въ бархатахъ ходила, а у насъ то, вѣдь, прійдется ей и босякомъ побѣгать, и въ навозѣ копаться. Барышня, вѣдь, она у тебя.

— То то и горе, сестра, что барышню мы изъ нея сдѣлали... вотъ это то и надо изъ нее выбить, потому то и привезъ ее къ вамъ. Пусть поживетъ по крестьянски, пусть поработаетъ. Только прошу тебя сестра, и тебя Захаръ, не давайте ей потачки,— какъ Параша, какъ невѣстка, такъ что-бы и Аграфена у васъ была, что-бы никакой отлички не было. Авось толкъ будетъ, авось дурь то изъ головы выскочитъ. Постарайтесь ужъ для меня, вѣкъ не забуду, проговорилъ вставая и кланяясь сестрѣ и зятю Максимъ Петровичъ.

— Да объ этомъ что и говорить, что въ нашей волѣ—все и сдѣлаемъ, а что тяжеленько дѣвкѣ будетъ—это точно, ну да Господь поможетъ—обломаемъ, живутъ люди—привыкнетъ и она, отвѣтилъ Захаръ.

Давъ самыя точныя инструкціи—какъ держать Груню и денегъ на платье, Максимъ Петровичъ улегся на лавкѣ, и покрывшись своимъ полушубкомъ, заснулъ богатырскимъ сномъ, точно его бока никогда не знали перинъ и пуховыхъ подушекъ.

Спать Грунѣ пришлось не долго, вскорѣ послѣ того, какъ Параша затопила печку и прибрала избу, поднялись и всѣ остальные члены семьи и принялись за работу.

Старшая невѣстка, Аксинья, пошла въ большую избу помогать свекрови стряпать, Пелагея тоже уже встала и, зайдя въ избу, велѣла Парашѣ будить Груню, которой назначила идти съ младшей невѣсткою Акулиной доить коровъ.

Груня, насилу проснувшись, долго не могла справиться со своими лаптями, которые никакъ не хотѣли держаться на ея ногахъ; она, видя ожидавшую ее Акулину, которая не могла сдержать улыбки при видѣ стараній дѣвушки, спѣшила, и этимъ только портила еще дѣло; наконецъ, сладивши кое-какъ съ обуваніемъ, Груня спустилась съ полатей, умылась въ сѣняхъ изъ ведра ледяной водой, которая ее освѣжила, затѣмъ натянувши на себя полушубокъ, съ подойникомъ въ рукахъ, отправилась съ Акулиной на непривычную для нея работу.

Дѣло съ доеніемъ оказалось еще хуже чѣмъ съ лаптями. Груня съ недоумѣніемъ и со страхомъ остановилась около коровы, не зная, какъ приступить къ ней; Акулина же прямо таки покатывалась со смѣху, глядя на растерянную и красную, какъ макъ, Груню.

Здѣсь провозиться пришлось очень долго; вся мокрая отъ усилій и волненія сидѣла Груня на корточкахъ и никакъ не могла добиться что-бы выдоить хотя каплю молока; она только безпокоила корову, которая не стояла на мѣстѣ, что еще больше портило дѣло, тогда какъ Акулина справлялась, повидимому, безъ всякихъ усилій съ ея стороны и

молоко шло ровными, почти непрерывными струйками.

Наконецъ доеніе кое-какъ окончилось;—разливши молоко по кувшинамъ и отнеся его на погребъ, Акулина, и страшно уставшая Груня, отправились въ большую избу, гдѣ была уже въ сборѣ вся семья для завтрака. Максимъ Петровичъ простился и уѣхалъ, а Груня осталась среди чуждыхъ ей родныхъ, но съ твердой рѣшимостью показать, что даже такая крутая мѣра, какъ ссылка ее въ деревню, не можетъ сломить ее, что лучше она надорвется на работѣ, но не уступитъ. Лучше смерть—чѣмъ жизнь съ постылымъ человѣкомъ.

Семья Чубаровыхъ состояла, кромѣ Захара и Пелагеи, изъ двухъ женатыхъ сыновей, старшаго—Ивана, женатаго уже нѣсколько лѣтъ на Аксиньѣ и имѣвшаго двухъ дѣтей, младшаго Петра, также женатаго съ осени на Акулинѣ, и Параши, родственницы Груни. Семья была дружная, работящая и потому богатая. Имѣя много скотины, и арендуя землю, Захаръ все справлялъ самъ и не имѣлъ батраковъ—ни одна минута не пропадала даромъ, у каждаго была своя работа. Не только бабы, у которыхъ дѣла по дому было всегда по горло, но и сыновья никогда не сидѣли сложа руки.

Такая семья, конечно, могла принести громадную пользу Грунѣ, пріучивъ ее къ работѣ, которая исполнялась незамѣтно, такъ какъ работали всѣ и не тяготились ею.

Тетка первое время не очень насѣдала на Груню,

зная что ей трудно сразу войти въ колею крестьянской жизни, но все же, если Груню и не заставляли въ началѣ исполнять тяжелыя работы, то всетаки сложа руки она не сидѣла и тетка всегда находила ей работу въ избѣ; вначалѣ Грунѣ пришлось шить самой себѣ платье, такъ какъ она первое время носила Парашино, научилась прясть и ткать холстъ, а мѣсяца черезъ два—къ Рождеству, Груня уже работала наравнѣ съ другими бабами, правда не такъ скоро, но все же не вызывала смѣха. Понемногу привыкла она и къ образу жизни, будить ее не приходилось, а когда была ея очередь прибирать избу и затопить печь— она никогда не опаздывала и когда вставали остальные члены семьи, то печь была затоплена, изба прибрана, вода принесена. Конечно, не легко было Грунѣ привыкать къ новой жизни, но она справилась съ этимъ довольно быстро, ей помогло желаніе скорѣй стать равноправнымъ членомъ семьи, скорѣй избавиться отъ насмѣшекъ, которыя она невольно вызывала своимъ неумѣніемъ работать, наконецъ, въ работѣ скорѣй проходило время, да и глядя какъ горитъ работа въ рукахъ всѣхъ, у Груни невольно являлось желаніе не ударить въ грязь лицомъ и не отстать отъ другихъ бабъ—и она вполнѣ достигла этого.

Привыкла она и къ своимъ полатямъ, также скоро какъ и Параша, засыпала она послѣ трудоваго дня, не замѣчая чтобы было очень жестко, не замѣчая запаха овчинъ, которыми укрывались всѣ, спавшіе въ избѣ, не замѣчала укусовъ насѣкомыхъ; не мѣ-

шала ей и ворочавшаяся подъ бокомъ Параша, съ которой онѣ въ холодныя ночи спали подъ однимъ тулупомъ. Однимъ словомъ Груня совершенно вошла въ свою новую роль и ничѣмъ не напоминала прежней Груни, дочери богатаго купца. Навѣщавшій ее разъ въ мѣсяцъ, Иванъ, доносилъ Максиму Петровичу, что Груня весела и довольна, а при немъ Груня особенно старалась быть веселой, и что повидимому забываетъ своего жениха, но когда разъ Иванъ заговорилъ о возможности примиренія на условіи полнаго подчиненія, въ извѣстномъ дѣлѣ, отцу, то получилъ отъ Груни рѣзкій отвѣтъ съ совѣтомъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла и помнить, что она все же дочь Максима Петровича, а онъ только молодецъ изъ лавки. Отвѣтъ этотъ, переданный отцу, показалъ, что дѣла Максима Петровича обстоятъ не въ особенно блестящемъ положеніи, хотя онъ нисколько не смутился, и смѣясь замѣтилъ:—«ничего, пусть себѣ попрыгаетъ, упрыгается Богъ дастъ; ей это пока еще вновѣ, что твоя забава, а прійдетъ весна да страда—такъ глупости то съ потомъ выйдутъ. Пускай-ка еще—посидитъ. Сестра небось вышколитъ, шелковая будетъ».

Какъ мы видимъ Максимъ Петровичъ очень мало зналъ свою дочь, которая обладала не меньшимъ характеромъ чѣмъ самъ отецъ, но до сего времени не имѣла случая проявить его, чѣмъ, можетъ быть, и ввела въ заблужденіе Максима Петровича.

Привыкнувъ къ своему новому положенію и на-

учившись прясть, Груня вмѣстѣ съ Парашей начала ходить на посидѣлки, гдѣ собирались дѣвушки, каждая съ работой, по преимуществу съ прялками,—приходили парни и вмѣстѣ проводили нѣсколько часовъ въ пѣсняхъ, пересудахъ и пляскахъ.

Уже со второй посидѣлки у Груни оказался поклонникъ, это былъ Тимоѳей Кузовъ, или, какъ его звали, Тимошка запѣвало, такъ какъ всѣ хороводы, всѣ посидѣлки не обходились безъ его участія и онъ дѣйствительно былъ запѣвалой во всѣхъ сборищахъ крестьянской молодежи. Красивый и веселый Тимошка рѣдкую изъ дѣвушекъ оставлялъ въ покоѣ, онѣ липли къ нему, какъ мухи на медъ, но время проходило, а ни одна изъ нихъ не заронила серьезнаго чувства въ душу Тимоѳея и онъ оставался холостымъ, предпочитая быть героемъ посидѣлокъ.

Съ появленіемъ въ деревнѣ Груни, Тимоха перенесъ свое вниманіе на нее, и не встрѣчая у нея такого же отношенія къ себѣ, какъ это было всегда до сихъ поръ, онъ съ особымъ усердіемъ пріударилъ за хорошенькой Груней, которая своею неприступностью, а главное находчивостью и острымъ языкомъ, задѣла за живое самолюбиваго и незнавшаго до сихъ поръ неудачъ, въ амурныхъ дѣлахъ, Тимошку.

Стоило Грунѣ выйти за ворота какъ около нея появлялся Тимоѳей—она подсмѣивалась надъ нимъ, но не отталкивала; преслѣдованія Тимоѳея ее развлекали.

Тимоѳей же, чувствуя, что Груня не похожа на остальныхъ дѣвушекъ, велъ себя по отношенію къ ней совершенно иначе; въ немъ, повидимому, впервые зародилось хорошее чувство и онъ смотрѣлъ на него серьезно и боялся какимъ нибудь неосторожнымъ поступкомъ испортить установившіяся у него хорошія отношенія съ дѣвушкой.

Только одинъ разъ не выдержалъ Тимоха и вышелъ изъ рамокъ, но и тутъ сумѣлъ во время сдержать себя и дѣло окончилось для него болѣе чѣмъ благополучно, такъ какъ онъ вызвалъ Груню на объясненіе.

Провожая какъ то Груню съ посидѣлокъ, и воспользовавшись, что около нихъ не было въ эту минуту Параши, Тимоѳей хотѣлъ обнять дѣвушку, но та съ силой оттолкнула его прочь.

— Ты, что это, аль съума спятилъ?

— Прости, Аграфена Максимовна, не вытерпѣлъ, полюбилъ я тебя!—тихимъ, непривычнымъ для него голосомъ, проговорилъ Тимоѳей, снимая шапку и кланяясь Грунѣ.

Тихій, взволнованный голосъ и растерянный видъ запѣвалы обезоружили Груню и она уже спокойно замѣтила:

— То-то, языкомъ то болтай, а рукамъ воли не давай, я тебѣ невѣста что-ли, что облапилъ?

— Что-жъ Аграфена Максимовна, слово скажи—сватовъ пришлю.

— Спасибо на добромъ словѣ,—серіозно отвѣтила Груня; она чувствовала, что Тимоѳей не шу-

тить, что онъ дѣйствительно полюбилъ ее, и ей стало жаль парня, стало жаль, что она должна отвѣтить ему отказомъ—только вѣдь есть у меня уже женихъ, забудь меня Тимоѳей; смотри, сколько дѣвушекъ, есть, авось найдешь по сердцу.

— Слыхалъ я про жениха то про твоего, да, вѣдь, сама знаешь—съ глазъ долой, изъ сердца вонъ; коли забудетъ онъ тебя, другую полюбить, тогда полюбишь-ли меня?

— Не мели вздору;—сказала разъ, что другого люблю—уже сердито проговорила Груня и взялась за щеколду, собираясь переступить калитку.

— Не серчай Максимовна, не хотѣлъ тебя обидѣть, видитъ Богъ не хотѣлъ, а такъ къ примѣру сказалъ,—всѣ вѣдь подъ Богомъ ходимъ... Груня скажи, коли тотъ то разлюбитъ тогда...

— А тогда бери и что хочешь со мной дѣлай,— сказала Груня, входя въ калитку.

— Такъ помни Груня, что сейчасъ сказала,— крикнулъ ей въ слѣдъ Тимоѳей.

— Ладно, не забуду. А забуду—такъ небось самъ напомнишь,—услыхалъ Тимоѳей голосъ Груни уже со двора; черезъ секунду стукнула дверь въ избѣ и все стихло. Тимоѳей постоялъ еще нѣсколько мгновеній, затѣмъ надѣлъ шапку и тихо побрелъ домой.

Въ эту ночь долго ворочалась на полатяхъ Груня, обдумывая свой разговоръ съ Тимоѳеемъ, но въ этихъ думахъ Тимоѳей занималъ мало мѣста, она думала о Николаѣ, мечтала о томъ, когда соеди-

нится съ нимъ, ни на одну секунду не пришло ей въ голову, чтобы слова Тимоѳея могли исполниться—она любила Николая всѣмъ сердцемъ и была увѣрена, что и Николай ее любитъ и будетъ ожидать терпѣливо согласія родителей. А о послѣднихъ словахъ, сказанныхъ Тимоѳею, она и не вспомнила, такъ какъ не придавала имъ ровно никакого значенія. А между тѣмъ слова Тимоѳея были справедливы.

Когда Тамаринъ получилъ отказъ въ рукѣ Грунѣ, онъ сейчасъ же началъ строить другіе планы, отбросивъ совершенно мысль о Грунѣ Чуркиной; ему она совершенно была не нужна, нужны были только ея деньги. Сорвался одинъ золотой мѣшокъ—надо попробовать выудить другой. Но рѣзко показать свое равнодушіе къ личности Груни онъ не хотѣлъ,—это не входило въ его планы; онъ розыгрывалъ пока роль убитаго горемъ человѣка, вызывать тѣмъ къ себѣ сочувствіе въ мѣстномъ дамскомъ обществѣ, среди котораго Тамаринъ выглядывалъ себѣ новую жертву, нисколько не сожалѣя о своей первой жертвѣ, которая за вѣрность къ нему томилась въ душной крестьянской обстановкѣ.

III.

Наступило лѣто, а съ нимъ и работы въ полѣ и на огородѣ, Груня уставала страшно, но чув-

ствовала себя гораздо бодрѣй чѣмъ зимой. Во 1-хъ, постоянное пребываніе на воздухѣ, такъ какъ и спать приходилось на дворѣ, а во 2-хъ, Грунѣ казалось, что скоро должна окончиться ея ссылка, что наконецъ отецъ уступитъ. Прошло ужъ болѣе 8 мѣсяцевъ какъ ее водворили въ семью тетки, не рѣшится же отецъ оставить ее навсегда здѣсь; кто нибудь же долженъ уступить наконецъ, но вѣдь она же не уступитъ.

Да наконецъ, что-то предвидится, она поняла изъ намековъ Ивана, который пріѣзжалъ аккуратно каждый мѣсяцъ; а что-же могло случиться другого, какъ не то, что отецъ уступитъ и согласится на ея бракъ съ Николаемъ.

Былъ вечеръ, Груня, съ валькомъ въ рукахъ, стирала на рѣчкѣ бѣлье, какъ вдругъ къ ней прибѣжала запыхавшаяся Параша съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Максимъ Петровичъ и зоветъ ее.

Трудно описать то чувство, съ которымъ входила въ избу Груня; здѣсь была и радость и страхъ чего то; она сама не могла дать себѣ ясно отчета, что съ нею происходитъ; казалось сердце хочетъ разорваться на части, такъ сильно оно билось.

Войдя въ избу, Груня поклонилась въ поясъ отцу и остановилась около двери. Отецъ сидѣлъ на лавкѣ около стола и улыбался. Груня впилась въ него глазами, стараясь разгадать эту улыбку— что означала она? Была-ли это улыбка побѣдителя, или же улыбка отца, согласившагося уступить дочери.

— Здравствуй, Аграфена, вижу здорова: видно житье у тетки въ прокъ пошло, чтожъ теперь, пожалуй, можно и домой, какъ думаешь?—Мать-то по тебѣ очень соскучилась—говорилъ Максимъ Петровичъ, глядя пристально на стоявшую передъ нимъ дочь.

— А что доченька, вѣдь старикъ то отецъ правду говорилъ.—не спуская глазъ съ Груни и отчеканивая каждое слово, продолжалъ Максимъ Петровичъ;—твой то офицерикъ оказался не промахъ: одна богатая невѣста сорвалась—къ другой пристроился. А ты то вообразила, что сама ему нужна.

— Это неправда, вы лжете!—почти крикнула Груня, хватаясь за притолку рукой, чтобы не упасть, причемъ мертвенная блѣдность покрыла лицо дѣвушки.

— А, вонъ что ты молвила, лгу я,—нѣтъ Аграфена Максимовна, не лжетъ отецъ твой, вонъ и билетецъ на свадьбу привезъ, и Максимъ Петровичъ досталъ изъ бумажника розовый пригласительный билетъ и со словами: «на, читай» швырнулъ его въ лицо, почти лишившейся чувствъ, дочери.

— Чего-жъ не читаешь, читай!—со злобой проговорилъ Максимъ Петровичъ—и, схвативши Груню за волосы, съ силой нагнулъ ее къ лежавшему на полу билету.

Груня, застонавши отъ боли, машинально взяла въ руки билетъ и взглянула на него, но сейчасъ же со стономъ выпустила его изъ рукъ; на немъ она прочитала имена Николая и одной изъ своихъ подругъ, дочери богатаго покровскаго купца.

— Что?—теперь повѣрила?—дрянь этакая, непокорная,—кричалъ разсвирѣпѣвшій Максимъ Петровичъ. Коли-бъ не мать, такъ тутъ бы тебя за послѣдняго пропойцу отдалъ. Пошла съ глазъ моихъ долой, а завтра чѣмъ свѣтъ поѣдемъ. Доставлю я Глафирѣ Семеновнѣ дочку ея ненаглядную, пусть полюбуется на свое дѣтище. Думали на радость вспоили, вскормили, а она вонъ что—отца роднаго вруномъ величаетъ.

Долго не могъ успокоиться Максимъ Петровичъ, продолжая всячески ругать дочь, не замѣчая, что той уже давно нѣтъ въ избѣ.

А бѣдная Груня, какъ шальная, вышла изъ избы и, ничего не соображая, направилась къ выходу изъ деревни. Одна мысль чернѣй другой налетала на несчастную дѣвушку; она машинально шла, не оглядываясь, и сама не зная куда, и не слышала даже оклика Тимоѳея, который, узнавъ о пріѣздѣ Максима Петровича, и видя въ какомъ состояніи вышла со двора Груня, рѣшился не оставлять ее одну и пошелъ за нею.

Груня направилась прямо въ лѣсъ—безъ дороги; не обращая вниманія на кусты и сучья, пробиралась она въ самую лѣсную чащу, не замѣчая того, что ноги ея были всѣ въ крови, рубаха и сарафанъ разорваны. Она никакъ не могла собраться съ мыслями, только твердила одно: «онъ меня позабылъ,... не меня—другую любитъ»...

Какъ же она то теперь будетъ. Этотъ годъ она жила лишь мыслями о немъ, въ него она вѣрила,

ему молилась. А теперь, какъ жить, зачѣмъ жить? Безъ него?—да развѣ безъ него возможна жизнь. Подчиниться отцу и выйти за другого?—нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть — лучше смерть. Смерть—это конецъ всему. О нѣтъ, не всему конецъ, для нея да, но не для тѣхъ, кто останется жить, кто такъ жестоко разбилъ ея жизнь; для нихъ вѣдь не все кончится съ ея смертью; о, тогда только начнутся ихъ страданія, они останутся не одни—около нихъ будетъ ихъ совѣсть, укоры ея не дадутъ покоя и если только душа продолжаетъ жить и послѣ смерти тѣла—то она не дастъ уснуть этой совѣсти, она всегда будетъ будить эту совѣсть. О, это будетъ месть, и самая ужасная месть отцу и Николаю, когда они увидятъ трупъ убитой ими Груни. При этихъ мысляхъ Груня остановилась, нѣсколько времени постояла въ раздумьи и, повернувшись и не замѣтя слѣдившаго за нею Тимоѳея, пошла въ другую сторону лѣса, оставляя на сучьяхъ деревьевъ клочки своего сарафана и пряди изъ распустившейся косы. Груня сообразила въ какомъ мѣстѣ лѣса она находится и въ какомъ направленіи протекаетъ рѣчка, и направилась къ тому мѣсту ея, которое называлось крестьянами «омутомъ», гдѣ она дѣлала крутое колѣно и была очень глубока.

Тимоѳей, когда Груня перемѣнила направленіе, сразу понялъ намѣреніе Груни и старался не отставать отъ нея, тоже, какъ и Груня, не замѣчая, что уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ разорвалъ рубаху и потерялъ шапку.

Мѣстность къ рѣкѣ нѣсколько поднималась и затѣмъ высокій берегъ круто обрывался къ рѣкѣ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ становился рѣже и Груня почти бѣжала. Ее точно что-то подгоняло, желаніе мести охватило все ея существо, одно ее огорчало— это, что она не будетъ видѣть мученій отца и Николая.

Взбѣжавъ на обрывъ, Груня на секунду остановилась, точно желая собраться съ силами, затѣмъ взмахнула руками, но въ этотъ моментъ двѣ руки легли на ея плечи и съ силой оттолкнули отъ берега; дѣвушка не удержалась и упала навзничь къ ногамъ Тимоѳея.

— Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ помѣшалъ мнѣ?— повторяла безъ конца Груня.

— Груня, Грунюшка, Господь съ тобой, что ты задумала, грѣхъ вѣдь это.

— Не любитъ онъ меня, забылъ, промѣнялъ на другую,—шептала безсвязно Груня;—видно было, что она не пришла еще въ себя.

— Не любилъ онъ тебя никогда, коли полюбилъ-бы такъ, какъ я люблю, такъ не позабылъ бы. А помнишь Груня, что тогда у калитки мнѣ сказала— шепталъ Грунѣ на ухо Тимоѳей, но Груня не отвѣчала ему, она или не понимала или не слыхала вопросовъ Тимоѳея.

— Помнишь, говорила: коли тотъ-то забудетъ, тогда бери, что хочешь со мной дѣлай.

— А, что ты сказалъ?—нѣсколько опомнившись, —проговорила Груня.

— У калитки, тогда ночью, помнишь, что сказывала—коли забудетъ, такъ что хочешь со мною дѣлай.

— Коли забудетъ,—ну что-жъ коли нужна— бери, если хочешь,—совершенно равнодушно отвѣтила Груня Тимоѳею. Ей было теперь рѣшительно все равно. Она потеряла самое дорогое въ жизни и ничѣмъ уже болѣе не дорожила. Въ эту минуту почувствовала себя въ объятіяхъ Тимоѳея, у Груни мелькнула новая мысль—Тимоѳей можетъ послужить ей орудіемъ мести и подъ вліяніемъ этой мысли она безпрекословно приняла его ласки.

Дома, Груни хватились не такъ скоро; только когда она не пришла къ ужину, начали безпокоиться о ней и пошли розыскивать, но ночь была темная и рѣшили поиски отложить до свѣта, тѣмъ болѣе, что свѣта приходилось ожидать не долго, да и никому не приходило серіозно въ голову, чтобы могло что нибудь съ нею случиться.

Уже солнце золотило верхушки деревьевъ, когда Груня разсталась съ Тимоѳеемъ.

Семья Пелагеи была вся въ сборѣ, отсутствіе Груни начинало уже сильно всѣхъ безпокоить, для всѣхъ было ясно, что что-то случилось.

Максимъ Петровичъ сидѣлъ мрачный, ни на кого не глядя, бабы всхлипывали, а Параша плакала во весь голосъ. Каждый высказывалъ свои предположенія о томъ, гдѣ можетъ быть Груня, но всѣ боялись коснуться одного вопроса—это жива ли еще Груня, хотя этотъ вопросъ у всѣхъ сидѣлъ въ го-

ловѣ, но никто не рѣшался первый поднять его.

Вдругъ дверь отворилась и въ избу вошла Груня; всѣ такъ и ахнули при видѣ ея; блѣдная, съ блуждающими глазами, платье все въ клочьяхъ и замаранное, растрепавшіеся волосы безпорядочными прядями покрывали лицо, которое было исцарапано, ноги въ крови и всѣ въ ссадинахъ.

Наступила секунда всеобщаго молчанія, слышно было біеніе сердца у кого то изъ присутствующихъ; въ воздухѣ инстинктивно чувствовалась близость драмы, глаза всѣхъ со страхомъ были устремлены на отца и дочь, глядѣвшихъ также другъ на друга, но взглядъ Груни предвѣщалъ мало хорошаго; въ немъ Максимъ Петровичъ прочелъ свой приговоръ и увидалъ, что побѣда не на его сторонѣ.

Максимъ Петровичъ точно остолбенѣлъ увидя дочь въ такомъ истерзаномъ видѣ, но наконецъ, овладѣвъ собой, онъ приподнялся и, сжимая кулаки, проговорилъ:—ты гдѣ это шаталась?

— У любовника была!—съ задоромъ отвѣтила Груня, не сводя глазъ съ отца, точно любуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Что, что ты сказала?—весь вздрогнувъ и перемѣнившись въ лицѣ прохрипѣлъ Максимъ Петровичъ, и съ поднятыми руками бросился на дочь, но у Груни это была послѣдняя вспышка; послѣ сильнаго нервнаго напряженія, въ какомъ находилась она послѣдніе 8—10 часовъ, наступила реакція, а съ нею вмѣстѣ и полный упадокъ силъ; поднявъ къ головѣ руки, точно желая защититься

отъ удара, Груня вскрикнула и безъ чувствъ повалилась къ ногамъ отца.

Около Груни засуетились всѣ, даже отецъ забылъ свой гнѣвъ, но привести ее въ чувство не удалось. Къ вечеру пріѣхала Глафира Семеновна и докторъ, но и онъ не могъ ничего сдѣлать.

День и ночь сидѣли около Груни отецъ и мать и вслушивались въ ея бредъ, но это были лишь отдѣльныя слова, иногда впрочемъ вырывались фразы, но безъ всякаго смысла—она точно звала кого-то, кого-то ласкала.

На третій день, передъ вечеромъ, Груня открыла глаза, обвела ими избу и остановила взглядъ на матери, но видно было, что она не узнаетъ ее; но вотъ лицо ея нѣсколько оживилось, въ глазахъ промелькнула улыбка и губы, едва едва слышно, прошептали «мама»—Глафира Семеновна подбѣжала къ дочери, но она была уже мертва и въ углахъ ея рта показались двѣ капельки крови, точно намекъ на то, что въ ея смерти виноваты два лица.

Груня поставила на своемъ—она отомстила.

НАТАШИНЪ КРЕСТЪ.

НАТАШИНЪ КРЕСТЪ.

I.

Въ комнатѣ, у открытаго окна, сидѣла молодая дѣвушка;—ея задумчивый взглядъ, устремленный вдаль, и лежавшія, вытянутыми на колѣняхъ, руки, показывали, что сильное горе постигло это молодое существо.

Дѣйствительно, — только день тому назадъ похороненъ былъ отецъ Наташи—князь Николай Петровичъ Соколинскій и она осталась одна на свѣтѣ, впрочемъ не совсѣмъ одна, на ея рукахъ осталась еще сестра, одиннадцатилѣтняя Маруся, бывшая въ институтѣ и спавшая теперь въ той-же комнатѣ, въ которой мы застали княжну Наташу.

Князь Николай Петровичъ былъ долгое время въ своемъ уѣздѣ предводителемъ дворянства. Не умѣя справляться съ собственными дѣлами, онъ страшно запуталъ свое состояніе, и умирая оставилъ своихъ двухъ дочерей, воспитанныхъ въ роскоши, совершенно безъ всякихъ средствъ и безусловно не подготовленными къ трудовой жизни, не подготовленными къ той борьбѣ за существо-

ваніе, которая ожидаетъ каждаго человѣка съ того момента, когда онъ выходитъ изъ младенческаго возраста.

22-хъ лѣтняя Наташа знала, что ее ожидаетъ впереди, и не это смущало ее; ее не страшили ни бѣдность, ни работа;—если она съ ужасомъ и всматривалась въ будущее, если и старалась разгадать это будущее, то это изъ-за маленькой Маруси, которая не сознавала еще всей тяжести постигшаго ихъ несчастья и у которой не осталось никого кромѣ сестры, не было ни одного человѣка, на котораго онѣ могли бы разсчитывать, который оказалъ бы имъ свою поддержку.

Какъ въ калейдоскопѣ проходятъ передъ глазами Наташи послѣдніе дни ея отца—эта масса лицъ безчувственныхъ, холодныхъ, пріѣхавшихъ изъ приличія проститься со своимъ предводителемъ,—вѣжливыя фразы участія, заранѣе заученныя, отдавали такимъ холодомъ, что хотѣлось уйти отъ этихъ людей, умѣвшихъ преклоняться и льстить, но не умѣющихъ чувствовать, не умѣющихъ любить.

А когда же, какъ не въ такую минуту познается истинный другъ;—когда же, какъ не въ такую минуту показать человѣку, что онъ не одинъ, что около него есть люди, его ближніе, готовые поддержать его, готовые принять на себя часть его бремени. Но нѣтъ, каждый самъ для себя; каждый старается выбраться на верхъ и не видитъ, что давитъ того, кто остался подъ нимъ,—силь-

ный не замѣчаетъ слабаго, онъ поглощаетъ его, пользуется имъ,—слабый для сильнаго живетъ.

Кому были нужны эти двѣ молодыя дѣвушки?— Отецъ ихъ, который въ свое время приносилъ пользу, жертвуя своимъ состояніемъ помогалъ всѣмъ кто только обращался къ нему, умеръ, и умеръ нищимъ, наканунѣ того дня, когда кредиторы готовились выселить его изъ родного гнѣзда; теперь эти дѣвушки требовали сами помощи и всѣ отъ нихъ сейчасъ же отвернулись, каждый боялся, чтобы ему не пришлось оказывать эту помощь—лучше во время отойти въ сторону.

Понемного начинало свѣтать, наступали признаки ранняго, майскаго утра, а Наташа и не думала о снѣ, всю ночь просидѣла она въ одной позѣ у открытаго окна; но вотъ по листвѣ деревьевъ пробѣжалъ легкій порывъ вѣтерка, повѣяло прохладою; подняли свою возню воробьи, заворковалъ около окна голубь, а востокъ все бѣлѣлъ... Вдругъ взглядъ княжны упалъ на ярко освѣщенный лучами, еще не показавшагося изъ-за горизонта, солнца, крестъ сельской церкви и одновременно съ этимъ по воздуху разлились густые, бархатные звуки перваго удара въ колоколъ, призывавшаго къ утренѣ. Наташа вздрогнула и очнулась.

Несмотря на проведенную безъ сна ночь—сна не было, и Наташа, одѣвшись, отправилась въ церковь.

Въ церкви еще почти никого не было когда пришла Наташа; она стала около весьма чтимой мѣстными жителями иконы Спасителя.

Ни разу еще не молилась такъ Наташа какъ въ этотъ разъ;—упавъ на колѣни передъ образомъ Бого-человѣка, она молила Его сохранить сестру и послать силы ей самой перенести всю тяжесть потери отца и дать ей возможность служить опорою маленькой Марусѣ.

Медленно шла божественная служба, торжественно раздавались съ амвона великіе слова Великаго учителя, а Наташа, въ какомъ-то точно экстазѣ, устремила глаза на ликъ Спасителя—точно старалась, въ обращенныхъ къ ней, кроткихъ глазахъ Его прочесть свою участь, разгадать—что послано въ удѣлъ ей и Марусѣ. Но, что это? она перестаетъ понимать гдѣ она, не видитъ никого изъ окружающихъ, точно облако спустилось передъ нею и закрыло все въ ея глазахъ;—но вотъ стало проясняться и Наташа совершенно явственно видитъ какое-то помѣщеніе, повидимому больницу: стоятъ рядами койки, на нѣкоторыхъ изъ нихъ лежатъ люди, а нѣсколько женщинъ въ сѣрыхъ халатахъ стоятъ въ глубинѣ комнаты и глаза ихъ обращены на одну изъ коекъ, на которой сидитъ, облокотившись на подушки, блѣдная, изнуренная женщина, около которой сидитъ старый священникъ въ епитрахили и видимо внимательно прислушивается къ словамъ ея. Вся комната освѣщена лучами, прорывающимися въ небольшія окна

съ рѣшетками. Наташѣ стало ясно, что она видитъ передъ собою тюремную больницу. Но Боже, кто же это умирающая арестантка, не ужели же Маруся? «Господи,—шепчетъ Наташа, я готова принять тотъ крестъ, который Ты, Боже, пошлешь мнѣ, но помилуй Марусю, Всемогущій, Всеблагій Господи, да минетъ ее чаша сія»—и Наташа вновь всматривается въ эту изнуренную, видимо умирающую женщину и съ трудомъ узнаетъ въ ней себя, послѣ чего видѣніе исчезаетъ и Наташа видитъ вновь предъ собою ликъ Спасителя и кажется ей, что уста Его тихо произносятъ: «пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и Азъ успокою вы».

Въ изнеможеніи склоняется къ полу голова княжны, а губы ея, едва слышно, шепчутъ: «Господи, да будетъ воля Твоя».

—

Въ концѣ лѣта имѣніе Соколинскихъ было продано и дѣвушкамъ пришлось проститься навсегда со своимъ роднымъ гнѣздомъ; Маруся поѣхала въ институтъ, гдѣ она воспитывалась на казенный счетъ, а Наташа поѣхала въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы поступить на медицинскіе курсы.

Отъ продажи имѣнія осталось около четырехъ тысячъ; двѣ изъ нихъ Наташа положила въ Банкъ на имя Маруси, а на остальныя деньги разсчитывала подготовиться къ экзаменамъ и прожить первое время въ Петербургѣ, а затѣмъ она надѣялась содержать себя уроками, много ей не нужно было, лишь бы хватало на самое необходимое.

Тихо и скромно прожила Наташа въ Петербургѣ до слѣдующей осени, усердно сидѣла за книгами въ своей маленькой комнаткѣ, на одной изъ захалустыхъ окраинъ столицы и, слава Богу, труды ея не пропали—осенью она была принята на курсы, всею душою отдалась наукамъ и черезъ годъ благополучно перешла на другой курсъ.

Жизнь свою Наташа устроила весьма скромно, все въ той же комнаткѣ, въ которой жила она и по пріѣздѣ въ Петербургъ; кровать, комодъ, столъ, этажерка съ книгами и три стула—вотъ и все, что было въ ея комнаткѣ. Рѣдко заходили къ ней подруги, а еще рѣже ходила она куда нибудь, ей было не до развлеченія, она мечтала лишь о томъ, чтобы благополучно окончить курсы и имѣть возможность затѣмъ помочь Марусѣ при ея первыхъ шагахъ, когда та окончитъ институтъ, а затѣмъ... затѣмъ она готова была покориться своей судьбѣ и принять тотъ крестъ, который Господу угодно послать ей въ удѣлъ и который она такъ ясно видѣла тогда, въ церкви,—«да будетъ Его святая воля» мысленно повторяла Наташа, когда передъ нею возставало ея видѣніе.

II.

Не смотря на болѣе чѣмъ скромную жизнь и отсутствіе всякихъ знакомствъ, Наташу ожидало большое несчастье именно съ этой стороны, т.-е. оттуда, откуда она никакъ не могла ожидать его.

Неспокойные были 70-ые года на Руси, все волновалось, всѣ искали чего то; находили все существующее скверным, хотѣлось все сломать; вездѣ чувствовалось броженіе, нерѣдко было встрѣтить въ деревняхъ какихъ-то подозрительныхъ личностей, проповѣдывавшихъ идеи разрушенія во вкусѣ временъ революціи; можно было увидѣть дѣвушекъ изъ богатыхъ семей, одѣтыхъ по крестьянски, босыхъ и простоволосыхъ, читающими передъ деревенскими бабами и дѣвками лекціи по философіи и политической экономіи.

Отрицая все, чему вѣрилъ, чему поклонялся русскій народъ, эти апостолы зла желали, между тѣмъ, руководить этимъ народомъ и въ томъ, что они щеголяли неряшествомъ и сквернословіемъ, они находили первые признаки своего общенія съ народомъ; подражаніемъ скверным сторонамъ народной массы они хотѣли заслужить довѣріе этой массы—въ надеждѣ, что народъ пойдетъ за ними по желанному пути разрушенія всѣхъ устоевъ русской жизни, по пути приведшему ихъ, къ опозорившему это движеніе, 1-му марту, когда отъ рукъ представителей этого движенія погибъ Государь, давшій свободу тому самому народу, защитниками и учителями котораго они хотѣли быть, забывая лишь одно, что этотъ народъ не требуетъ ничьей защиты и учительства. И что же принесло это движеніе странѣ и народу, для пользы которыхъ, какъ кричали вожаки этого движенія, было оно поднято?—ничего, кромѣ вреда.

Сколько молодежи: сильной, энергичной и желавшей, въ этомъ сомнѣваться нельзя, добра—погибло для своего отечества; будучи сослана въ различныя мѣстности Россіи, безъ права что нибудь дѣлать, она погибала тамъ; сбиваясь окончательно съ пути—а между тѣмъ какъ необходима была она на мѣстахъ, гдѣ шло обновленіе всего государственнаго строя, какъ необходимы были люди въ новыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, которыя должны были быть носителями добра, справедливости и правды, которыя должны были явиться исполнителями державной воли Царя Освободителя, и которыя нерѣдко, благодаря отсутствію талантливаго, живого элемента, превращались въ сухихъ, безжизненныхъ департаментскихъ и канцелярскихъ чиновниковъ.

Вмѣсто талантливаго элемента, сбившагося съ пути и подпавшаго подъ вліяніе вожаковъ революціонныхъ идей, долженствовавшаго влить живую струю въ новыя учрежденія, туда попадали—правда труженники, но и только. Они искали буквы закона, забывъ что законъ, созданный человѣкомъ, долженъ имѣть и душу.

А тѣ—другіе, подчасъ несравненно болѣе талантливые, поддавшись чужой волѣ, казавшейся имъ направленною ко благу страны, и не находя преграды своимъ фантазіямъ въ лицѣ тѣхъ, которые должны были позаботиться о воспитаніи русской молодежи, пошли по русскимъ этапамъ и погибали отъ болѣзней и, непривычной имъ, суровой

обстановки, въ какой очутились они благодаря молодости и неопытности.

Ямщикъ лихой, лихая тройка
И колокольчикъ подъ дугой,
И дождь, и грязь; но кони бойко
Телѣгу мчатъ. Въ телѣгѣ той
Сидитъ съ осанкою побѣдной
Жандармъ съ усищами въ аршинъ,
И рядомъ съ нимъ какой-то блѣдный
Лѣтъ въ девятнадцать господинъ.

Всѣ кони взмылены съ натуги,
Весь адъ осенней русской вьюги
На встрѣчу; не видать небесъ,
Нигдѣ жилья не попадаетъ,
Все лѣсъ кругомъ, угрюмый лѣсъ...
Куда-же тройка поспѣшаетъ?
Куда Макаръ телятъ гоняетъ.

(Некрасовъ).

Невольно приходитъ на память это стихотвореніе, написанное поэтомъ въ 1867 году.

А кромѣ нихъ, какъ пострадало и ихъ отечество, въ какомъ положеніи очутилась Россія къ концу 70-хъ годовъ;—громадное, сильное государство—оно не играло никакой роли среди другихъ государствъ, оно безропотно исполняло всякое требованіе своихъ сосѣдей и Богъ знаетъ до чего бы дошло если бы не твердая рука Императора Александра III, который остановилъ сразу это движеніе и сумѣлъ

заставить уважать себя и считаться съ мнѣніемъ Россійскаго Императора.

Вотъ въ какое время попала Наташа на курсы. Только благодаря сильному характеру удалось ей избѣжать участія во всѣхъ сходкахъ и сборищахъ подругъ, гдѣ рѣшались различные государственные вопросы и критиковались дѣйствія правительства, но хотя она и не вошла ни въ одинъ кружокъ, не смотря на просьбы и даже угрозы, но именно съ этой то стороны и ожидало ее несчастье; оно подстерегло ее именно тамъ, гдѣ она меньше всего могла ожидать его.

Одна изъ подругъ ея, казавшаяся скромной и думавшей только о наукѣ дѣвушкой, уѣзжая на нѣкоторое время изъ Петербурга, какъ она говорила домой, просила княжну сохранить ея чемоданъ въ чемъ Наташа, конечно, не встрѣтила препятствій, не предполагая, чтобы этотъ чемоданъ, былъ наполненъ перепискою самаго революціоннаго характера и, что на общемъ совѣтѣ было рѣшено отдать на храненіе княжнѣ, въ 1-хъ потому, что она находится внѣ подозрѣній и въ случаѣ какого-нибудь несчастья полиція къ ней не заглянетъ, а во 2-хъ, если даже эту переписку и нашли-бы у княжны, то она не выдастъ того, кто ей передалъ ее, а что она пострадаетъ это нисколько не смущало представителей кружка;—жертва, подобная княжнѣ Соколинской, не сочувствующая его цѣлямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пострадавшая—это даже оригинально.

Произошло это совершенно неожиданно. Было уже довольно поздно; въ окна барабанилъ петербургскій дождикъ, въ комнатѣ Наташи было довольно свѣжо; она сидѣла за столомъ въ тепломъ платкѣ и углубилась въ какую-то книгу, такъ что не сразу отвѣтила на стукъ въ дверь; когда стукъ повторился Наташа вздрогнула отъ неожиданности такого поздняго посѣщенія и вставши отворила дверь, въ которую вошло нѣсколько человѣкъ въ мундирахъ. Впереди всѣхъ была фигура жандармскаго офицера, а сзади выглядывала испуганная физіономія квартирной хозяйки.

— Вы, вѣроятно, ошиблись?—сказала пораженная Наташа.

— Вы, вѣдь, княжна Наталія Николаевна Соколинская,—отвѣтилъ жандармъ.

— Да, это я, съ удивленіемъ произнесла Наташа, не могшая придумать причинъ появленія въ ея комнатѣ жандармовъ.

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь показать мнѣ ваши вещи.

— Здѣсь все мое,—отвѣтила спокойно Наташа, забывши совершенно про чужой чемоданъ, лежавшій у нея подъ кроватью.

Начался тщательный обыскъ, въ комнатѣ перевернули все верхъ дномъ; въ комодѣ нашли большой пакетъ съ бумагами, которыя жандармъ очень внимательно пересмотрѣлъ, но это были личныя бумаги Наташи и единственное наслѣдіе, оставшее-

ся послѣ ея предковъ—родовые документы князей Соколинскихъ за нѣсколько столѣтій.

Наконецъ, добрались и до чемодана. На требованіе его отпереть—Наташа отвѣтила, что у ней нѣтъ ключа. Когда чемоданъ открыли, по лицу Наташи пробѣжала судорога—она поняла, что погибла:—чемоданъ былъ наполненъ весь письмами, которыя жандармъ быстро началъ перебирать.

— Этотъ чемоданъ принадлежитъ не вамъ,— полуутвердительно произнесъ жандармъ, поднимая голову и пристально всматриваясь въ Наташу.

— Вы не ошиблись, это чемоданъ дѣйствительно не мой.

— Чей же?

— Это ужъ ваше дѣло узнавать чей онъ, сухо отвѣтила княжна; ей, конечно и въ голову не могло прійти выдать того, кто ей отдалъ этотъ злополучный чемоданъ.

— А, хорошо!—У жандарма сдвинулись брови и онъ еще съ большимъ усердіемъ принялся осматривать чемоданъ.

Осмотръ продолжался около часу, слышался только шелестъ бумаги и невольные вздохи подневольныхъ свидѣтелей обыска, а бѣдная Наташа, блѣдная какъ полотно, стояла прислонившись къ стѣнѣ и думала о своей будущей судьбѣ и о судьбѣ своей младшей сестры, которая остается теперь одна, безъ опоры. Наташа нисколько не сомнѣвалась о печальномъ окончаніи для нея этого

неожиданнаго, ночного посѣщенія; передъ нею ясно возстала картина, видѣнная ею въ церкви.

Когда окончился обыскъ, жандармъ объявилъ Наташѣ, что она арестована и должна отправиться съ нимъ. Наташа молча одѣлась и, сопровождаемая двумя жандармами, вышла изъ комнаты.

Не прошло и часа, какъ Наташа услышала за собою стукъ задвигаемаго засова и увидѣла себя въ небольшомъ казематѣ съ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ.

Княжна внимательно оглядѣлась—но это было не то, что она видѣла тогда, значитъ не здѣсь суждено ей покончить свою жизнь.

III.

Процедура допросовъ тянулась довольно долго, Наташу почти ежедневно, подъ конвоемъ, водили къ слѣдователю. Отъ нея требовали, чтобы она выдала своихъ сообщниковъ и объявила кому принадлежатъ найденныя у нея бумаги, но ничего не сказала Наташа, такъ какъ у нея не было никакихъ сообщниковъ и не выдала своей подруги, такъ безсовѣстно воспользовавшейся ея довѣріемъ.

Не добившись ничего отъ Наташи, ее оставили въ покоѣ.

Медленно, тоскливо пошла жизнь Наташи, точно въ могилѣ; ни стука, ни шелеста, только изрѣдка заглянетъ въ окно къ узницѣ свободная птичка, или порывомъ вѣтра откроетъ плохо закрытую фор-

точку, а затѣмъ опять все тихо, ничто не напоминаетъ о внѣшней жизни, о близкомъ присутствіи шумной столицы, и опять одна со своими тяжелыми думами, которыя какъ черныя тучи налетали на бѣдную дѣвушку и закрывали ея умственный горизонтъ. А бѣдная Маруся, что то съ нею?

Много прошло уже времени; Наташѣ казалось, что прошли уже цѣлые годы; прошла осень, наступила зима, наступило у людей Рождество и оно уже прошло, а бѣдная Наташа все продолжала сидѣть въ своемъ заключеніи и не знала о дальнѣйшей своей судьбѣ.

Въ серединѣ февраля Наташѣ было объявлено, что она будетъ выслана на житье въ пермскую губернію, при чемъ ее перевели въ пересыльную тюрьму, гдѣ она и должна была ожидать этапа.

Въ пересыльной тюрьмѣ Наташѣ пришлось съ сожалѣніемъ вспомнить о своемъ безмолвномъ и сыромъ казематѣ, гдѣ она была одна со своими думами; здѣсь же она была помѣщена въ общей камерѣ и очутилась въ грубой, развращенной средѣ, которая отнеслась крайне враждебно къ появленію среди нихъ дѣвушки изъ другой среды.— Всѣми силами старались онѣ показать, что она теперь такая же простая арестантка, какъ и онѣ всѣ, только онѣ всѣ подруги, а она чужая между ними.

Путешествіе съ этапомъ тянулось очень долго, перерываясь въ каждомъ городѣ, гдѣ онъ рас-

падался и нужно было ожидать составленія новой партіи. Прошло три мѣсяца, пока, наконецъ, Наташа, истомленная, какъ физически отъ трехмѣсячнаго путешествія по тюрьмамъ, такъ и нравственно отъ той грубой, невѣжественной и развращенной среды, въ которой ей пришлось провести все это время, была доставлена въ одинъ изъ южныхъ городовъ пермской губерніи, расположенный на Камѣ.

На другой день послѣ прибытія этапа въ О. Наташѣ вручили нѣсколько десятковъ рублей, найденныхъ у нея при обыскѣ и объявили, что она можетъ идти на всѣ четыре стороны, хотя эти четыре стороны всѣ заключалися въ чертѣ маленькаго уѣзднаго городка.

Квартиру Наташа наняла у одной женщины, имѣвшей на окраинѣ города огородъ; состояла вся квартира изъ одной небольшой комнатки, скорѣй чулана, съ маленькимъ оконцемъ и земляннымъ поломъ гдѣ стояла большая, широкая скамья, долженствовавшая служить Наташѣ кроватью, столъ и двѣ табуретки. Цѣна квартиры со столомъ была 7 рублей въ мѣсяцъ, столоваться надо было съ хозяевами. Пища была грубая, но Наташа, привыкла за время хожденія съ этапомъ къ самой невозможной пищѣ, и нашла ее прекрасною.

Цѣна была небольшая, но Наташѣ нужно было подумать откуда достать деньги; получала она содержанія изъ полиціи шесть рублей, рубля не хватало, да еще надо было и одѣться.

Наташѣ пришлось очень тяжело; всѣ старанія ея найти какое-либо мѣсто не приводили ни къ чему, никто не хотѣлъ имѣть общеніе съ политической ссыльною, такъ что въ концѣ концовъ пришлось работать на огородѣ своей хозяйки и этимъ путемъ покрывать свой дефицитъ.

Но съ окончаніемъ работъ въ огородѣ, Наташа опять осталась безъ заработка; здѣсь къ ней на помощь пришла ея квартирная хозяйка, добрая женщина, успѣвшая полюбить кроткую Наташу;— она нашла ей мѣсто ключницы у одного богатаго торговца лѣсомъ. Жалованье было весьма небольшое—всего пять рублей въ мѣсяцъ, но Наташа была имъ довольна; получая 5 руб. на всемъ готовомъ, она почти все цѣликомъ могла откладывать, такъ какъ на платье ей нужно очень мало, да и выбирать было не изъ чего, приходилось довольствоваться тѣмъ, что давали.

Мѣсто было трудное, на Наташѣ лежало все большое хозяйство, такъ какъ хозяйка была больная женщина и ни во что не вмѣшивалась; рабочихъ было много и хлопотъ было очень много; цѣлый день приходилось быть на ногахъ, присматривать за рабочими, за кухаркою, вечеромъ подвести счеты, а утромъ встать одной изъ первыхъ, пойти на базаръ и выдать провизію.

Но Наташа безропотно исполняла свои обязанности и была довольна тѣмъ, что имѣетъ теплый уголъ и не должна думать о завтрашнемъ днѣ; хозяева были добродушные люди, не старались пока-

зать Наташѣ ея зависимое положеніе; они, повидимому, жалѣли эту несчастную молодую дѣвушку, съ громкимъ именемъ, одиноко заброшенную на произволъ судьбы и долженствующую тяжелымъ трудомъ добывать себѣ насущный хлѣбъ.

Тяжелымъ вопросомъ являлся у Наташи вопросъ о томъ, какъ сообщить Марусѣ о постигшемъ ея сестру несчастіи, но скрывать Наташа не сочла возможнымъ, Маруся вступала въ такой возрастъ,—ей было уже 14 лѣтъ, что она могла серіозно отнестись къ этому и понять, что случилось, и Наташа подробно описала сестрѣ все, что произошло съ нею за послѣднее время, скрывъ, конечно, всѣ ужасы, которые ей пришлось переиспытать съ минуты перехода ея изъ крѣпости въ пересыльную тюрьму, до прибытія на мѣсто ссылки. Этихъ подробностей Марусѣ не нужно было знать—онѣ были слишкомъ ужасны.

Время проходило, прошло уже больше года, какъ Наташа была водворена въ О.; она привыкла къ новой жизни, постепенно втянулась въ свою работу, но страшно тосковала безъ Маруси, которая была уже въ послѣднемъ классѣ и тоже скучала, не видя долго своей обожаемой Наташи.

Мысль о томъ, что Маруся скоро окончитъ институтъ и Наташа не можетъ ей оказать никакой поддержки, страшно тяготила нашу изгнанницу; придется ли даже увидать ее, придется ли благословить на предстоящій Марусѣ тяжелый жизненный путь.

Переписка между сестрами шла очень аккуратно. это была единственная отрада Наташи. этимъ она жила и стоило письму почему нибудь опоздать. какъ Наташа была сама не своя и не находила себѣ мѣста.

Вдругъ осенью. на второй годъ пребыванія въ О.. письма отъ Маруси прекратились. прошло около мѣсяца, а Наташа не имѣла отъ сестры никакихъ извѣстій. Бѣдная Наташа ходила точно потерянная—она предчувствовала новое несчастіе: никакія увѣщанія стариковъ —хозяевъ не могли ее успокоить. Наконецъ она не вытерпѣла и послала телеграмму съ запросомъ къ институтскому начальству, которое отвѣтило Наташѣ: «Больна. положеніе опасное». Совсѣмъ обезумѣла бѣдная Наташа и бросилась къ исправнику за разрѣшеніемъ поѣхать въ N, но исправникъ подобнаго разрѣшенія дать не могъ, а посовѣтовалъ обратиться къ губернатору. Послала Наташа телеграмму губернатору, но оттуда пришелъ также отрицательный отвѣтъ, съ совѣтомъ просить Министра. А время, между тѣмъ, проходило—можетъ быть Маруся на смертномъ одрѣ, можетъ быть зоветъ свою единственную сестру, а сестра,—гдѣ то въ пермскихъ лѣсахъ, лишена даже возможности принять послѣдній вздохъ своей родной, единственной сестры, которая у нея одна въ мірѣ, ради которой она живетъ, ради которой она влачитъ свое жалкое существованіе.

Опять, какъ и тогда послѣ похоронъ отца, упала бѣдная Наташа передъ образомъ и со слезами на глазахъ молила Создателя помочь ей и дать мысль, какъ поступить и опять, какъ тогда увидала она ту же картину и въ ту же минуту Наташу осѣнила мысль—уѣхать безъ разрѣшенія, хотя бы ужъ поклониться могилѣ той, которая одна привязывала Наташу къ землѣ, а тамъ—Господи, да будетъ воля Твоя.

Въ этотъ же вечерь изъ О. отходилъ пароходъ и Наташа, простившись съ хозяевами, уѣхала.

IV.

Только на шестой день пріѣхала Наташа въ N. и прямо съ вокзала отправилась въ институтъ. Со страхомъ входила Наташа въ дверь института—что скрывалось за нею, жива ли еще Маруся, или же Наташа застанетъ одинъ холодный трупъ своей сестры, а можетъ быть даже одну лишь безмолвную могилу?

На вопросъ Наташи о сестрѣ, швейцаръ объявилъ ей, что княжна Марія Соколинская, умершая три дня тому назадъ отъ тифа, сегодня утромъ погребена на В..... кладбищѣ.

Шатаясь, вышла Наташа изъ института и направилась на кладбище; для нея все было кончено, ничто и никто не притягивали ее больше къ жизни, осталось только безропотно ожидать исполненія видѣнія.

Наступила ночь, замеръ городъ, только раздавались рѣдкіе, короткіе свистки ночныхъ сторожей. Вдругъ около В...... кладбища раздались, одинъ за другимъ, три протяжныхъ свистка и черезъ нѣсколько минутъ около воротъ кладбища остановился ночной обходъ, которому кладбищенскій сторожъ передалъ женщину, не желавшую добровольно уйти съ кладбища. Обходъ задержался здѣсь нѣсколько минутъ и затѣмъ отправился дальше, уводя съ собой и женщину.

Много передумала княжна за ночь, ворочаясь на нарахъ въ арестантской полицейскаго участка. Что оставалось ей дѣлать?—она задержана безъ всякаго вида, безъ сомнѣнія ее вернутъ опять въ О. и будутъ судить за побѣгъ; сошлютъ, вѣроятно, куда нибудь еще дальше; теперь ей, конечно, безразлично, гдѣ бы ни окончить жизнь, но ей бы хотѣлось жить не далеко отъ могилы Маруси. Какъ это сдѣлать—вотъ вопросъ.

Только передъ утромъ забылась княжна, и грезятся ей койки съ кроватями, какія-то женщины въ сѣрыхъ халатахъ, повязанныя бѣлыми платками,—видитъ она совершенно явственно кроткій взглядъ Спасителя, обращенный къ ней и шепчетъ Наташа во снѣ: Господи, да будетъ воля Твоя.

Утромъ Наташа, потребованная къ допросу, отказалась объяснить причину нахожденія на кладбищѣ, а также отказалась назвать себя, почему въ тотъ же день и была препровождена въ тюрьму.

Опять попала Наташа въ знакомую обстановку, но на этотъ разъ она ее уже не поразила, она привыкла за это время къ простому народу и, не отличаясь теперь своимъ внѣшнимъ видомъ отъ простой городской женщины, была принята обитателями камеры совершенно спокойно. Сначала приставали съ разспросами, кто она? за что посажена? но не добившись отъ нея ничего, ее оставили въ покоѣ; когда же узнали, что она отказалась назвать себя, то ее окружили особымъ почетомъ, какимъ обыкновенно пользуются въ тюрьмахъ серьезные преступники, въ томъ числѣ и бродяги, не помнящіе родства, въ разрядъ коихъ попала и княжна Наталія Соколинская.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока, наконецъ, состоялся судъ, который приговорилъ Наталью Николаевну, не помнящую родства и арестованную за бродяжество, къ четыремъ годамъ тюремнаго заключенія, а по мининованіи этихъ четырехъ лѣтъ къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Наташа совершенно равнодушно выслушала приговоръ суда—она знала какой конецъ ожидаетъ ее и молила Создателя, чтобы этотъ конецъ скорѣй наступилъ, и она бы могла бы хотя за гробомъ, соединиться съ такъ рано угасшею сестрой. Наташа была довольна уже и тѣмъ, что будетъ не далеко отъ могилы Маруси.

Потянулись безконечные, одинъ на другой похожіе, дни заключенія. Наташа была рада тому, что ей не приходилось сидѣть безъ всякаго дѣла

Исповѣдь продолжалась очень долго и больные съ удивленіемъ смотрѣли на старика-священника, по лицу котораго, невольно текли слезы.

Наконецъ, священникъ всталъ благословилъ сіяющую отъ внутренняго счастья Наташу, далъ ей св. Причастіе и сказалъ, что постарается исполнить ея послѣднюю волю, медленно вышелъ изъ палаты, забывъ отъ волненія даже отереть, дрожавшія на рѣсницахъ, слезы.

Послѣдняя воля Наташи заключалась въ томъ, чтобы ее похоронили рядомъ съ сестрой.

Къ вечеру у Наташи хлынула горломъ кровь и она тихо скончалась, окруженная своими товарками по заключенію, полюбившими кроткую и услужливую Наташу, старавшуюся всегда, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, утѣшить своихъ подневольныхъ подругъ и облегчить ихъ пребываніе въ тюрьмѣ.

Старичекъ-священникъ исполнилъ свое обѣщаніе и выхлопоталъ разрѣшеніе похоронить Наташу рядомъ съ могилой княжны Маріи Соколинской и на третій день, послѣ ея кончины, на В..... кладбищѣ появился новый деревянный крестъ съ надписью: «Раба Божія Наталія. Господи! пріими чистую душу ея и въ селеніяхъ праведныхъ упокой ее».

Каждый годъ у этой могилы служилъ старичекъ-священникъ панихиду и усердно молился объ упокоеніи души княжны-страдалицы.

АЙМЫСЪ.

одномъ онъ не нашелъ себѣ пріюта, что, конечно, можетъ показаться страннымъ въ такой гостепріимной странѣ, какъ Кабарда, но въ этомъ былъ виноватъ самъ всадникъ, онъ, казалось, искалъ самаго гостепріимнаго человѣка въ Кабардѣ, для чего вездѣ заявлялъ, что онъ съѣдаетъ за разъ цѣлаго быка, а конь его,—стогъ сѣна, вотъ причина, почему ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не рѣшался предложить свой кровъ юному витязю.

Солнце уже склонялось къ западу, и отъ горъ повѣяло освѣжающей прохладою, когда всадникъ увидалъ вдали аулъ; опять мелькнула надежда найти, наконецъ, пристанище и имѣть возможность расправить нывшіе отъ усталости члены,—всадникъ нѣсколько пріободрился и, подобравъ поводья, заставилъ своего коня прибавить шагу и черезъ $^1/_2$ часа въѣхалъ уже въ аулъ.

— Чей аулъ?—спросилъ юноша у попавшагося на встрѣчу кабардинца.

— Кара Куденета.

Сообщеніе это сильно обрадовало нашего путника.—Куденеты извѣстны были въ Кабардѣ своимъ гостепріимствомъ и богатствомъ. Попавшій подъ кровъ Куденета могъ считать себя въ полной безопасности, такъ какъ родъ этотъ пользовался особымъ преимуществомъ: лицо, получившее отъ Куденета обѣщаніе въ безопасности, находилось подъ покровительствомъ всего кабардинскаго народа; никто, начиная отъ князей, не смѣлъ нарушить этого обѣщанія.

Подъѣхавши къ крѣпости, занимаемой Куденетомъ, всадникъ стукнулъ рукояткою меча въ ворота; черезъ нѣсколько минутъ ворота отворились и вышелъ самъ Кара-Куденетъ. Можно было залюбоваться видомъ этого достойнаго представителя доблестнаго рода Куденетовъ, такъ много послужившихъ своему народу, давшаго Куденетамъ громадныя преимущества.

Еще молодой человѣкъ, высокій, статный, съ энергичнымъ, красивымъ лицомъ, Кара-Куденетъ, повидимому, произвелъ сильное впечатлѣніе на юнаго всадника, который при видѣ его покраснѣлъ и слабымъ голосомъ попросилъ его гостепріимства, не забывъ, впрочемъ, добавить объ аппетитѣ, которымъ обладалъ самъ и его конь. Надежда юноши на Куденета вполнѣ оправдалась: аппетитъ гостя и его коня нисколько не смутили гостепріимнаго Куденета, онъ прехладнокровно отвѣтилъ:

— Будь моимъ гостемъ пока не истощатся мои запасы, а затѣмъ найдется въ Кабардѣ кому пріютить и покормить путника.

Довольно долго прожилъ подъ кровомъ Кара-Куденета Аймысъ, такъ звали юношу, причемъ благосостоянію гостепріимнаго хозяина не угрожало никакой опасности, ибо гость и конь его обладали самымъ обыкновеннымъ аппетитомъ.

Скромный, но вмѣстѣ съ тѣмъ неустрашимый, Аймысъ очень скоро завоевалъ себѣ расположеніе Куденета и дѣлилъ съ нимъ всѣ горести своей жизни.

Онъ разсказалъ ему свою грустную исторію: родъ его происходилъ отъ одного изъ хазарскихъ кагановъ и жилъ въ землѣ кумыковъ, на рѣкѣ Сулакѣ. Одинъ изъ ихъ рода оскорбилъ какъ-то члена одного изъ главнѣйшихъ кумыкскихъ родовъ, вслѣдствіе чего между родами возникла страшная вражда, кончившаяся весьма печально для семьи Аймыса,— всѣ они были перебиты, за исключеніемъ Аймыса, котораго, раненаго въ руку, вынесъ съ мѣста битвы двухъ родовъ его вѣрный конь и тогда то онъ и явился въ Кабарду и воспользовался гостепріимствомъ Кара-Куденета.

Съ разгорѣвшимися глазами разсказывалъ Аймысъ объ этой борьбѣ и мечталъ о томъ, когда ему представится возможность отомстить за свой родъ.

Прошла зима, наступила весна; степи покрылись травою, природа ожила и повеселѣла, одинъ только Аймысъ становился съ каждымъ днемъ все безпокойнѣй и молчаливѣй.

Разъ вечеромъ, сидя въ кунацкой съ своимъ хозяиномъ, Аймысъ сталъ благодарить Куденета за радушіе и гостепріимство и объявилъ, что онъ чувствуетъ себя на столько окрѣпшимъ, что рѣшилъ завтра отправиться въ землю Кумыковъ, чтобы привести въ исполненіе мечту своей жизни и отомстить за свой родъ.

Молча выслушалъ юношу Куденетъ, а когда онъ кончилъ—положилъ ему на плечо свою руку и сказалъ, что онъ ни за что не оставитъ его одного,

не покинетъ въ трудную минуту своего гостя, котораго полюбилъ, и отправится вмѣстѣ съ нимъ.

Съ благодарностью въ глазахъ взглянулъ Аймысъ на своего хозяина, и сталъ просить его не вмѣшиваться безъ особой нужды въ его бой съ врагами, которымъ онъ жаждетъ отомстить лично.

На другой же день выѣхали Кара-Куденетъ и его юный гость, готовые къ бою.

На третій день достигли они своей цѣли и Аймысъ послалъ вызовъ своимъ врагамъ, которые не замедлили выѣхать къ нему на встрѣчу, подсмѣиваясь надъ безразсудностью юноши, вызвавшаго на бой цѣлый родъ, но скоро усмѣшка сошла съ лица враговъ Аймыса, увидѣвшихъ какъ онъ справляется съ ними и какъ рѣдѣютъ ряды ихъ; часа два длился уже неравный бой, а враги еще не могли одолѣть юнаго витязя, но вотъ Кара-Куденетъ, наблюдавшій за ходомъ боя, сталъ замѣчать, что юный другъ его сталъ ослабѣвать и рискуетъ пасть подъ ударами враговъ, тогда не сдержался доблестный Куденетъ и бросился на помощь Аймысу и прошло менѣе получасу какъ не осталось ни одного изъ враговъ Аймыса, который, весь окровавленный, бросился въ объятія своего спасителя.

— Аймысъ,—обратился Кара-Куденетъ къ юношѣ,—кровь враговъ твоихъ сроднила насъ—будемъ братьями.

Страшно поблѣднѣлъ юный Аймысъ, услыхавши слова Куденета и молча опустилъ голову.

— Что-же, ты стыдишься назвать Куденета братомъ?—весь вспыхивая сказалъ Куденетъ, устремляя гнѣвный взглядъ на Аймыса и инстинктивно кладя руку на рукоятку кинжала. Одно подозрѣніе на обиду заставило забыть Куденета обо всемъ, что произошло сейчасъ и онъ готовъ былъ уже кровью смыть оскорбленіе, такъ оно было непривычно для представителя доблестныхъ Куденетовъ.

Медленно поднялъ Аймысъ свою красивую голову и, взглянувши на Куденета полными слезъ глазами, еле слышно проговорилъ:—я не могу быть тебѣ братомъ... я...

— Ну что же ты?—крикнулъ Куденетъ, хватая Аймыса за руку.

— Я... дѣвушка—и съ этими словами Аймысъ закрыла лицо руками и разразилась громкими рыданіями.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; Аймысъ силилась овладѣть собою, а пораженный Куденетъ съ удивленіемъ глядѣлъ на нее, но лицо его не выражало уже гнѣва, въ глазахъ его промелькнуло какое то другое чувство, можно было догадаться, что признаніе Аймысъ скорѣй обрадовало витязя, чѣмъ огорчило его.

Наконецъ Куденетъ тихо привлекъ къ себѣ Аймысъ и сказалъ: Ну если ты не можешь быть мнѣ братомъ—то будь женою.

— И женою твоею я не могу быть, проговорила, все еще рыдая, прекрасная Аймысъ,—я исповѣдую іудейскую вѣру.

— Но развѣ ты отъ этого хуже,—отвѣтилъ дѣвушкѣ Куденетъ, привлекая ее къ своей груди.

Такъ добылъ себѣ жену витязь Кара-Куденетъ и никогда не пожалѣлъ онъ, что женился на прекрасной Аймысъ, которая доблестно поддерживала славу рода Куденетова и подарила своему мужу двухъ сыновей: Мурзабека и Увжука, также какъ и отецъ ихъ съ гордостью носившихъ фамилію Куденетовъ и имена которыхъ до сего времени сохранилъ въ своихъ пѣсняхъ кабардинскій народъ.

МОНАХЪ.

МОНАХЪ.

Истрепавши окончательно свои нервы, лѣтомъ 189... года я, по настоянію жены и доктора, взялъ двухмѣсячный отпускъ съ тѣмъ, чтобы провести его на южномъ берегу Крыма, въ надеждѣ, что южное солнце и море явятся моими исцѣлителями и я вновь буду способенъ зарыться въ свои, ни мнѣ, ни другимъ въ большинствѣ случаевъ ненужные, доклады, проекты и т. п. продукты нашей канцелярской рутины.

Отъ Петербурга до Севастополя я доѣхалъ безъ остановокъ, въ Севастополѣ же пробылъ три дня, которые и посвятилъ на осмотръ его достопримѣчательностей, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ его окрестностяхъ.

Эти нѣсколько дней, проведенные мною вдали отъ департамента, произвели на меня уже свое благотворное дѣйствіе: я чувствовалъ себя уже сравнительно лучше, меня не мучили разными входящими и исходящими и другими подобнаго же рода прелестями, я началъ себя чувствовать человѣкомъ, а не чиновникомъ, зналъ, что мнѣ не предстоитъ утромъ идти въ департаментъ и что могу, совершенно

по своему желанію, располагать временемъ; все это прекрасно вліяло на настроеніе моего духа и я съ энергіей юноши съ утра до поздняго вечера бродилъ отъ одного историческаго памятника къ другому.

Въ Ялту я рѣшилъ ѣхать моремъ, хотя меня и уговаривали мои дорожные знакомые ѣхать на лошадяхъ черезъ Байдарскія ворота, чтобы полюбоваться тамъ величественною картиной солнечнаго восхода, но море было такъ притягательно-спокойно, что я, несмотря на соблазнъ видѣть знаменитыя ворота, рѣшилъ воспользоваться спокойствіемъ моря, тѣмъ болѣе, что я не зналъ еще, насколько мой организмъ способенъ переносить качку, такъ какъ мнѣ не приходилось дѣлать бо̀льшихъ экскурсій, чѣмъ отъ Петербурга до Петергофа, и я боялся потерять случай безнаказанно совершить морское путешествіе, хотя и небольшое, но зато по настоящему морю, а не по нашей финской лужѣ; а дальнѣйшее покажетъ, что мнѣ не пришлось раскаиваться въ своемъ рѣшеніи.

Медленно отвалилъ прекрасный пароходъ русскаго общества «Великій Князь Алексій» отъ севастопольской пристани и, описавъ кругъ, направился къ выходу въ море, постепенно прибавляя ходъ; промелькнула гостиница Киста, морской клубъ, и мы вышли въ открытое море.

Погода была дивная; зеркальную поверхность моря только рябилъ изрѣдка налетавшій порывъ легкаго вѣтра; вся многочисленная публика, направлявшаяся почти исключительно въ Ялту, была на

палубѣ и любовалась красивымъ видомъ Севастополя и его бухты съ стоящими на рейдѣ судами военнаго флота.

Какъ только повернулъ налѣво, мы вышли въ море и, обогнувъ Херсонесскій маякъ, потеряли изъ виду Севастополь, пассажиры стали разсаживаться на палубѣ, стараясь захватить мѣста по лѣвую сторону парохода, чтобы имѣть возможность любоваться видами южнаго берега; въ числѣ счастливцевъ, успѣвшихъ занять хорошее мѣсто, былъ и я. Вооружившись биноклемъ, я почти не отрывалъ своихъ глазъ отъ берега, хотя онъ и не представляетъ въ этомъ мѣстѣ изъ себя ничего интереснаго, но, попавши въ первый разъ въ этотъ благословенный уголокъ матушки-Руси, я боялся пропустить что-нибудь стоящее вниманія; изрѣдка, впрочемъ, поворачивался я и на другую сторону парохода, гдѣ простиралось до горизонта чудное, темно-синее море съ мелькавшимъ кое-гдѣ бѣлымъ парусомъ, а вдали чуть виднѣлся дымокъ шедшаго—повидимому изъ Константинополя—парохода.

Видъ этого, какъ казалось, безпредѣльнаго моря подавлялъ меня своимъ строгимъ величіемъ; чувствовалось свое ничтожество, свое безсиліе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то спокойствіе охватывало весь организмъ, казалось, мозгъ отказывался отъ всякой умственной дѣятельности и отдыхалъ въ созерцаніи этой величавой природы.

Когда пароходъ проходилъ мимо Балаклавской бухты и я тщетно старался разглядѣть между ска-

лами входъ въ нее, на палубу вошелъ монахъ, фигура котораго невольно привлекла мое вниманіе— высокаго роста, босой, съ непокрытою головой, онъ, повидимому, обратилъ на себя общее вниманіе многочисленной публики, собравшейся на палубѣ, онъ не походилъ на тѣхъ монаховъ, которыхъ мы привыкли видѣть и которые весьма рѣдко внушаютъ къ себѣ довѣріе, напротивъ, этотъ, казалось, возбудилъ къ себѣ общую симпатію, такъ какъ почти ни одинъ изъ сидѣвшихъ на палубѣ не отказалъ ему въ своей посильной лептѣ. Блѣдное, худое лицо монаха, обрамленное бородою, въ которой довольно сильно проглядывала сѣдина, грустные глаза его, съ невыразимою тоской останавливавшіеся на томъ, къ кому обращался ихъ владѣлецъ все говорило о страданіяхъ этого человѣка; видно было, что это монахъ, по убѣжденію исполняющій данный имъ обѣтъ.

Кромѣ своего необычайнаго вида, монахъ привлекалъ мое вниманіе и чертами своего лица, казавшимися мнѣ знакомыми, хотя я и былъ убѣжденъ, что впервые встрѣчаю этого монаха: такія фигуры трудно забываются. Чѣмъ больше я всматривался въ это лицо, тѣмъ болѣе оно напоминало мнѣ моего друга и товарища по ученію, графа Петра Михайловича К....., котораго я потерялъ изъ виду уже лѣтъ десять, но при всемъ поразительномъ сходствѣ этого монаха съ моимъ другомъ я, конечно, ни на одну секунду не допустилъ мысли, чтобы это могъ быть онъ. Богатый, красивый, съ огромны-

ми связями, графъ К....., конечно, не могъ превратиться въ подобнаго монаха, собирающаго подаяніе скорѣй можно предположить, что онъ занимаетъ теперь какой-нибудь значительный постъ; кромѣ того, монахъ на видъ долженъ былъ быть старше моего друга.

Пока подобныя мысли роились въ моей головѣ, монахъ продолжалъ свой обходъ и наконецъ, со словами: «подайте на святую аѳонскую обитель», остановился предо мною. Но тутъ произошла сцена не совсѣмъ обычная: взглянувши на меня, монахъ, съ крикомъ «Леонидъ», бросился ко мнѣ на грудь, что конечно, привлекло всеобщее вниманіе пассажировъ, столпившихся вокругъ насъ и съ понятнымъ недоумѣніемъ глядѣвшихъ на монаха, рыдавшаго на моей груди. Кто-то изъ пассажировъ догадался крикнуть въ буфетъ, чтобы принесли воды, которую Петръ, такъ какъ это дѣйствительно оказался онъ, съ благодарностью выпилъ, и затѣмъ, нѣсколько успокоившись, спустился вмѣстѣ со мною въ мою каюту, гдѣ и излилъ предо мною свою измученную душу и повѣдалъ о своей многострадальной жизни съ того момента, какъ мы разстались другъ съ другомъ послѣ окончанія нашего ученія.

Усѣвшись въ каютѣ на койкѣ, онъ долго сидѣлъ молча, глядя на меня своими грустными глазами и держа меня за обѣ руки, не имѣя силъ начать свое повѣствованіе о долгихъ годахъ, полныхъ страданія. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, онъ ти-

химъ, прерывающимся отъ сдерживаемыхъ рыданій голосомъ, началъ свой печальный разсказъ, который я и постараюсь передать его словами, насколько у меня хватитъ для этого умѣнія.

Это былъ не разсказъ, это былъ скорѣе плачъ нравственно истерзаннаго человѣка, вопль сердца на могилѣ разрушеннаго счастья и безвозвратно погибшей жизни, и не въ моихъ силахъ передать это на бумагѣ,—для этого надо перестрадать самому, самому испытать то, что судьбѣ угодно было послать въ удѣлъ моему несчастному другу.

«Ты помнишь конечно, Леня,—началъ прерывающимся, отъ волненія, голосомъ свое повѣствованіе Петръ,—какимъ я былъ десять лѣтъ тому назадъ, когда мы, полные жизни и надеждъ на будущее, прощались съ учебнымъ заведеніемъ, положившимъ въ насъ задатки дальнѣйшаго развитія и съумѣвшимъ сплотить насъ въ одну дружную товарищескую семью. Съ какимъ восторгомъ вступали мы въ жизнь, ожидая отъ нея только однѣхъ радостей, однѣхъ удачъ и не допуская мысли, что за стѣнами заведенія могутъ быть и печаль и горе; а изъ всѣхъ насъ я былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, такъ казалось тогда всѣмъ вамъ, да и я, признаться, думалъ то же самое. Да и дѣйствительно, чего мнѣ недоставало; я вступалъ въ жизнь очень богатымъ, съ громкимъ именемъ и съ большими связями; будущее казалось такимъ заманчивымъ, все мнѣ улыбалось, я могъ устроить свою жизнь вполнѣ по своему желанію.

«Вскорѣ послѣ окончанія ученія я получилъ такое мѣсто, какого другіе ждутъ многіе годы, а затѣмъ получилъ мѣсто еще болѣе высокое; я былъ вполнѣ счастливъ, бралъ отъ жизни все, что она могла только дать хорошаго; я веселился и работалъ; къ службѣ я относился очень внимательно; я не хотѣлъ, чтобы меня могли въ чемъ-нибудь упрекнуть, я хотѣлъ имѣть право всѣмъ смотрѣть прямо въ глаза, хотѣлъ, чтобы меня хвалили не только потому, что я богатъ, а цѣнили бы по моимъ достоинствамъ. И я этого добился вполнѣ. Я былъ любимъ и отличаемъ не только потому, что я графъ К..... и имѣю 40 тысячъ годового дохода, но потому, что я былъ дѣятельнымъ и полезнымъ чиновникомъ, которому можно было дать самое сложное и отвѣтственное порученіе.

«Въ свѣтскихъ гостинныхъ М....., гдѣ я служилъ я былъ также всегда желаннымъ гостемъ; кромѣ того, что я представлялъ изъ себя весьма выгоднаго жениха, за котораго была бы не прочь выйти замужъ любая изъ м.... ихъ красавицъ, но я умѣлъ и занять общество и въ моемъ присутствіи рѣдко кому бывало скучно.

«Несмотря на это, сердце мое сравнительно долго оставалось свободнымъ и я порхалъ около м....ихъ барынь и барышень безъ особой опасности для своей свободы. Но молодость конечно взяла свое: я полюбилъ и по своей натурѣ полюбилъ страстно, для меня пересталъ существовать весь міръ, я весь отдался своей любви, я жилъ только ею, ею только дышалъ.

Ты вѣдь знаешь меня, я не могу что-нибудь дѣлать на половину; если я начиналъ что-нибудь, то уже весь отдавался этому. Такъ было и съ моею любовью: она поглатила меня всего—нераздѣльно и безвозвратно и она же стала моею гибелью.

«Да и какъ было не любить моей Лены! Это былъ ангелъ, случайно попавшій на нашу грѣшную землю; въ ней соединилось все самое лучшее, самое свѣтлое; она жила только для другихъ, всѣ мысли ея были обращены къ ближнему, она готова была отдать все до послѣдней рубашки; всякій знавшій ее въ минуты горя—а у кого ихъ нѣтъ въ этомъ мірѣ—приходилъ къ ней за утѣшеніемъ, и не было случая, чтобы не находилъ его; для каждаго находилось у нея слово любви, каждый уходилъ отъ нея примиреннымъ съ своею судьбой. Вотъ какой женщинѣ, Леня, было суждено быть моею женой, но вмѣстѣ съ тѣмъ не было суждено найти со мной счастья!

«Меня она также полюбила всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ, всею душою и вотъ, такой ангелъ не могъ найти счастья, хотя я такъ безумно и любилъ ее.

«Боже! какъ могла только подняться на нее, на мою безцѣнную, святую Лену, моя рука; за что такое страшное проклятіе тяготѣетъ на мнѣ, за что... за что!..»

Тутъ рыданія не дали Петру возможности продолжать свой разсказъ, онъ безсильно склонился ко мнѣ на грудь, а я молча обнялъ моего изстрадавшагося друга, чувствуя, что мои слова не могутъ

служить ему утѣшеніемъ, не могутъ облегчить его страданій. Придя въ себя, онъ еще болѣе тихимъ голосомъ продолжалъ прерванный разсказъ свой.

«Не долго продолжалось наше взаимное счастье, оно скоро было безжалостно разбито и разбилъ его я самъ.

«Помнишь, еще въ школѣ, когда бывало я сходился съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, какъ ревниво оберегалъ я свою дружбу, и страшно выходилъ изъ себя когда товарищъ, котораго я полюбилъ, сходился еще съ кѣмъ-нибудь, часто же и безъ всякой причины начиналъ его упрекать въ измѣнѣ нашей дружбѣ, да и тебѣ, мой другъ, не разъ доставалось отъ меня. Такимъ же я оказался и въ своей супружеской жизни. Мнѣ казалось, что всѣ заняты мыслью отнять у меня мою Лену и разбить наше счастье; въ каждомъ мужчинѣ я видѣлъ посягателя на мое семейное счастье, на мою честь.

«Кончилось же это тѣмъ, что моя безпричинная ревность отравила жизнь какъ мнѣ, такъ и Ленѣ.

«Постепенно мы перестали бывать у своихъ знакомыхъ, перестали принимать у себя, моя подозрительность отшатнула отъ насъ всѣхъ; даже родные Лены перестали бывать у насъ, такъ какъ даже и къ нимъ я не пускалъ Лену, боясь, что она можетъ встрѣтить у нихъ кого-нибудь и увлечься.

«Я не сознавалъ, что своимъ недовѣріемъ къ Ленѣ я оскорбляю ее; когда она ласкалась ко мнѣ, я видѣлъ съ ея стороны хитрость, желаніе усыпить мою бдительность. Это было что-то болѣзненно ненормальное.

«Благодаря такому поведенію, я сталъ посмѣшищемъ всего города, всѣ негодовали на меня за Лену, жизнь которой дѣйствительно превратилась въ каторгу. Сколько она, бѣдная, перестрадала за эти три года нашей совмѣстной жизни, но никогда ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не выдала она своихъ душевныхъ страданій, ни разу не упрекнула она своего мучителя; она понимала, она видѣла, что я ее безумно люблю и что моя ревность есть болѣзненное послѣдствіе этой любви и что не въ моей власти побороть это мерзкое, ни на чемъ не основанное чувство. При всѣхъ своихъ мученіяхъ она не могла ожидать, чѣмъ кончится наша любовь, а кончилась она... кончилась смертью насъ обоихъ: Лена умерла физически, но, перейдя въ другой, лучшій міръ, перестала страдать нравственно, я же умеръ нравственно, но не переталъ страдать, и ты, другъ мой, не въ состояніи понять даже отчасти моихъ страданій... Да, это я нанесъ ударъ моей Ленѣ, я, такъ безконечно любившій, убилъ ее.

«Съ того времени прошло уже пять лѣтъ, а я до сихъ поръ явственно вижу ее лежащею на полу, всю залитую кровью, съ глазами полными нѣмого укора.

«Вернувшись однажды домой со службы нѣсколько раньше обыкновеннаго, я услышалъ въ будуарѣ мужской голосъ, называвшій Лену уменьшительнымъ именемъ и говорившій съ нею на ты. Этого мнѣ было вполнѣ достаточно, чтобы обвинить Лену

въ измѣнѣ, и не прошло, я думаю, и двухъ минутъ, какъ Лена лежала уже вся въ крови. Опомнившись, я припалъ къ ея груди и молилъ о прощеніи и... Лена простила меня; здѣсь же объяснилось, что мужской голосъ принадлежалъ брату Лены, жившему постоянно за границею и неожиданно пріѣхавшему домой послѣ многолѣтняго отсутствія, почему я и не зналъ его.

«Господи, сколько перестрадалъ я за эти нѣсколько часовъ, проведенныхъ мною у смертнаго одра Лены; какъ молилъ я Бога спасти мою Лену; я клялся, что измѣнюсь совершенно, что никогда не поддамся ревности, но всѣ мои мольбы были напрасны: Господу не угодно было исполнить мою молитву, Онъ призвалъ къ Себѣ мою Лену, этотъ ангелъ былъ необходимъ и Ему.

«Вечеромъ того же дня Лена тихо скончалась на моихъ рукахъ и предстала предъ Великимъ Судьей, и я увѣренъ, что тамъ, у подножія престола Отца нашего небеснаго, она, простившая мнѣ здѣсь, явится моею защитницей и будетъ молить Творца о прощеніи ея убійцы, нанесшаго ей ударъ изъ-за любви къ ней, и я надѣюсь, что когда Господь проститъ мнѣ мое страшное преступленіе, тогда Онъ призоветъ и меня и я вновь соединюсь съ моею Леной и соединюсь уже навѣки, тамъ, за гробомъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни горя.

«Моя натура не выдержала смерти Лены: я заболѣлъ нервною горячкой и больше мѣсяца находился между жизнью и смертью, и доктора уже потеряли

всякую надежду на мое выздоровленіе, но я не могъ умереть, я долженъ былъ еще жить, чтобы здѣсь, на землѣ, искупить свой страшный грѣхъ, свое страшное преступленіе.

«Когда я совершенно поправился, я предсталъ передъ судомъ. Отказавшись отъ защитника, я въ всоей рѣчи старался всѣми силами доказать присяжнымъ свою виновность, я со слезами на глазахъ умолялъ ихъ обвинить меня безъ всякаго снисхожденія и тѣмъ дать возможность мнѣ искупить мое преступленіе. Но мои усилія оказались напрасными; присяжные послѣ двухчасового совѣщанія вынесли оправдательный вердиктъ. Когда на первый вопросъ о моей виновности я услышалъ отвѣтъ: «нѣтъ, не виновенъ», я не выдержалъ, со мной сдѣлалась истерика.

«Но я не могъ примириться съ мыслью, что въ этомъ мірѣ я останусь безнаказаннымъ; я не въ силахъ былъ пользоваться удобствами жизни, мнѣ опостылѣла жизнь безъ Лены, всѣ мои помыслы оканчивались ею, я видѣлъ ее постоянно и видѣлъ умирающую; особенно ночью она представлялась мнѣ совершенно ясно; эти милые, черные глаза смотрѣли на меня, полные невыразимаго страданія, и я рыдалъ цѣлыя ночи напролетъ и молилъ Лену простить своего убійцу.

«Но, несмотря на эти ночи, полныя ужасныхъ, нечеловѣческихъ мукъ, я не избѣгаю ихъ напротивъ, я съ нетерпѣніемъ ожидаю появленія сумерекъ, ко-

гда я всѣмъ существомъ своимъ чувствую близость Лены, когда глаза мои ясно видятъ ее, всю залитую кровью....

«Не согласившись съ справедливостью людского приговора, я рѣшился самъ наложить на себя кару: я роздалъ все свое громадное состояніе на разныя благотворительныя дѣла въ память Лены, а самъ поступилъ въ монастырь на Аѳонѣ, въ надеждѣ постомъ и молитвою искупить свой страшный грѣхъ предъ всемогущимъ и всепрощающимъ Творцомъ и вымолить себѣ полное прощеніе.

«Все лѣто я провожу въ Россіи и въ такомъ видѣ какъ ты меня видишь теперь, обхожу ее изъ конца въ конецъ, питаясь подаяніемъ и собирая его для своего монастыря. Во многихъ селахъ и деревняхъ знаютъ инока Пимена, но никто не знаетъ, что этотъ, питающійся однимъ хлѣбомъ и водою монахъ, былъ раньше богатымъ и знатнымъ графомъ К.....

«Но гдѣ бы я ни былъ, меня всюду сопутствуетъ образъ моей Лены; не проходитъ ни одной ночи, чтобы она не явилась ко мнѣ, и такъ продолжается уже пять лѣтъ, но съ каждымъ годомъ видъ ея измѣняется, слѣды крови все слабѣютъ и слабѣютъ, а глаза выражаютъ меньше страданія и въ этомъ я вижу надежду, что мое преступленіе можетъ быть прощено, и надѣюсь, что тотъ день, когда Лена явится мнѣ безъ крови и безъ признаковъ страданія въ глазахъ, т.-е. день моего полнаго прощенія будетъ и послѣднимъ днемъ моей земной жизни.

«И я вѣрю въ милосердіе Господа, что онъ дастъ мнѣ силы до конца довести дѣло моего искупленія и время вымолить это прощеніе...

«Вотъ краткая исторія моей страдальческой жизни и если, другъ мой, ты когда-нибудь молишься, помолись и объ инокѣ Пименѣ».

Съ этими словами Петя откинулся назадъ, а глаза устремились вдаль и видно было, что духъ его совершенно отсутствуетъ и мысли его далеки отъ всего земного.

Съ полчаса продолжалось наше общее молчаніе, которое я не въ силахъ былъ прервать, будучи подавленъ всѣмъ слышаннымъ,—только шумъ на палубѣ вывелъ насъ изъ оцѣпененія: мы подходили къ Ялтѣ, цѣли моего путешествія, и я сердечно обнялъ своего несчастнаго друга, ѣхавшаго дальше, и молча простился съ нимъ.

Больше мнѣ никогда не пришлось съ нимъ встрѣтиться.

Года черезъ три я получилъ отъ настоятеля одного изъ аѳонскихъ монастырей письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня о кончинѣ схимонаха Петра, бывшаго гр. К....., и по порученію послѣдняго выслалъ мнѣ икону изъ его келіи и листикъ бумаги, гдѣ рукою Пети было написано только одно слово: «прощенъ», а внизу стояло число и мѣсяцъ; это же число было и днемъ его смерти.

ПО ЗАВѢТАМЪ ОТЦОВЪ.

По завѣтамъ отцовъ.

I.

Печальный видъ представляла изъ себя въ 1865 году усадьба стараго князя Михаила Павловича Отяковскаго: крыльцо въ барскомъ домѣ покосилось, нѣсколько оконъ было заколочено, надворныя постройки также требовали ремонта, садъ заглохъ, только около самаго дома виднѣлось нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ.

На всемъ лежалъ отпечатокъ уныніе. Кто помнилъ эту усадьбу лѣтъ десять тому назадъ, тотъ не узналъ бы ее теперь,—можно было подумать, что она заброшена своимъ владѣльцемъ, но этого не было; самъ владѣлецъ, старый князь Михаилъ Павловичъ, находился налицо, живя въ усадьбѣ уже болѣе пятидесяти лѣтъ, со времени выхода въ отставку, но онъ оказался не въ силахъ бороться съ перемѣнами, происшедшими за послѣдніе годы въ жизни русскаго помѣщика, и послѣдовалъ за общимъ теченіемъ. На смѣну представителей древнихъ боярскихъ родовъ въ деревнѣ появился разжившійся мужичокъ-кулакъ и понемногу съѣлъ барина.

Князь Михаилъ Павловичъ принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ русскихъ родовъ, представителей котораго встрѣчаемъ еще въ XIII и XIV ст.; много послужили Россіи князья Отяковскіе, много легло изъ нихъ на браняхъ съ татарами, поляками и другими врагами Русской земли и цѣнили князей Отяковскихъ великіе князья и цари, жаловали ихъ многими вотчинами, милостиво похваляя за ихъ службы и дородство изъ рода въ родъ; не мало сохранилось жалованныхъ грамотъ, за вислыми печатями, въ старинныхъ кованыхъ сундукахъ, въ родовой ихъ вотчинѣ, селѣ Отяковѣ, уже болѣе трехъ столѣтій принадлежавшемъ ихъ роду.

Но наступили новыя времена, появилась табель о рангахъ, потребовалось отъ русскаго боярства не только службы, но и умѣнія подслуживаться и подслуживаться разнымъ нѣмецкимъ авантюристамъ, бросившимся въ прорубленное Петромъ окно и захватившимъ власть въ свои руки и гнувшимъ все русское. И отошли бояре въ сторону, уступили первые ряды иноземцамъ и тѣмъ изъ русскихъ, которые сумѣли и захотѣли подслуживаться.

Тяжелое время для русскаго боярства былъ XVIII вѣкъ, тяжелъ онъ былъ и для князей Отяковскихъ; на много частей подѣлились ихъ вотчины, много также ушло черезъ дочерей и въ другіе роды. Наступилъ наконецъ и 12-й годъ, и Россія увидала у себя полчища Наполеона; все бѣжало съ пути его и скрывалось по лѣсамъ; множество крестьянъ,

увидавши вмѣсто своихъ домовъ только обгорѣвшія головешки, предпочитали не возвращаться на свои старыя пепелища, а уходили искать вольной волюшки; помѣщики же, возвратившись въ свои вотчины, не находили ни своихъ усадебъ, ни крестьянъ. Положеніе большинства стало крайне тяжелымъ; къ числу особенно несчастливыхъ принадлежали и князья Отяковскіе, всѣ вотчины которыхъ лежали въ мѣстности, сильно пострадавшей отъ войскъ Наполеона: крестьяне разбѣжались, скотъ былъ угнанъ, дома лежали въ развалинахъ.

Наконецъ послѣдовало изгнаніе изъ Россіи галловъ и съ ними двунадесяти языковъ; но долго еще не могло оправиться населеніе отъ этого нашествія; правительство, увидавши разореніе многихъ помѣщиковъ, пришло къ нимъ на помощь и начало выдавать пособія; такое же пособіе могли получить и князья Отяковскіе, благосостояніе которыхъ оказалось сильно подорваннымъ, но они были слишкомъ горды, чтобы идти просить это пособіе; кромѣ того, они считали, что, страдая вмѣстѣ со всею Россіей—они не въ правѣ получать пособій,—это было своего рода службою, а служба была гордостью князей Отяковскихъ; они гордились тѣмъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ предки ихъ служили Россіи не щадя ни жизни, ни своихъ средствъ, и они не хотѣли измѣнять завѣтамъ своихъ отцовъ.

Къ тому времени, когда начинается наше повѣствованіе, остался только одинъ князь Отяковскій—Михаилъ Павловичъ, имѣвшій одну внучку, дочь

единственнаго сына Николая, Вѣру; съ ними долженъ былъ прекратиться родъ князей Отяковскихъ.

Старый князь почти всю жизнь прожилъ въ своемъ родовомъ Отяковѣ, единственно уцѣлѣвшемъ въ ихъ родѣ; въ молодости, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ и не умѣя при своей гордости мириться съ новыми вѣяніями, князь послѣ отечественной войны, во время которой онъ былъ раненъ въ ногу, вышелъ въ отставку и поселился въ родномъ Отяковѣ и усердно принялся хозяйничать и не безъуспѣшно, такъ что въ домѣ его была всегда полная чаша, а его крестьяне были самыми зажиточными во всей округѣ.

Отъ своей жены, сестры друга убитаго подъ Бородинымъ, князь имѣлъ только одного сына, также убитаго подъ Севастополемъ, который оставилъ ему свою дочь, сиротку Вѣру. Похоронивъ жену, сына и невѣстку, старый князь перенесъ все любовь на свою единственную внучку, послѣднюю представительницу славнаго рода, которая платила ему тѣмъ же; это были два существа, которыя жили только другъ для друга, лелѣяли и оберегали одинъ другого.

Ежедневно усаживались они въ кабинетѣ, гдѣ на нихъ изъ рамъ глядѣли представители нѣсколькихъ поколѣній князей Отяковскихъ, и старый князь разсказывалъ своей внучкѣ исторію Россіи исторію князей Отяковскихъ, о ихъ службахъ, подвигахъ, о былomъ ихъ величіи, а Вѣра, припавъ головкою на плечо дѣда, цѣлыми часами готова бы-

ла слушать эти разсказы о старинѣ, о своихъ предкахъ; не рѣдко когда рѣчь шла о комъ-нибудь изъ князей Отяковскихъ, замученномъ татарами или пострадавшемъ отъ изувѣрствъ Грознаго, затуманивались черные глазки княжны и невольная слеза скатывалась по ея щекѣ, выдавая чувства, съ какими княжна принимала эти разсказы дѣда.

И эти разсказы сдѣлали свое дѣло, княжна Вѣра, несмотря на свое доброе сердце, наслѣдовала всю непреклонную гордость своего дѣда; съ ровными или высшими по положенію она всегда бывала настороже точно боялась оскорбленій, боялась передъ ними унизить себя; съ низшими же напротивъ— она была готова для нихъ все сдѣлать, почему крестьяне ее страшно любили, мѣстные же помѣщики, особенно изъ новыхъ, наоборотъ—почти ненавидѣли ее за высокомѣрное обращеніе съ ними.

Но вотъ наступила новая эра въ Россіи. Вначалѣ носились только неясные слухи, затѣмъ слухи эти начали принимать болѣе опредѣленную форму и наконецъ наступило 19 февраля 1861 года, когда, по волѣ императора Александра, со многихъ милліоновъ русскихъ людей спали цѣпи рабства.

Но для свободы этихъ милліоновъ потребовалась жертва, правда, сравнительно небольшая,—надо было пожертвовать тою частью дворянства, которая жила въ своихъ вотчинахъ на доходы отъ своей земли, задумываться было нельзя,—слишкомъ незначительна была горсть этихъ дворянъ-помѣщиковъ сравнительно съ массою закрѣпощеннаго крестьянства.

Большинство изъ помѣщиковъ не имѣло оборотныхъ капиталовъ и, когда у нихъ отняли дарового рабочаго, очутились въ довольно трагическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что выдача выкупныхъ платежей затянулась на многіе годы, потребовались займы съ ихъ процентами и т. п. прелестями задолженности, и прошло послѣ освобожденія не болѣе 5—6 лѣтъ, какъ многіе изъ помѣщиковъ оказались съ петлею на шеѣ. Въ такомъ же тяжеломъ положеніи оказался и князь Михаилъ Павловичъ, тѣмъ болѣе, что на Отяковѣ былъ уже долгъ въ опекунскій совѣтъ; пришлось занять у частнаго лица. Благодѣтелемъ явился нѣкто Сидоръ Никитичъ Оплеуховъ, державшій нѣсколько кабаковъ въ окрестностяхъ Отякова; онъ съ удовольствіемъ предложилъ князю денегъ по небольшимъ процентамъ, всего изъ 12 годовыхъ, но для большей вѣрности взялъ двойной векселекъ и обезпечилъ себя неустойкою. Князь, никогда не имѣвшій никакихъ денежныхъ дѣлъ и особенно съ такими господами, какъ господинъ Оплеуховъ, не имѣлъ понятія о томъ въ какую петлю попалъ; будучи безукоризненно честнымъ, онъ во всякомъ видѣлъ также честнаго человѣка; никого не обманувши на своемъ вѣку, онъ воображалъ, что и всѣ также честны, какъ онъ, и, конечно, страшно поплатился за эту довѣрчивость. Оплеуховъ былъ предупредителенъ и честенъ только до тѣхъ поръ, пока не опуталъ совершенно своими сѣтями князя; тогда онъ преспокойно предъявилъ ко взысканію

свои векселя со всѣми неустойками и оказалось, что князь задолжалъ ему больше, чѣмъ стоитъ все его Отяково. Удивленный и убитый неожиданно свалившимся на него горемъ, князь полѣтѣлъ къ своему предводителю за помощью, но помощи никакой не нашелъ, такъ какъ Оплеуховъ дѣйствовалъ вполнѣ на законномъ основаніи и, опираясь на законъ могъ каждую минуту вступить во владѣніе Отяковымъ, выгнавъ князя и его внучку изъ ихъ родового гнѣзда.

Совершенно больной вернулся князь въ Отяково, и Вѣра, взглянувъ на него, сразу поняла все, поняла что все для нихъ потеряно, что ихъ ожидаетъ полное разореніе; но сознавая, что дѣдъ сильно нуждается въ нравственной поддержкѣ, она всѣми силами старалась подбодрить его, говоря, что она достаточно сильна, что она будетъ работать; но старикъ съ грустною улыбкой слушалъ свою внучку,—онъ слишкомъ много прожилъ, чтобы не сознавать всего ужаса своего положенія, и это сознаніе ухудшалось еще отъ того, что въ случаѣ его смерти оставалась совершенно одинокою его дорогая внучка, а князь чувствовалъ, что не долго осталось ему любоваться дорогимъ личикомъ своей Вѣры, его старческія силы были въ конецъ подорваны сознаніемъ, что онъ оставляетъ единственно дорогое для него существо совершенно не обезпеченнымъ и одинокимъ.

II.

Былъ уже конецъ августа, стояла еще хорошая погода; хлѣбъ былъ свезенъ съ полей, работы по уменьшилось, и крестьянская молодежь придиралась ко всякому случаю, чтобы повеселиться; сегодня же было воскресенье и потому на лужайкѣ около церкви собралась чуть не вся деревня, водили хороводъ, слышались пѣсни, шутки...

Но не весело было въ господской усадьбѣ, всѣ ходили грустные съ заплаканными глазами. Старый князь былъ очень плохъ; наканунѣ получилъ онъ повѣстку изъ суда, куда его вызывали по иску Оплеухова; не выдержалъ старикъ этого удара и свалился окончательно и теперь лежалъ въ своей спальнѣ и тихимъ едва слышнымъ голосомъ говорилъ въ послѣдній разъ съ своею любимицей, которую оставлялъ нищею, а Вѣра стояла на колѣняхъ около постели, положивъ свою голову на грудь дѣда.

— Прощай, Вѣруня, не проклинай своего стараго дѣда, что оставляетъ тебя нищею...

— Дѣдушка, Богъ съ тобой, что ты говоришь, развѣ...

— Постой, Вѣра, не перебивай меня... боюсь, что не успѣю всего сказать... Я знаю тебя, знаю, что ты никогда не упрекнешь меня. Я все дѣлалъ, чтобы сдѣлать тебя счастливою, но видно уже такъ суждено... не нужны мы больше... на нашу смѣну пришли новыя силы... Оплеуховы нужнѣе теперь

для Россіи... мы отжили, отслужили свое, но не намъ роптать,—все, что мы имѣли, мы получили за службу, не нужно больше наша служба, не за что и давать намъ... не ропщи и ты Вѣра, помни, что ты княжна Отяковская, служи своему народу, насколько хватитъ силъ, вспоминай своихъ предковъ, которые вѣрою и правдою служили родинѣ и всегда были ея вѣрными сынами... про...—Старикъ не договорилъ, голова его откинулась, онъ простился съ этою жизнью.

Увидавъ, что дѣдъ скончался, Вѣра вскрикнула и безъ чувствъ упала около кровати. На крикъ ея вбѣжала ея няня, поселившаяся въ домѣ со времени болѣзни князя, а черезъ минуту комната наполнилась служащими, желавшими проститься съ своимъ бариномъ, котораго любили.

Для княжны начались тяжелые дни; она хоронила послѣдняго близкаго человѣка и должна была проститься съ домомъ, въ которомъ родилась и выросла, въ которомъ родились и умерли всѣ ея близкіе, отецъ, мать, дѣдъ и всѣ предки, должна была покинуть дорогія для нея могилы.

Мало въ комъ находила княжна сочувствіе своему тяжелому горю, да, по правдѣ сказать, она и не искала его, она была горда даже въ горѣ. Ежедневно въ сопровожденіи своей старушки-няни, не отходившей теперь отъ нея, ходила она на могилу дѣда и просиживала тамъ цѣлыми часами, а вечеромъ разбирала бумаги и откладывала то, что надо было взять съ собою.

Черезъ недѣлю въ усадьбѣ появился Оплеуховъ и вступилъ во владѣніе Отяковымъ, княжнѣ же прислалъ сказать, что разрѣшаетъ ей пробыть въ усадьбѣ двѣ недѣли, а затѣмъ она должна выѣхать, такъ какъ онъ намѣренъ перевести семью, но княжна гордо отвѣтила, что не только двѣ недѣли, но двухъ часовъ она не останется въ домѣ г. Оплеухова, и сейчасъ же, съ помощью все той же няни, принялась укладывать свои вещи и то, что дорого было ей по воспоминаніямъ, а также портреты и фамильные документы князей Отяковскихъ. Черезъ часъ къ дому подъѣхалъ сынъ няни, Иванъ и повезъ весь незначительный багажъ послѣдней княжны Отяковской къ себѣ, такъ какъ княжна рѣшила прожить до сорокового дня въ Отяковѣ и поселилась у своей няни. Простая крестьянская изба пріютила послѣднюю изъ рода князей Отяковскихъ, которой пришлось раздѣлить трапезу съ бывшими крѣпостными своихъ предковъ.

Когда княжна вышла на крыльцо, то столкнулась съ Оплеуховымъ, который покровительственнымъ тономъ предложилъ княжнѣ не уѣзжать и остаться у него служить въ качествѣ компаньонки дочери: новый владѣлецъ Отякова чувствовалъ свою силу и не прочь былъ оказать свое высокое покровительство послѣдней представительницѣ знатнаго рода, думая, что нищая-княжна Отяковская соблазнится его милостивымъ предложеніемъ; ему непонятна была гордость нищеты, онъ не признавалъ другой гордости, кромѣ гордости толстаго

кармана, хотя бы этотъ карманъ былъ набитъ и не совсѣмъ честнымъ способомъ. Онъ не допускалъ мысли, чтобы изъ гордости можно было предпочесть голодную смерть службѣ у гг. Оплеуховыхъ, такъ какъ самъ готовъ былъ на всякое униженіе передъ властью, богатствомъ, если только это униженіе было выгодно для него.

Вотъ почему онъ былъ страшно удивленъ, когда на его предложеніе княжна только съ презрѣніемъ взглянула на него и молча прошла мимо.

Родоначальникъ новой русской интеллигенціи не могъ понять послѣднюю представительницу русскаго боярства: они стояли на разныхъ точкахъ и горизонты ихъ умственнаго зрѣнія были совершенно различны.

До конца выдержала княжна; только придя въ избу и оставшись наединѣ съ своею няней, дала она волю слезамъ.

Полтора мѣсяца прожила княжна подъ кровомъ своей старой няни, всѣми силами старавшейся угодить своей барышнѣ и облегчить ея горе. Съ благодарностью принимала Вѣра эти заботы старушки и ея семьи; она знала, что они дѣйствительно сочувствуютъ ея горю и знаютъ, что она не можетъ имъ быть ничѣмъ полезной и не будетъ въ состояніи чѣмъ-нибудь отблагодарить ихъ. Но не одна семья няни выказывала княжнѣ свое сочувствіе, не было ни одного человѣка въ деревнѣ, который бы не понавѣдался въ избу Матрены и не предложилъ бы своихъ услугъ, и такое отношеніе кресть-

янъ къ княжнѣ, основанное на доброй памяти къ ея дѣду, не могло, конечно, не имѣть хорошаго вліянія на ея разбитые нервы; она чувствовала, что съ потерею Отякова она все-таки не потеряетъ связи съ ея жителями, видящими въ ней представительницу рода, который они привыкли любить въ теченіе многихъ вѣковъ.

Но, кромѣ хорошихъ минутъ, переживаемыхъ Вѣрой при видѣ общей любви къ себѣ, часто приходила ей въ голову мысль, что она не можетъ быть ничѣмъ полезна этимъ людямъ, не можетъ продолжать служить этому народу, какъ завѣщалъ умирая ея дѣдъ. Всѣ эти мысли бередили сердечную рану бѣдной княжны, чувствовавшей свое одиночество и свое безсиліе.

Въ сороковой день кончины стараго князя помолилась въ послѣдній разъ на его могилѣ княжна, а на другой день утромъ выѣхала изъ Отякова, рѣшивъ обратиться за совѣтомъ и помощью къ предводителю дворянства.

Съ горькимъ чувствомъ и не имѣя силъ сдержать слезы простилась княжна съ роднымъ селомъ, съ родными могилами и двинулась въ путь, не зная, что ее ждетъ въ будущемъ, но съ сознаніемъ, что, несмотря ни на что, она всегда останется княжною Отяковскою и не поступится своею честью и гордостью ни передъ какою опасностью.

Вся разбитая отъ непривычной ѣзды въ телѣгѣ по колкой дорогѣ, къ вечеру того же дня пріѣхала княжна въ село Богородское, отъ котораго въ пяти

верстахъ было имѣніе предводителя. Переночевавъ на постояломъ дворѣ, на другой день, часовъ въ 10 утра, она явилась къ тому, у кого надѣялась найти поддержку и совѣтъ.

Горько ошиблась Вѣра, думая найти что-нибудь въ этомъ человѣкѣ; принялъ онъ ее, правда, очень любезно, но любезность его окончилась сейчасъ же, какъ только онъ узналъ, что въ немъ нуждаются.

Вѣра, разсказавъ о своемъ настоящемъ положеніи, просила его помочь ей, сказавъ, что она готова работать.

Нѣсколько помолчавъ, предводитель началъ высказывать свои сожалѣнія по поводу смерти стараго князя, его разоренія, затѣмъ перешелъ на современныя темы: о необходимости переустройства крестьянскаго быта, о земствѣ, о новыхъ идеяхъ, о томъ, что такіе люди, какъ покойный князь, отжили свое время, что теперь нужны новые люди, люди энергіи, труда, въ родѣ знакомаго княжнѣ Оплеухова, что на нихъ теперь смотритъ съ надеждою вся Россія, что это они, которые составятъ будущность Россіи, что дворянство—это учрежденіе не современное и должно уступить новой духовной силѣ, появившейся изъ развалинъ барства, всесословному земству.

Предводитель оказался вполнѣ современнымъ дѣятелемъ и, повидимому, чувствовалъ страсть къ самооплеванію, забывъ одно, что, не сочувствуя своему сословію, онъ не имѣлъ нравственнаго права

дѣлаться его представителемъ, а разъ сдѣлавшись имъ, обязанъ былъ стоять за его интересы, особенно въ такое время, какъ то, которое наступило послѣ освобожденія крестьянъ, когда каждый проходимецъ считалъ своею обязанностью лягнуть лежащаго дворянина, а дворянинъ, потомокъ многихъ поколѣній служилыхъ людей, кровь которыхъ проливалась въ теченіе многихъ столѣтій, долженъ былъ спокойно переносить оскорбленія вчерашняго кабатчика, ставшаго земскимъ дѣятелемъ, семинариста, выгнаннаго за малоуспѣшность или безнравственное поведеніе и нашедшаго себѣ работу въ массѣ газетъ и журналовъ, занимавшихся травлею дворянства. А дворянинъ, не находя нигдѣ опоры, подчасъ готовъ былъ отказаться отъ своего почетнаго имени, которое сдѣлалось синонимомъ чего-то до нельзя позорнаго.

Въ это-то тяжелое для русскаго дворянства время на стражѣ его интересовъ должны были стоять его предводители, но нѣтъ—и они поддались общему теченію. Большинство изъ нихъ, въ родѣ того, къ которому пришлось обратиться княжнѣ Отяковской забыли, что они избраны дворянствомъ, чтобы быть его представителями, быть представителями его интересовъ, защищать его отъ разныхъ Оплеуховыхъ и ему подобныхъ; они сочли себя какими-то проводниками новыхъ идей, шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми традиціями, на коихъ воспитывалось наше дворянство; они готовы были предать тѣхъ, которые ихъ избрали, лишь бы только угодить кучкѣ

литераторовъ, добивавшихся униженія провинившагося въ чемъ-то русскаго дворянства.

Попавши на свою любимую тему, предводитель цѣлыхъ два часа изливалъ свое краснорѣчіе передъ княжною, забывъ, что она пришла къ нему совершенно не для того, чтобы выслушивать его мнѣнія о внутренней политикѣ Россіи и о томъ, чтобы онъ сдѣлалъ, если бы былъ у власти, а бѣдная княжна, опустивъ голову, погрузилась въ тяжелыя думы о своемъ будущемъ; она поняла, что ей нечего ждать отъ этого человѣка. Но что предпринять, какъ повести свою жизнь, она положительно не знала.

Наконецъ предводитель остановился, вѣроятно уставши болтать языкомъ въ теченіи двухъ часовъ, и сказалъ княжнѣ, что онъ постарается ей помочь и запишетъ ее кандидаткою на мѣсто сельской учительницы, но что во всякомъ случаѣ она не должна разсчитывать скоро получить мѣсто, такъ какъ кандидатовъ очень много, и закончилъ тѣмъ, что предложилъ ей въ видѣ пособія нѣсколько денегъ.

Вся вспыхнувъ, вскочила бѣдная Вѣра при упоминаніи о денежной помощи и, гордо сказавъ, что она не нуждается въ подачкахъ, вышла изъ предводительскаго кабинета.

Итакъ, вмѣсто нравственной поддержки, на которую она была въ правѣ разсчитывать, Вѣра получила только оскорбленіе.

Униженная и оскорбленная, но все же гордая, вышла княжна изъ усадьбы предводителя и, забывъ, что ее ждетъ нанятый ею мужичокъ, пошла

по дорогѣ, сама не зная куда и зачѣмъ. Ею овладѣло какое-то отчаяніе, въ головѣ стоялъ какой-то хаосъ. Никого и ничего впереди, одна, никому не нужная, что оставалось ей дѣлать! Масса мыслей роилась въ головкѣ княжны, но ни одной мысли на которой бы можно было остановиться. Но нѣтъ... вотъ какъ будто мелькнула мысль—умереть. Что можетъ быть лучше. Найти вѣчный покой, отрянуть съ себя все земное, соединиться съ милыми, дорогими покойниками.

Эта мысль стала все больше и больше овладѣвать княжною, какой-то внутренній голосъ точно твердилъ ей: смерть—это покой, одинъ короткій мигъ и все окончено, смерть... смерть...

Можетъ быть, если бы Вѣра успокоилась, она бы и оттолкнула мысль о самоубійствѣ, но случилось такъ, что въ то самое время, когда эта мысль назойливо давила ея мозгъ, дорога, по которой она шла, привела къ самой рѣкѣ и она, остановившись на обрывистомъ берегу, увидала у своихъ ногъ темную поверхность, еще не замерзнувшей рѣки, которая манила своимъ покоемъ, обѣщая забвеніе всему. Почти не сознавая, что она дѣлаетъ, княжна перекрестилась и бросилась съ обрыва; послышался всплескъ, еще одинъ мигъ, и ледяная вода сомкнулась надъ головой княжны; рѣка приняла въ свои объятія бѣдную Вѣру, только расходившіеся круги говорили о паденіи въ воду какого-то тѣла.

III.

Но княжнѣ не было суждено такъ рано покончить съ жизнью. Въ то время когда она бросилась въ рѣку, на другомъ берегу нѣсколько крестьянъ рѣзали камышъ и видѣли ея паденіе; сейчасъ же бросились они спасать ее, и не прошло 5 минутъ, какъ княжна уже лежала на берегу. Одинъ изъ крестьянъ бросился въ Богородское, которое было отъ мѣста происшествія не болѣе какъ въ полуверстѣ, и вскорѣ около княжны были фельдшеръ и мѣстный батюшка, отецъ Алексѣй, которые общими силами привели ее въ чувство и на импровизированныхъ носилкахъ отнесли въ домъ отца Алексѣя, гдѣ она была сдана на попеченіе его жены и дочери, которыя уложили больную въ постель, растерли ее и напоили горячимъ чаемъ.

Ледяная ванна дала себя почувствовать: сильная простуда при страшномъ упадкѣ силъ едва не довела княжну до могилы, но благодаря нѣжному уходу и заботамъ пріютившей ее семьи, она была спасена и возвращена къ жизни.

Былъ вечеръ, когда княжна пришла въ себя и съ удивленіемъ начала оглядывать комнату, слегка освѣщаемую мерцавшею передъ образомъ лампадой. Долго не могла припомнить Вѣра, что съ нею было; наконецъ она вспомнила все, вспомнила и тотъ моментъ, когда она въ припадкѣ отчаянія рѣшила покончить съ собою, но на этомъ воспоминанія ея

обрывались; что было съ нею дальше и гдѣ она теперь, она не знала.

Пока она вспоминала обо всемъ, что съ нею было, и силилась догадаться у кого она, въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ 18-ти, сильно обрадовавшаяся при видѣ больной, смотрѣвшей на нее удивленными глазами. Поздравивъ княжну, Анюта, дочь отца Алексѣя, разсказала ей все, что случилось послѣ того момента, какъ княжна погрузилась въ воду; разсказала о томъ, какъ они боялись за нее, какъ будутъ счастливы отецъ и мать, которыхъ не было въ это время дома, когда вернувшись узнаютъ, что наконецъ ихъ больная пришла въ себя.

Больше часа проговорили обѣ дѣвушки, разспрашивая другъ о другѣ, а подъ конецъ утомленная княжна уснула подъ говоръ Анюты, уснула крѣпкимъ сномъ выздоравливающей послѣ мѣсячной борьбы съ упорною болѣзнью.

Быстро пошло выздоровленіе, такъ что къ Рождеству Вѣра совсѣмъ оправилась и начала понемногу выходить на воздухъ, а вмѣстѣ съ выздоровленіемъ росло и ея расположеніе къ отцу Алексѣю и его семьѣ, всѣми силами старавшимся приголубить и приласкать бѣдную дѣвушку, зная какъ много пришлось ей пережить, несмотря на свою молодость, для того, чтобы рѣшиться на самоубійство; ни единымъ словомъ не напоминалъ никто ей объ этомъ. Когда же княжна объявила, что она достаточно поправилась и просила отпустить ее, то отецъ Алексѣй, знавшій въ подробностяхъ объ ея положеніи,

сказалъ, что она никого не стѣсняетъ, а послѣ Рождества они потолкуютъ объ ея дѣлахъ, а она этимъ временемъ еще окрѣпнетъ послѣ перенесенной болѣзни.

Княжнѣ не трудно было согласиться на это предложеніе,—она успѣла полюбить отца Алексѣя и его жену и подружиться съ Анютою и чувствовала себя въ этой семьѣ очень хорошо.

Да и не было ничего удивительнаго, что Вѣра полюбила пріютившую ее семью; отецъ Алексѣй и его жена Надежда Адріановна были далеко не заурядные люди, всю свою жизнь они посвятили служенію народу; къ нимъ обращались за всѣмъ; всякій, у кого было горе или нужда въ чемъ-нибудь, шелъ къ батюшкѣ или матушкѣ и всегда находилъ въ нихъ полное сочувствіе къ себѣ, находилъ и духовную и матеріальную поддержку, а Анюта была ихъ дѣятельною помощницей, обходила въ деревнѣ больныхъ, давала лѣкарства, дѣлала перевязки, ухаживала за больными, вначалѣ подъ руководствомъ матери, а затѣмъ и самостоятельно; нерѣдко приходилось ей и ночевать у постели какой-нибудь заболѣвшей женщины, присматривать за дѣтьми и за хозяйствомъ.

Въ Богородскомъ прямо-таки боготворили отца Алексѣя, и понятно, что когда Вѣра узнала близко его и его семью, то и она всѣмъ сердцемъ полюбила ихъ и готова была отдать себя въ полное распоряженіе отца Алексѣя и его жены; отецъ же Алексѣй въ свою очередь, узнавши свою гостью

и полюбивши ее, также не прочь былъ воспользоваться ея услугами въ дѣлѣ благотворенія.

На Рождество пріѣхалъ сынъ отца Алексѣя, бывшій на послѣднемъ курсѣ семинаріи; оказалось, что и онъ по характеру вполнѣ подходилъ къ семьѣ своего отца; такъ же идеально, какъ и отецъ, смотрѣлъ онъ на обязанности сельскаго священника и сейчасъ же по пріѣздѣ началъ помогать отцу и матери и усердно обходилъ больныхъ, собственноручно таская нерѣдко какой-нибудь горшокъ съ куринымъ супомъ для слабыхъ больныхъ. Случалось, что и Вѣра сопровождала его въ этихъ экскурсіяхъ, такъ что къ концу Рождества они оказались большими друзьями.

Наконецъ прошли рождественскіе праздники, жизнь, нѣсколько нарушенная ими и пріѣздомъ Николая, вошла въ колею, и Вѣра съ волненіемъ ждала бесѣды съ о. Алексѣемъ, отъ которой зависѣла ея дальнѣйшая жизнь.

Какъ-то разъ вечеромъ, когда Вѣра и Анюта сидѣли въ своей комнатѣ и шили бѣлье для бѣдныхъ больныхъ, къ нимъ вошелъ отецъ Алексѣй, и выславъ Анюту, обратился къ Вѣрѣ съ просьбою разсказать откровенно о своей жизни и о тѣхъ причинахъ, которыя довели ее до мысли о смерти.

Долго продолжался разсказъ Вѣры, но зато она ничего не утаила отъ внимательно слушавшаго ее отца Алексѣя, разсказала о своемъ воспитаніи, о традиціяхъ, на которыхъ шло это воспитаніе, о дѣдѣ, о своихъ взглядахъ на жизнь, о своемъ же-

ланіи быть полезною и посвятить свои силы тому народу, къ которому она принадлежитъ и любовь къ которому она получила по наслѣдству отъ своихъ предковъ; разсказала о посѣщеніи ею предводителя и о томъ отчаяніи, которое ее охватило послѣ этого и которое привело ее къ такому ужасному рѣшенію.

Долго молчалъ отецъ Алексѣй, какъ бы обдумывая все слышанное имъ, и наконецъ, взявъ Вѣру за руки, началъ утѣшать ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ выговаривалъ ей за ея гордость, которая довела ее до страшнаго грѣха, до покушенія на собственную жизнь.

— Что можетъ быть ужаснѣе этого грѣха:—говорилъ отецъ Алексѣй плакавшей княжнѣ,—подумай дитя о томъ, имѣешь ли ты право распоряжаться тѣмъ, что не принадлежитъ тебѣ; а жизнь, данная тебѣ Богомъ, развѣ принадлежитъ она тебѣ, развѣ имѣешь ты право распорядиться ею; какое право имѣешь ты прервать жизнь, посланную тебѣ для испытанія, для усовершенствованія. Большой грѣхъ совершила ты и должна благодарить теперь Создателя, что Онъ, въ безконечной милости Своей, не далъ совершиться тому, что ты задумала по своей молодости и гордости, что ты имѣешь возможность еще дальнѣйшею жизнью искупить этотъ грѣхъ. Но надо сознать этотъ грѣхъ и если ты сознаешь всю грѣховность своего поступка, то ты, я увѣренъ, приложишь все стараніе, чтобы вымолить себѣ прощеніе.

— Сознаю, батюшка, и вѣрьте мнѣ, что посвящу всю свою жизнь на то, чтобы искупить этотъ грѣхъ, рыдая проговорила Вѣра и, опустившись на колѣни передъ отцомъ Алексѣемъ, припала къ его рукѣ.

— Слава Тебѣ, Господи,—взволнованнымъ голосомъ проговорилъ о. Алексѣй, творя крестное знаменіе.—Теперь успокойся и слушай, что придумали мы съ матушкой и что будетъ теперь зависѣть отъ твоего согласія. Ты, конечно, видишь, что мы полюбили тебя какъ родную, и если ты также полюбила насъ то я увѣренъ, что не отвѣтишь намъ отказомъ.

При этихъ словахъ Вѣра, какъ бы желая показать свои чувства къ отцу Алексѣю и его семьѣ, молча поцѣловала его руку.

— Ты знаешь,—продолжалъ батюшка,—что осенью Анюта выходитъ замужъ и мы съ старухою остаемся одни; ты уже знаешь нашу жизнь, знаешь наши отношенія къ крестьянамъ, сколько хлопотъ у матушки, а теперь уже годы даютъ себя чувствовать; случается, что и недомогается ей и она не можетъ сама пойти въ село; пока-то еще ей помогаетъ Анюта, часто замѣняя мать, ну, а какъ она уѣдетъ отъ насъ, тогда некому будетъ помочь моей старухѣ, да и по хозяйству трудно будетъ справляться. Такъ вотъ, княжна, мы и надумали себѣ помощницу. Ты говорила, что искренно желаешь служить народу, хочешь быть ему полезною и вотъ теперь мы хотимъ тебѣ дать возможность осуществить это желаніе... Замѣни намъ Анюту,

будь нашею дочерью и продолжай ея дѣло,, трудись для Богородскаго такъ, какъ потрудилась Анюта, этимъ ты принесешь пользу народу и исполнишь завѣщаніе своего дѣда. Итакъ, подумай объ этомъ и если будешь согласна, то этимъ ты докажешь, что въ тебѣ дѣйствительно течетъ кровь князей Отяковскихъ, для родины не жалѣвшихъ своей жизни; теперь времена перемѣнились, отъ русскаго человѣка требуется другое, другая служба—не такая замѣтная, но не менѣе плодотворная, и отъ тебя зависитъ принять ее.

Съ этими словами отецъ Алексѣй всталъ и хотѣлъ выйти, но Вѣра схватила его руку и, прижимая ее къ губамъ, взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Конечно, согласна. Какъ мнѣ благодарить васъ за все, что вы мнѣ сдѣлали.

— Ну и слава Богу, что согласна,—отвѣтилъ радостнымъ голосомъ отецъ Алексѣй, притягивая къ себѣ Вѣру и цѣлуя ее въ голову;—благодарить насъ не за что, благодари Господа Бога, пути котораго неисповѣдимы и безъ воли котораго ничего не свершается. А теперь пойдемъ къ моей старушкѣ, обрадуемъ ее, она небось уже волнуется, что мы долго не выходимъ,—и съ этими словами отецъ Алексѣй и Вѣра вышли изъ комнаты.

Тихо потекла жизнь Вѣры; цѣлый день былъ занятъ у нея заботами о больныхъ, которыхъ она обходила съ Надеждою Адріановною и Анютою и подъ ихъ руководствомъ училась ухаживать за ними,

дома также помагала по хозяйству, а вечеромъ сходились всѣ и занимались чтеніемъ и работами.

Весь Великій постъ Вѣра усердно посѣщала всѣ церковныя службы, а на Страстной недѣлѣ говѣла; никогда еще не испытывала она такого радостнаго чувства, какъ въ этотъ разъ; со слезами на глазахъ подходила она къ св. Причастію, чувствуя свое ничтожество, но вмѣстѣ съ тѣмъ радуясь своему обновленію, радуясь той жизни, которая ее ожидала впереди.

Въ іюлѣ пріѣхалъ Николай, окончившій курсъ и получившій мѣсто псаломщика въ Богородскомъ. Опять началъ онъ совмѣстно съ Вѣрою обходить больныхъ крестьянъ, такъ какъ Анюта была вся поглощена хлопотами о предстоящей въ сентябрѣ свадьбѣ. Такія прогулки вдвоемъ, служеніе одному дѣлу невольно сблизили молодыхъ людей и кончилось все это тѣмъ, чѣмъ кончается въ большинствѣ случаевъ: симпатія перешла въ любовь и вотъ недѣли за двѣ до свадьбы Анюты Николай и Вѣра возвращались какъ-то съ дальней пасѣки, находившейся въ лѣсу версты за двѣ отъ Богородскаго, и Николай сказалъ Вѣрѣ о своей любви и спросилъ, готова ли она раздѣлить съ нимъ его судьбу и быть ему помощницей въ его служеніи народу, и тутъ же получилъ согласіе отъ раскраснѣвшейся отъ волненія Вѣры.

Придя домой, Николай объявилъ родителямъ о случившемся и, конечно, не встрѣтилъ съ ихъ стороны никакихъ препятствій; они съ радостью бла-

гословили ихъ и старушка-мать обняла Вѣру и горячо поцѣловала, высказывая ей свою радость по поводу того, что Господь посылаетъ ей такую невѣстку, которая, она увѣрена, сумѣетъ сдѣлать счастливымъ ея сына.

Свадьбу не откладывали и она состоялась въ одинъ день съ свадьбою Анюты.

Княжна Отяковская стала женою псаломщика Карпова, но никогда не пожалѣла она объ этомъ, найдя полное счастіе въ своей семейной жизни; не жалѣлъ и Николай, который нашелъ въ аристократкѣ-женѣ вѣрную помощницу въ своихъ трудахъ, посвященныхъ на пользу крестьянъ; не жалѣли и богородскіе крестьяне, что ихъ будущій духовный отецъ женился на Вѣрѣ: они успѣли уже узнать ее до выхода замужъ за Николая и знали, что въ ней они найдутъ такую же печальницу объ ихъ интересахъ, какою была и старая матушка.

Черезъ годъ Николай былъ посвященъ во священники и былъ назначенъ вторымъ священникомъ въ Богородскомъ; такимъ образомъ семья отца Алексѣя не разстроилась и старики могли быть спокойными за своихъ богородскихъ крестьянъ: новые батюшка съ матушкою заботились о сирыхъ и убогихъ не меньше старыхъ. Молодая матушка Вѣра Николаевна все свободное отъ хозяйскихъ работъ время посвящала больнымъ и всѣмъ, кто только нуждался въ ея совѣтѣ и помощи.

Только изрѣдка бывали промежутки въ дѣятельности Вѣры, но они всегда совпадали съ появленіемъ въ семьѣ Карповыхъ новаго члена.

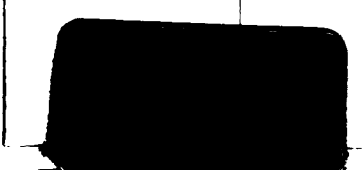
Прошло тридцать лѣтъ со времени свадьбы Вѣры; изъ молодой женщины она уже превратилась въ пожилую, но вполнѣ еще бодрая и здоровая, окружена дѣтьми, которыя боготворятъ ее. Старшій ея сынъ окончилъ университетъ и въ этомъ году поступаетъ въ духовную академію, но однако съ тѣмъ, чтобы поселиться впослѣдствіи въ Богородскомъ и продолжать дѣло отца и дѣда, а Вѣра тѣмъ временемъ выглядываетъ для своего сына невѣсту, которой бы могла спокойно передать какъ сына, такъ и своихъ богородцевъ.

Такимъ образомъ сынъ Вѣры останется вѣренъ завѣтамъ своихъ предковъ и будетъ продолжать служеніе своему народу, замѣнивъ только мечъ гордыхъ князей Отяковскихъ святымъ крестомъ и во славу его будетъ проповѣдывать слова любви и смиренія.

*PB-31347-SB
5-17
C
B-I

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 441

PG
3467
I5435

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.